

К 100-ЛЕТИЮ ИСХОДА ИЗ КРЫМА
РУССКОЙ АРМИИ И ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА
ОСЕНЬ 1920 ГОДА

ИСТОРИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

СУДЬБА РУССКОЙ ЭСКАДРЫ:

КОРАБЛИ И ЛЮДИ

МОСКВА
2020

**Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва**

Центр военного и морского наследия

**Фонд сохранения исторического и культурного
наследия имени А. А. Манштейн-Ширинской**

Центральный военно-морской музей

Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра

Судьба Русской эскадры: корабли и люди

Москва
2020

УДК 93/94

ББК 79

C89

Сборник материалов конференции публикуется в соответствии с планом мероприятий Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) к 100-летию исхода эскадры Черноморского флота из Крыма и Севастополя, а также по решению Учёного совета Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва.

Научный редактор:

С. А. Мозговой, кандидат исторических наук, капитан 1-го ранга

Рецензенты:

Ю. С. Путрик, доктор исторических наук, профессор

Е. И. Хаванов, доктор исторических наук, профессор

Судьба Русской эскадры : корабли и люди. Материалы
C89 Международной историко-просветительской конференции «Судьба Русской эскадры : корабли и люди» (Санкт-Петербург, 21–22 ноября 2019 г.). / Науч. ред. и сост. С. А. Мозговой. — М. : Институт Наследия, 2020. — 290 с. : ил.

DOI 10.34685/NI.2020.45.61.006

ISBN 978-5-86443-331-7

Сборник опубликован по итогам прошедшей в ноябре 2019 г. в Центральном военно-морском музее имени императора Петра Великого Международной историко-просветительской конференции «Судьба Русской эскадры: корабли и люди», посвящённой 100-летию исхода из Крыма русской армии и эскадры Черноморского флота осенью 1920 года. Предназначен историкам, военным морякам, краеведам, архитекторам, музейным работникам, специалистам в сфере сохранения историко-культурного, военного и морского наследия, всем, кто интересуется и занимается проблемами отечественного историко-культурного наследия за рубежом.

УДК 93/94

ББК 79

*В качестве иллюстраций в книге использованы
фото А. Ю. Емелина, Габриеле Лентини и из архивов авторов.*

© Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, 2020

© Фонд сохранения исторического и культурного наследия имени А. А. Манштейн-Ширинской, 2020

© Коллектив авторов, 2020

ISBN 978-5-86443-331-7

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	6
О Международной историко-просветительской конференции «Судьба Русской эскадры: корабли и люди» (С. А. Мозговой)	6
Приветствия участникам конференции	19
Приветствие губернатора Санкт-Петербурга А. Д. Беглова	19
Приветствие митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Варсонофия	20
Приветствие епископа Кронштадтского Назария, председателя правления Фонда сохранения исторического и культурного наследия имени А. А. Манштейн-Ширинской	22
Приветственный адрес руководителя Россотрудничества Э. В. Митрофановой	25
Приветствие заместителя губернатора — председателя правительства Севастополя О. Л. Тимофеевой	27
Приветствие Чрезвычайного и Полномочного Посла Российской Федерации в Тунисской Республике С. А. Николаева	28
Приветствие председателя Российско-Тунисского делового совета Т. В. Садофьевой	30
Приветствие от семьи русских эмигрантов Запольских	32
Доклады и выступления	34
Т. В. Акулова. Архив А. А. Манштейн-Ширинской в РГО	34
С. А. Бешанова, Е. Н. Ельцова. Сохранение историко- мемориального наследия Русской эскадры в Тунисе: к истории создания братских могил	38
М. Т. Валиев. Архимандрит Пантелеимон (Дмитрий Рогов) — последний настоятель православных храмов в Тунисе от Русской Православной Церкви Заграницей	48

С. Е. Виноградов. Линкор-изгнанник «Генерал Алексеев» в Бизерте, 1921–1936 гг.	67
Д. М. Володихин. Вице-адмирал М. П. Саблин и подготовка Черноморского флота к эвакуации	78
П. А. Головнин. К 100-летию Севастопольского Морского кадетского корпуса. Гардемарины братья Зеленые в Бизерте	82
Э. В. Гудова. Фонд сохранения исторического и культурного наследия имени А. А. Манштейн-Ширинской: миссия, результаты работы	95
Н. Л. Крылова. Женщины Русской эскадры	117
К. Э. Кузнецова. Унесённые бурей с родных берегов	129
С. А. Мозговой. Морская парусная экспедиция в Тунис по следам Русской эскадры. Опыт проведения историко- культурной и образовательной парусной экспедиции московских школьников по маршруту следования Русской эскадры в Бизерту и встреча с Легендой Русской Африки	136
К. Б. Назаренко. Последние гардемарины	165
Е. А. Никитин. Медицинское обеспечение массовой эвакуации беженцев из Крыма в Бизерту в 1920 году	174
И. М. Павлова. Музыкальное наследие Бизерты	191
В. К. Поликарпов. Моряк, верный традициям Морского корпуса, контр-адмирал Н. Н. Машуков	194
М. М. Рудковская. Документы Русской эскадры во французских архивах	205
В. О. Сапунова. Они жили надеждой возвращения	213
В. А. Саранов. Дневник кадета 7-й роты Севастопольского Морского кадетского корпуса за 1920–1921 гг. История нахождения дневника Сергиева Сергея Александровича — кадета Севастопольского Морского кадетского корпуса 1920-го года	225
А. Ю. Серебрянникова (Манштейн). О создании и работе клуба «Бизерта»	233
Н. А. Сологубовский. Мои встречи с Бабу	241

О. И. Фомин. Верная дочь Военно-Морского Флота России	257
М. В. Шкаровский. Храм-памятник святого благодарного князя Александра Невского в Бизерте	261
А. А. Шугаев. Тунисские православные мученики XX века — новое прочтение	272
Приложения	281
<i>Приложение 1.</i> Состав Координационного совета по подготовке к проведению мероприятий, посвящённых 100-летию Крымской эвакуации («Русского исхода»)	281
<i>Приложение 2.</i> Резолюция Международной историко-просветительской конференции «Судьба Русской эскадры: корабли и люди»	284
Сведения об авторах	287

---

*100- летию исхода из Крыма и Севастополя
русской армии и флота посвящается*

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

**О МЕЖДУНАРОДНОЙ ИСТОРИКО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«СУДЬБА РУССКОЙ ЭСКАДРЫ: КОРАБЛИ И ЛЮДИ»**

Рис. 1. Открытие конференции в Центральном военно-морском музее имени императора Петра Великого

Рис. 2. Открытие конференции. Внос Военно-морского флага

В преддверии 100-летия исхода эскадры Черноморского флота из Крыма и Севастополя («Русского исхода») под сенью исторического Андреевского Военно-морского флага с крейсера «Георгий Победоносец» 21–22 ноября 2019 года в Центральном военно-морском музее имени императора Петра Великого в г. Санкт-Петербурге прошла Международная историко-просветительская конференция «Судьба Русской эскадры: корабли и люди».

Её организаторами выступили Центральный военно-морской музей, Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра, Фонд сохранения исторического и культурного наследия имени А. А. Манштейн-Ширинской при содействии Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва.

Проведение конференции стало реализацией плана мероприятий Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств (Россотрудничество) к 100-летию исхода эскадры Черноморского флота из Крыма и Севастополя («Русского исхода»).

В работе конференции приняли участие военные, историки, краеведы, культурологи, специалисты музейного, архивного и библиотечного дела, духовные лица и энтузиасты, интересующиеся историей русской эскадры, судьбой тех русских людей, кто оказался на чужбине.

Открыл конференцию директор Центрального военно-морского музея имени императора Петра Великого генерал-майор **Р. Ш. Нехай**, кандидат политических наук.

Рис. 3. Генерал-майор Р. Ш. Нехай

«Дорогие друзья! У нас важное событие. Наша конференция сегодня очень необычная. Она необычная, главным образом, потому что эту очень важную тему для истории Военно-Морского Флота¹ мы поднимаем впервые.

Эту тему сегодня будут раскрывать самые подготовленные, знающие и любящие историю Военно-Морского Флота специалисты. Коллектив Центрального военно-морского музея сделал всё для того, чтобы обеспечить слаженную и комфортную работу конференции. Я хотел бы сегодня поблагодарить наш коллектив за проделанную работу, чтобы все участники конференции чувствовали себя в наших залах достаточно комфортно.

Проблема конференции в разное время по-разному рассматривалась обществом. Также по-разному мы относились к участникам исхода. Но сегодня стало понятно, что это была прежде всего трагедия. Трагедия для страны, для моряков, для кораблей. Наш долг — вспомнить людей, вспомнить корабли и воздать им должное. Наше желание — разобраться во всём объективно. Всё это предстоит сделать участникам конференции».

В адрес конференции были направлены приветствия Главного командования Военно-Морского Флота и Военно-морской академии имени Н. Г. Кузнецова (контр-адмирал А. Н. Конеев), губернатора Санкт-Петербурга А. Д. Беглова, руководителя Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств Э. В. Митрофановой, Чрезвычайного и Полномочного Посла Российской Федерации в Тунисе С. А. Николаева, заместителя губернатора Севастополя О. Л. Тимофеевой, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Варсонофия (Судакова), директора Центрального военно-морского музея генерал-майора Р. Ш. Нехай, директора Российского государственного архива ВМФ капитана 1-го ранга В. Г. Смирнова, председателя Российско-Тунисского делового совета Т. В. Садофьевой, которая представила анонс Международного молодёжного историко-образовательного конкурса «Морское наследие России», и др.²

---

¹ Здесь и далее все слова наименования «Военно-Морской Флот» пишутся с заглавной буквы в соответствии нормами официальной речи, употреблением в законодательных актах Российской Федерации и в соответствии с «Кратким справочником по оформлению актов Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» — *прим. ред.*

² *Мозговой С. А.* Международная конференция «Судьба Русской эскадры: корабли и люди» // Морской сборник, 2020, № 1. С. 17.

Рис. 4. Епископ Кронштадтский Назарий

Епископ Кронштадтский Назарий (Лавриненко) — наместник Александро-Невской Лавры, председатель правления Фонда имени А. А. Манштейн-Ширинской поздравил всех участников конференции «Судьба Русской эскадры: корабли и люди» от имени митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Варсонофия (Судакова). Он обратил внимание на такие материальные свидетельства, как Андреевский флаг с крейсера «Георгий Победоносец», назвав его связующим звеном с эскадрой. Этот флаг был последним спущен в Бизерте... «Поэтому я бы хотел, особенно для молодых людей, сказать, что присутствие здесь флага — это связующее звено между прошлым и настоящим и, надеюсь, будущим», — сказал владыка. Также он рассказал о той большой организаторской работе, которая была проделана по подготовке конференции и заботе об её участниках.

Заведующий кафедрой истории войн и военного искусства ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия», кандидат военных наук, **контр-адмирал А. Н. Конеев** приветствовал участников конференции от имени главного командования Военно-Морского Флота и Военно-морской академии имени Н. Г. Кузнецова. В своём выступлении он отметил стремление историков найти истину в событиях 100-летней давности, призвал к необходимости преодоления идеологических разногласий и честного доведения истории до молодёжи. При этом он поделился ходом обсуждения проблем исхода на своей кафедре. «Прежде чем прийти сюда, наша кафедра истории войн и военного искусства задалась вопросом: это величие или

Рис. 5. Контр-адмирал А. Н. Конеев

трагедия? Преподаватели кафедры старшего возраста посчитали исход трагедией, а молодёжь — величием. Конечно, гражданская война и последовавший исход разделили людей. Моряки в Бизерте старались по мере сил содержать корабли, но в 1924 году были вынуждены с горечью спустить Андреевский флаг. Такие же чувства испытали мы, когда в 1992 году пришлось спускать на кораблях Военно-морской флаг Советского Союза. Я видел слёзы наших моряков, а некоторые офицеры ушли с флота после спуска флага. Но сейчас мы накопили большой исторический материал по истории Русской эскадры и заужали этих людей — офицеров, которые остались верными присяге.

Хочется пожелать успешной работы конференции и опубликовать её материалы. Представляется, что материалы конференции помогут примирить правых и левых, красных и белых и понять, что мы одна страна и у нас одна Родина».

Директор Российского государственного архива Военно-Морского Флота (РГАВМФ), доктор исторических наук, капитан 1-го ранга **В. Г. Смирнов** в своём приветствии назвал конференцию знаменательным событием и пожелал успешной работы. Он отметил: «В 1920 году из Севастополя, из других городов Крыма в одночасье покинули Родину более 150 000 русских граждан для того, чтобы отправиться на чужбину. Во время посадки на корабли адмирал Михаил Беренс сказал морским офицерам, что это не эвакуация, это эмиграция. Он оказался прав... Я вчера смотрел эпизод фильма «Служили два товарища», где поручик Брусенцов сел на

Рис. 6. Капитан 1-го ранга В. Г. Смирнов

последний пароход. А когда пароход отошел от стенки, Брусенцов, увидев, как его конь Абрек бросился в воду, и поняв, что он оставил свою Родину, своих близких и даже своего коня, поручик не выдержал этого и застрелился. Мне кажется, что этот сюжет отражает всю глубину произошедшей трагедии. Люди оказались в рассеянии, часть этих людей оказалась в Бизерте.

Об этом написаны замечательные повести непосредственными участниками событий Владимиром Бергом, Николаем Кноррингом, Анастасией Ширинской. Последняя написала совершенно замечательную книгу “Бизерта. Последняя стоянка”. От этих книг веет теплом, светом и добром. Видно, как люди жили и работали за пределами нашей родины. О трагедии человеческих взаимоотношений хорошо повествует история жизни наших двух адмиралов — братьев Беренсов, один из которых оказался на стороне красных, а другой — на стороне белых. И они едва не встретились в Бизерте тогда, когда уже рассматривался вопрос о передаче оставшихся там кораблей советской России. Но так и не встретились по ряду обстоятельств. Такая нелёгкая судьба была у этих людей. Но я хотел бы сказать сейчас, что спустя 100 лет мы должны смотреть на эти события диалектически. С одной стороны, была трагедия. Но мы знаем, что произошло на родине спустя 10–20 лет после исхода. Поэтому я бы назвал эту трагедию в какой-то степени спасительной трагедией. Да, не все выжили в Галлиполи, Бизерте и других местах. Но всё же большинство, благодаря исходу, остались живыми и дожили до пятидесятых, шестидесятых и даже семидесятых годов

XX века. Чего не скажешь о тех, кто остался на родине. Поэтому есть в этой проблеме дуализм и мы должны, конечно, комплексно смотреть на то, что произошло именно в двадцатом году. Завершая своё короткое выступление, я хотел бы вспомнить слова Анастасии Ширинской, которые были написаны в её книге: “Придёт время, когда тысячи русских людей станут искать следы народной истории на туниССкой земле”. Это время настало. И сегодня участники конференции будут искать следы народной памяти. Я желаю конференции успешной работы, а всем нам — добра, мира, отсутствия раскола в обществе...»

Председатель Российско-ТуниССкого делового совета **Т. В. Садофьева** представила приветствие Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству и рассказала о деятельности взаимодействия российской молодёжи и молодого поколения наших соотечественников за рубежом. Также она подробно остановилась на плане мероприятий Координационного совета, посвящённых 100-летию Крымской эвакуации («Русского исхода»)³, рассказала о международном молодёжном историко-образовательном конкурсе «Морское наследие России», который реализуется совместно с Ассоциацией «Морское наследие» и Морским техническим колледжем имени адмирала Д. Н. Сенявина при поддержке Главного командования Военно-Морского Флота, Федерального агентства по туризму, Роспатриотцентра, Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Морского совета при Правительстве Санкт-Петербурга, Фонда сохранения исторического и культурного наследия имени А. А. Манштейн-Ширинской и других авторитетных организаций. Победители конкурса будут приглашены для участия в основных мероприятиях, посвящённых 100-летию «Русского исхода»⁴.

Своё приветствие Т. В. Садофьева заключила словами: «Мы уверены, что общими усилиями нам удастся увековечить память

---

³ См. Приложение 1. Состав Координационного совета по подготовке к проведению мероприятий, посвящённых 100-летию Крымской эвакуации («Русского исхода»).

⁴ См. : Международный молодёжный историко-образовательный конкурс «Морское наследие России». <http://history-memory.com/konkurs/> (дата обращения: 25.08.2020 г.).

о Русской эскадре и её людях. Именно об этом мечтала Анастасия Александровна Ширинская»⁵.

Представителям г. Севастополя была передана земля из храма св. князя Александра Невского г. Бизерты в ознаменование инициативы побратимства городов и создания в Севастополе храма как части мемориала, посвящённого исходу.

Рис. 7. Ведущие конференции и секретариат

Рис. 8. Участники конференции

---

⁵ Судьба Русской эскадры: корабли и . URL: <http://rus-tunis.com/novosti/sudba-escadry.html> (дата обращения: 25.08.2020 г.).

Рис. 9. В зале конференции

Старший научный сотрудник отдела военно-исторического наследия Дома русского зарубежья **А. В. Марыняк** рассказал о подготовленной сотрудниками ДРЗ и развёрнутой в Центральном военно-морском музее выставке, посвящённой 100-летию исхода Русской эскадры из Крыма. На выставке были представлены предметы из государственных и частных архивов и собраний. Среди уникальных экспонатов — подлинные хоругви из корабельной церкви, коллекция миниатюрных фигурок военных, принадлежавшая мичману Л. А. Майдановичу, эмигрировавшему из России в 1920 году. В подготовке выставки принимал участие сотрудник ДРЗ Н. А. Кузнецов. Были представлены материалы по истории морского корпуса.

Также представлены документы из архива Александра Владимировича Плотто — русского парижанина, потомка офицеров Российского Императорского флота, историка и собирателя материалов по русской морской истории, одного из последних участников «Русского исхода» 1920 года...

В ходе работы конференции были заслушаны доклады ведущих учёных и специалистов по истории исхода Русской эскадры, сообщения волонтеров, энтузиастов-практиков — хранителей наследия эскадры, представителей государственных органов, научно-исследовательских, культурных и общественных организаций, занимающихся изучением культурно-исторического, военного и морского наследия русской армии и флота. Общественные и государственные деятели вместе с учёными и деятелями культуры вновь обратились

Рис. 10. Выставка в фойе ЦВММ

к осмыслению далёкой, но по-прежнему важной для нас эпохи.

В числе докладчиков выступили: ведущий научный сотрудник Института Российской истории РАН, руководитель центра военной истории России, доктор исторических наук, капитан 1-го ранга Д. Ю. Козлов — на тему «Публикации бизертинского «Морского сборника» (1921–1923 гг.) в контексте военно-морской историографии и археографии»⁶, начальник отдела информационного обеспечения и выставочной деятельности РГАВМФ, кандидат исторических наук А. Ю. Емелин — «Русская эскадра и Бизерта в письмах членов советской технической комиссии Е. А. Беренса и П. Ю. Ораса (декабрь 1924 г. — январь 1925 г.)», старший научный сотрудник Центрального музея ВС РФ Минобороны России, кандидат исторических наук С. Е. Виноградов — «Линкор-изгнанник: «Генерал Алексеев» в Бизерте, 1921–1936 гг.», доцент РЭУ имени В. Г. Плеханова, кандидат исторических наук М. М. Рудковская — «Документы Русской эскадры во французских архивах». Президент Фонда имени А. А. Манштейн-Ширинской Э. В. Гудова рассказала о миссии и результатах работы Фонда сохранения исторического и культурного наследия имени А. А. Манштейн-Ширинской. Этой же теме, а также судьбам участников исхода, посвятили свои докла-

⁶ См.: Козлов Д. Ю. Публикации бизертинского «Морского сборника» (1921–1923 гг.) в контексте историографии Первой мировой войны // Петербургский исторический журнал. 2020. № 1 (25). С. 258–270.

ды члены клуба «Бизерта»: главный научный сотрудник Института Африки РАН, доктор исторических наук Н. Л. Крылова — «О женщинах Русской эскадры»; И. М. Павлова — «Музыкальное наследие Бизерты», К. Э. Кузнецова — «Унесённые бурей с родных берегов», Т. В. Акулова-Конецкая — об архиве А. А. Ширинской (Манштейн) в Русском географическом обществе и др.

Профессор МГУ, доктор исторических наук Д. М. Володихин свой доклад посвятил вице-адмиралу М. П. Саблину и подготовке Черноморского флота к эвакуации, а ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета В. К. Поликарпов рассказал о контр-адмирале Н. А. Машукове, сохранившем верность традициям Морского корпуса.

Ведущий научный сотрудник Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, профессор Санкт-Петербургской духовной академии, доктор исторических наук М. В. Шкаровский рассказал об истории храма в Бизерте, а руководитель проекта «Общество друзей школы Карла Мая» М. Т. Валиев рассказал о послевоенном настоятеле православного храма в Бизерте архимандрите Пантелеимоне (Рогове), А. А. Шугаев поделился своим исследованием о тунисском православном мученике XX века.

О судьбе морских кадет и гардемарин рассказали доцент кафедры источниковедения истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук К. Б. Назаренко, директор Ассоциации «Русско-Японский центр по науке и культуре» П. А. Головнин и победитель конкурса проектов имени Александра Невского В. А. Саранов. Также с участниками конференции поделились опытом проведения научно-исследовательской и историко-культурной парусной экспедиции московских школьников по маршруту следования русской эскадры в Бизерту^{7, 8}.

Представитель Фонда «РУССАР», автор документального кинофильма «Анастасия. Ангел Русской эскадры» Н. А. Соло-

---

⁷ Мозговой С. А. Через пять морей. Морская парусная экспедиция в Тунис «По следам Русской эскадры» // «Проблемы изучения и сохранения морского наследия России». Материалы Первой международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 27–30 октября 2010 г. Калининград, 2010. С. 166–168.

⁸ Сергей Мозговой предложил использовать опыт Института Наследия в мероприятиях к 100-летию «Русского исхода». URL: http://heritage-institute.ru/?tribe_events=v-sankt-peterburge-proshla-konferenczi (дата обращения: 25.08.2020 г.).

губовский рассказал о своих встречах с Бабу (Анастасией Александровной Манштейн-Ширинской), а О. И. Фомин (в 90-гг. — директор Российского центра науки и культуры в Тунисе) — о деятельности Российского центра науки и культуры в Тунисе по сохранению культурно-исторического наследия Русской эскадры.

Заведующий диагностическим кабинетом 1-го Военно-морского клинического госпиталя (г. Кронштадт), доктор медицинских наук, заслуженный деятель науки, полковник медицинской службы Е. А. Никитин рассказал о медицинском обеспечении во время массовой эвакуации беженцев.

Участники конференции отметили возросший интерес общества и военных моряков к истории и судьбе воинов и членов семей Русской эскадры, её культурному наследию, а также большой вклад Фонда сохранения исторического и культурного наследия имени А. А. Манштейн-Ширинской в создании мемориального центра «Дом Русской эскадры» и поддержании построенного в 1938 году православного храма-памятника св. князя Александра Невского.

В рамках конференции были организованы выставки:

- документов, фотографий и личных вещей моряков из собрания ЦВММ имени императора Петра Великого;
- фотодокументальная выставка «Последние гардемарины. 1918–1925. Петроград — Владивосток — Севастополь — Бизерта», подготовленная Домом русского зарубежья;
- выставка книг об истории Русской эскадры из фондов Центральной военно-морской библиотеки.

Центральной военно-морской библиотеке были подарены книги, выпущенные в рамках издательской программы Фонда сохранения исторического и культурного наследия имени А. А. Манштейн-Ширинской.

Участники конференции приняли резолюцию⁹, в которой отметили, что выполнение мероприятий 100-летнего юбилея будет способствовать гуманистическим идеалам, сплочению граждан России, развитию международных и межкультурных связей.

Особые слова благодарности за подготовку конференции — её организаторам: директору Центрального военно-морского музея имени императора Петра Великого, кандидату полити-

---

⁹ См. Приложение 2. Резолюция Международной историко-просветительской конференции «Судьба Русской эскадры: корабли и люди».

Рис. 11. Выставка в фойе ЦВММ

ческих наук, генерал-майору Р. Ш. Нехаю; заместителям директора — кандидату исторических наук А. Н. Чернавскому и кандидату культурологии С. Ю. Курносову; учёному секретарю, кандидату исторических С. Д. Климовскому; другим сотрудникам ЦВММ; президенту Фонда имени А. А. Манштейн-Ширинской Э. В. Гудовой и председателю Правления Фонда — епископу Кронштадтскому Назарию; координатору Фонда, кандидату психологических наук, капитану 1-го ранга В. П. Лазареву; членам клуба «Бизерга»; сотрудникам Дома русского зарубежья, а также ведущему научному сотруднику Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, кандидату военных наук, полковнику С. А. Рябову за помощь в подготовке к изданию настоящего сборника.

Тексты докладов и выступлений в виде статей публикуются в алфавитном порядке.

*С. А. Мозговой,
руководитель Центра военного и морского наследия,
кандидат исторических наук, капитан 1-го ранга*

ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ¹⁰

Приветствие губернатора Санкт-Петербурга А. Д. Беглова

*Участникам и гостям международной
историко-просветительской конференции
«Судьба Русской эскадры: корабли и люди»
(к 100-летию трагического исхода из Крыма
и Севастополя русской армии и флота)*

Дорогие друзья!

Рад приветствовать участников и гостей международной историко-просветительской конференции «Судьба Русской эскадры: корабли и люди»!

Конференция посвящена одному из самых последних эпизодов Гражданской войны в России — 100-летию трагического исхода из Крыма и Севастополя русской армии и флота. Знание нашей общей истории, каждого из её этапов, какими бы трудными они ни были — основа истинного патриотизма, осмысленного, подлинного служения Родине.

Особенно это важно для молодёжи. Именно ей принадлежит будущее России. Как сказал академик Дмитрий Сергеевич Лихачёв, «ощущать себя наследником прошлого — значит осознавать ответственность перед будущим».

Благодарю всех за плодотворную работу, направленную на изучение и сохранение исторического наследия нашей страны.

Желаю вам новых успехов и достижений на благо Отечества!

*Губернатор Санкт-Петербурга
А. Д. Беглов*

---

¹⁰ В текстах приветствий сохранена орфография и написание отдельных слов и терминов в соответствии с оригиналом приветственных документов.

Приветствие митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Варсонофия

Санкт-Петербургская митрополия
Русской Православной Церкви

*Организаторам, участникам и гостям
Международной историко-просветительской конференции
«Судьба Русской эскадры: корабли и люди»*

Дорогие братья и сёстры!

Сердечно приветствую вас на Международной историко-просветительской конференции «Судьба Русской эскадры: корабли и люди». В 2020 году исполняется 100 лет со дня исхода Русской армии и Черноморского флота из Крыма. Более 140 тысяч наших соотечественников покинули родину. Многие из них — навсегда. Вспоминая трагические события истории, мы уповаем на то, что милостью Божьей это не повторится. Русская Церковь и флот всегда были тесно связаны. Традиция назначать священников на корабли для духовного окормления личного состава была заложена ещё императором Петром I. Она продолжалась вплоть до Октябрьской революции. Корабельные священники честно несли служение, терпели лишения и зачастую погибали со своей паствой. Вместе с Русской эскадрой из Крыма в 1920 году отправились в неизвестность 13 священнослужителей. Они сохранили православную веру на далёких берегах мусульманского Туниса, утешая и поддерживая тех, кто покинул родину. Наши предки могли рассеяться и раствориться среди других народов, но выстояли, сохранив на чужой земле и передав потомкам память, веру, традиции. Господь наш Иисус Христос не позволил своим чадам пропасть, даровав им силы трудиться во славу Божию. Символом христианской Церкви является корабль, идущий по волнам житейского моря. Он совершает

спасительное плавание с целью помочь людям жить так, как заповедовал Господь: с верой, надеждой и любовью к ближним. Яркий пример такой жизни показали те, о ком мы вспоминаем на этой конференции.

Желаю вам мира, добра, помощи Божией в благих делах, сохранения исторической памяти! Пусть все милостивейший Господь сделает нас достойными великих предков!

С Божьим благословением,
Варсонофий,
митрополит Санкт-Петербургский
и Ладожский

**Приветствие епископа Кронштадтского Назария,
председателя правления Фонда сохранения исторического
и культурного наследия имени А. А. Манштейн-Ширинской**

Рис. 1. Епископ Кронштадтский Назарий

Дорогие друзья!

Историко-исследовательской основой Международной историко-просветительской конференции «Судьба Русской эскадры: корабли и люди» стала судьба кораблей и людей Русской эскадры, сформированной из части кораблей и судов Российского Черноморского флота. В тунисский порт Бизерта прибыло 5849 человек, в числе которых были офицеры, гардемарины, кадеты, кондуктора, матросы, духовенство, женщины и дети.

После спуска Андреевского флага на кораблях эскадры в 1924 году команды сошли на берег и стали обустраиваться для продолжения жизни в новых условиях. Добросовестность русских людей, готовность довольствоваться малым были оценены местным населением. Слово «русси» для работодателей французов и тунисцев стало, безусловно, маркером-рекомендацией.

Рис. 2. Андреевский флаг с крейсера «Георгий Победоносец»

Культурный уровень наших соотечественников, их профессиональная добросовестность и дисциплинированность были оценены разнородным сообществом в Тунисе, что облегчило процесс интеграции в экономическую и культурную жизнь страны.

Наши соотечественники, оказавшиеся за пределами Родины, могли раствориться среди народов других стран, но выстояли, сохранив веру, традиции и память. Господь наш Иисус Христос не позволил Своим чадам пропасть, даровав им силы жить и трудиться во славу Божию. Они совершили своё спасительное плавание на кораблях Русской эскадры. Как известно, корабль является Символом христианской Церкви. На таком корабле они совершили плавание с верой, надеждой и любовью к ближним. Об этом свидетельствует жизненный путь тех, кого мы вспоминаем на этой конференции.

Моряков Русской эскадры и их семьи отличало бескорыстие, приверженность русской культуре и стремление сохранить историческую память Отечества. Каждая семья старалась сберечь островки русской культуры, быта и особенно чистоту русского языка — основу национальной идентичности.

Прочная духовная связь с Родиной и надежды на возвращение способствовали сохранению и развитию духовно-нравственных основ выживания на чужбине, давали возможность русским людям вносить свой посильный вклад в культуру и экономику приютившей их страны.

Участники конференции через призму человеческих судеб, на которые повлияли события Гражданской войны в России, показали трагизм раскола общества и его негативные социально-психологические последствия. В большей части докладов и научных сообщений ставились акценты на задачу сохранения исторической памяти, единения людей на основе национально-культурной идентичности, моральных ценностей и общей исторической судьбы.

Анастасия Александровна Манштейн-Ширинская («Ангел Русской эскадры») однажды сказала о том, что когда пережито всё тяжёлое, когда можно увидеть, как великий народ начинает по-своему осваивать пережитое им, это даёт надежду на его славное будущее. Потому что трудно уничтожить память народа! И народ рано или поздно начинает искать следы своего прошлого.

В конференц-зале Центрального военно-морского музея, где проходит конференция, выставлен исторический Андреевский флаг с корабля Русской эскадры «Георгий Победоносец», который символически являл собой связующее звено между прошлым и настоящим.

Наша конференция откроет для него ещё одну страницу отечественной истории, наполненную трагизмом разрушительных последствий гражданской смуты, примерами духовного подвига и приверженности национальным, культурным и нравственным ценностям.

*Назарий (Лавриненко),
епископ Кронштадтский,
председатель правления Фонда
имени А. А. Манштейн-Ширинской*

Приветственный адрес руководителя Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничества) Э. В. Митрофановой

Организаторам и участникам Международной историко-просветительской конференции «Судьба Русской эскадры: корабли и люди»

Дорогие друзья!

От имени Россотрудничества сердечно приветствую организаторов и участников историко-просветительской конференции «Судьба Русской эскадры: корабли и люди». Символично, что мероприятие приурочено к 100-летию исхода из Крыма русской армии и Черноморского флота. Весьма высоко ценим вклад конференции в актуализацию темы единения людей на основе национально-культурной идентичности и общей исторической памяти.

Покидая Крым осенью 1920 года, эскадра имела на борту более ста пятидесяти тысяч беженцев из числа наших соотечественников. Шесть тысяч из них пришли вместе с Русской эскадрой в тунисский порт Бизерта.

Одним из приоритетных направлений деятельности Россотрудничества является консолидация российской диаспоры за рубежом. В контексте проводимого мероприятия примечательным является тот факт, что РЦНК в Тунисе на протяжении долгих лет поддерживало непрерывный контакт с выдающейся соотечественницей, имя которой вам хорошо известно — Анастасией Ширинской — и оказывало ей всевозможное содействие в области сохранения русского языка и российского исторического наследия в стране. Отрадно, что современные поколения соотечественников перенимают эстафету первой волны эмиграции и сами становятся проводниками русской культуры и традиций. И они всецело могут рассчитывать на нашу организационную и информационную поддержку в своих значимых проектах.

К вековому юбилею исхода эскадры Императорского Черноморского флота из Крыма и Севастополя Россотрудничеством

при взаимодействии с соорганизаторами намечена серия крупномасштабных мероприятий: показ тематических фильмов, проведение международных «круглых столов», выставок, общественно-просветительских акций и пресс-конференций. Будем рады видеть вас среди наших партнеров и участников.

Желаю конференции плодотворной и активной работы, а её участникам — интересных встреч, новых проектов и достижений. Всего вам доброго.

*Руководитель
Э. В. Митрофанова*

**Приветствие Заместителя Губернатора-Председателя
Правительства Севастополя по вопросам образования,
культуры и спорта О. Л. Тимофеевой**

Уважаемые организаторы и участники конференции!

С момента исхода белой армии из Севастополя, а значит, из России, миновало 99 лет. Много времени прошло, многое в нашем восприятии переосмыслилось, на многое мы стали смотреть не с точки зрения «свой — чужой», «наш — враг», а с позиции «все мы родом из России». Прошла пора обличений. Пришло время понимания.

Понимания причин и последствий кровавого и жестокого времени. Времени, с которым неразрывно связаны «красный» и «белый» цвета, имена «Петр Врангель», «Александр Кутепов», «Михаил Фрунзе», «Иван Папанин», слова «родина» и «чужбина» — трагедия Русского раскола. Со словами П. Н. Врангеля «Армия... оставляет родную землю... Мы идём на чужбину...» с Графской пристани Севастополя уходили корабли. Уходили печально, навсегда покидая Россию.

Армия оставляла родную землю. Но! Рождённая армия молодого Советского государства становилась на защиту Отечества.

Оценивая события вековой давности, сегодня можно утверждать: Гражданская война, разрушая, разъединяла. Великая Отечественная — Вторая мировая война объединила «красных» и «белых» в едином служении и верности долгу, вере, Отечеству.

Убеждена, что в рамках конференции состоится обмен мнениями, а выдвинутые идеи обязательно будут востребованы.

Желаю участникам конференции плодотворной работы, интересного, полезного общения и всего самого доброго.

О. Л. Тимофеева

**Приветствие Посла Российской Федерации
в Тунисской Республике С. А. Николаева**

*Участникам Международной
историко-просветительской конференции
«Судьба Русской эскадры: корабли и люди»*

От имени сотрудников Посольства России в Тунисе и от себя лично приветствую участников Международной историко-просветительской конференции «Судьба Русской эскадры: корабли и люди». Данная встреча по сути является прологом организуемых в России и за её пределами различных памятных мероприятий, приуроченных к 100-летию Крымского Исхода, в результате которого российские корабли с находящимися на их борту моряками и членами семей оказались в тунисском порту г. Бизерты.

События того времени, одним из драматических эпизодов которого стало пребывание на тунисской земле наших соотечественников, до сих пор вызывают разные, порой противоположные, оценки и мнения. И потому вполне закономерно, что в рамках предстоящего мероприятия общественные и политические деятели, историки, представители Русской православной церкви, потомки тех, кто волею судеб оказались в Тунисе, вновь обращаются к осмыслению далёкой, но по-прежнему важной для нас эпохи.

Особую признательность хотелось бы выразить российскому Фонду сохранения исторического и культурного наследия имени Анастасии Александровны Манштейн-Ширинской и его президенту Эльвире Владимировне Гудовой. Благодаря самоотверженной работе сотрудников Фонда и осуществляемому лично Э. В. Гудовой на протяжении многих лет финансированию в Бизерте удалось приобрести здание и создать мемориальный центр «Дом Русской эскадры», поддерживать при весьма ограниченных возможностях построенный в 1938 году православный храм-памятник св. князя Александра Невского и захоронения наших соотечественников на местном христианском кладбище, а также осуществлять солидную исследовательскую и издательско-просветительскую работу.

Предпринимаемые Фондом усилия, как нам представляется, требуют всестороннего содействия. В этой связи в целях сохранения для будущих поколений нашего исторического наследия на африканском континенте важно было бы обсудить на конфе-

рениции и зафиксировать в её решениях вопросы, касающиеся обеспечения государственной поддержки деятельности Дома-музея и сохранения в надлежащем состоянии храма-памятника св. князя Александра Невского и захоронений.

Уважаемые участники!

Уверен, что данная конференция даст новый импульс для лучшего понимания нашей истории, будет способствовать единению людей на основе национально-культурной идентичности и моральных ценностей.

Желаю вам успехов!

Тунис, 21 ноября 2019 г.

**Приветствие председателя
Российско-Тунисского делового совета Т. В. Садофьевой**

РОССИЙСКО-ТУНИССКИЙ ДЕЛОВОЙ СОВЕТ

مجلس الاعمال الروسي التونسي

RUSSIAN-TUNISIAN BUSINESS COUNCIL

Рис. 3. Т. В. Садофьева

Дорогие друзья!

От имени Российско-Тунисского делового совета и от себя лично с искренним уважением приветствую участников и организаторов Международной историко-просветительской конференции «Судьба Русской эскадры: корабли и люди».

В преддверии чествования важной исторической даты конференция даёт старт проведению памятных мероприятий, посвящённых 100-летию исхода «Русской эскадры» из Крыма и Севастополя, которые будут проходить в 2020 году в Севастополе и Бизерте.

Сегодня в России, пожалуй, нет более важной идеи, чем патриотизм. Его мощный духовный потенциал должен быть направлен на консолидацию всего российского общества, на объединение людей, не равнодушных к судьбам молодого поколения и к судьбе страны. Патриотическое воспитание подрастающего поколения в нашей стране всегда являлось одной из основных государственных задач и поэтому важность сохранения исторической памяти и передачи её новым поколениям — весьма актуальная для нашего времени проблема. Нам необходимо донести до молодого поколения, живущего в России, и потомков «Русского исхода» за рубежом идею «сохранения русского мира» для объединения усилий в служении Отечеству. Именно в этих целях в рамках программы памятных мероприятий Российско-Тунисский деловой совет проводит Международный молодёжный историко-образовательный конкурс «Морское наследие России», посвящённый истории Военно-Морского Флота России, его героическому прошлому и сохранению традиций морского наследия.

Желаю успешной и плодотворной работы всем участникам конференции.

*Татьяна Вячеславовна Садофьева,
Председатель Российско-Тунисского делового совета*

Приветствие от семьи русских эмигрантов Запольских

Дамы и господа, меня зовут Алекс Запольский, у меня русские корни. К сожалению, я не говорю по-русски (*далее следует перевод с английского*). Благодарю организаторов конференции за возможность выступить на столь солидном форуме. Это очень важно для нашей семьи, которая 100 лет тому назад вынуждена была покинуть Россию. Это большая трагедия для многих людей. История ставит перед нами задачу преодолеть разделение, которое произошло 100 лет тому назад. Трагедия России в том, что она оказалась разделённой на две части: красную и белую. Также мы должны помнить, что Тунис и Франция оказали содействие эскадре, помощь в её пребывании в Бизерте. 100-летие исхода Русской эскадры из Крыма — это прекрасная возможность напомнить лидерам многих стран о том, что Крым был частью России.

Рис. 4. Приветствие семьи Запольских

Я происхожу из семьи, которая покинула Россию и испытала на себе события тех лет, когда жила в Тунисе. Люди в эмиграции никогда не забывали свою русскую культуру, свои корни, традиции и свою религию. Наша семья благодарна президенту Фонда имени А. А. Манштейн-Ширинской Эльвире Гудовой за сохранение наследия наших соотечественников в Бизерте и сохранение исторических традиций.

Я прошу дать возможность сказать несколько слов моему отцу, который был свидетелем многих событий из жизни русской эмиграции.

*Александр Георгиевич Запольский,
потомок лейтенанта Д. В. Запольского
с линкора «Генерал Алексеев»,
представитель французской цифровой индустрии,
инициатор французско-российского цифрового альянса*

Дорогие друзья, я немножко говорю по-русски. Мне хочется сказать несколько слов о том, что мы должны вместе сохранить память о нашей эскадре и о людях, которые были вынуждены прийти на кораблях в Тунис. Мы должны сохранить память не только об известных соотечественниках, но и обо всех других. О тех, кто смог нам передать богатое русское наследие. Также мне хочется выразить благодарность странам, которые дали возможность нашим родителям закрепиться на новой земле. Это Франция и Тунис. Ещё хочу особенно подчеркнуть, что мы, дети русских эмигрантов, должны стремиться к полному примирению со страной наших предков. Мы знаем, что некоторые из тех, кто остался в России с надеждою лучшей жизни, также пострадали в трагические времена. Мы должны стремиться к тому, чтобы такое тяжёлое и жестокое время больше не повторилось. Благодарю вас за сохранение памяти о Русской эскадре.

Георгий Георгиевич Запольский

Доклады и выступления

Т. В. Акулова

АРХИВ А. А. МАНШТЕЙН-ШИРИНСКОЙ В РГО

Рис. 1. Т. В. Акулова

В научном архиве Русского географического общества в Санкт-Петербурге (пер. Гривцова, 10) хранится архив А. А. Манштейн-Ширинской, переданный Анастасией Александровной сотрудникам архива в 1999 и 2003 годах в Бизерте. Архив РГО¹¹ 48 лет неизменно возглавляет Мария Фёдоровна Матвеева. Сотрудниками РГО архив А. А. Манштейн-Ширинской описан и подготовлен для научного использования специалистами.

Архив А. А. Манштейн-Ширинской включает в себя фотографии, переписку, иллюстрации из французских журналов. Всего 295 единиц хранения.

Самая ценная часть архива — материалы и фотографии, датированные 1920–1925 годами.

---

¹¹ РГО – Русское географическое общество.

На большинстве фотографий (их в архиве А. А. Манштейн-Ширинской 43) запечатлена жизнь Морского корпуса в Бизерте, каждодневный быт гардемарин и их учёба. К фотоархиву приложен аннотированный список фотографий и автограф Анастасии Александровны.

Значительная часть фотографий известна специалистам, они воспроизведены в книге «Русская эскадра. Прощание с Императорским флотом», подготовленной к изданию Фондом сохранения исторического и культурного наследия имени А. А. Манштейн-Ширинской в издательстве «Арт Волхонка» в 2015 году.

Ценность данной части архива А. А. Манштейн-Ширинской несомненна, в т. ч. потому, что фотографии поротно представляют гардемарин Морского корпуса как в Севастополе, так и в Бизерте, а также командиров и преподавателей корпуса, членов их семей.

С краткими аннотациями в архиве представлены и 9 фотографий кораблей российского флота (они большого формата, начала XX века, не датированы, переданы в РГО А. С. Николая). Эти фотографии, полученные от Анастасии Александровны, принадлежали ранее Ольге Аркадьевне Янцевич, урождённой Шольп (в первом браке — жена капитана 1-го ранга инженер-механика Сергея Петровича Янцевича, участника сражения под Порт-Артуром на крейсере 2-го ранга «Алмаз», во втором браке — жена Андрея Афанасьевича Стеблина, пришедшего в Бизерту на корабле Русской эскадры и проживавшего в Бизерте, а затем в г. Тунис). Свои последние дни Ольга Аркадьевна Янцевич провела в уютном старческом доме в портовом городке Радес, где её навещала А. А. Ширинская. Вместе с сыном Ольги Аркадьевны Георгием Анастасия Ширинская училась в одном классе лицея.

На фотографиях, сохранённых О. А. Янцевич: корабли «Полтава», «Аскольд», «Севастополь», «Новик», «Варяг», «Петропавловск», «Ретвизан», «Диана» и «Гиляк».

Архив РГО хранит и переданную А. А. Манштейн-Ширинской переписку между МИД Франции, Главной резиденцией в Тунисе, Морским префектом в Бизерте на французском языке (имеется перевод). Переписка датирована 1921–1925 годами. Эти документы отражают прибытие русских беженцев в Бизерту и сложности их пребывания на чужбине, непростой жизни на кораблях эскадры. На документах имеются ценные пояснения, сделанные рукой А. А. Манштейн-Ширинской.

Среди переписки — и письма М. М. Литвинова, заместителя наркома по иностранным делам СССР, с протестом о прода-

же кораблей Русской эскадры (1924 год). Здесь же — под грифом «секретно» — проект протокола осмотра русских военных кораблей, находящихся в Бизерте, адресованный в Генеральный штаб (20 декабря 1924 года). В составе Военно-морской технической комиссии по осмотру русских военных кораблей, находящихся в Бизерте, согласно протоколу, значатся: академик Александр Николаевич Крылов, Евгений Беренс (капитан 1-го ранга РИФ¹², родной брат командующего Русской эскадры Михаила Андреевича Беренса), инженер-механик Пауль Юрьевич Орас (репрессирован в 1937 году), морской артиллерист Ведерников.

В трагический для Русской эскадры 1924 год Морской префект сообщал вышестоящему начальству (копии писем представлены в архиве РГО): «... В течение года, пока я исполнял обязанности морского префекта, русские моряки не давали ни малейшего повода для упрёка в отношении честности и порядочности».

О сложнейшем положении, в котором моряки Русской эскадры и члены их семей оказались после ликвидации кораблей эскадры, свидетельствует и переданный в РГО А. А. Манштейн-Ширинской «Список русских моряков, желающих получить работу», составленный морской префектурой Бизерты (это копии на французском и русском языках, датированы 1924 годом). В пояснительной записке к спискам выделены три категории изгнанников: главы семей, старики и дети; женатые без детей; неженатые от 23 до 50 лет. В этих списках более 90 фамилий, с указанием воинских званий, знания языков, семейного положения, в какой должности нуждаются.

К более ранним материалам, из переданных Анастасией Александровной в РГО, относятся иллюстрации из французских журналов: 1901 года (крайне ветхие) и 1905 года, на которых представлены сцены из русской жизни.

А. А. Манштейн-Ширинская передала в РГО и газету «Русская мысль» (выходила в Париже с 19 апреля 1947 года): в номере за 26 ноября–2 декабря 1998 года — статья Марины Паниной «Русский Тунис» — одна из первых больших публикаций о судьбе Русской эскадры.

Меньшая часть архива А. А. Манштейн-Ширинской — это переписка 1994–1998 годов: РГО — с различными организациями государственной власти и управления, отдельными лицами по вопросу проведения мероприятий по программе «Бизерта» (руководитель — капитан 1-го ранга в отставке А. С. Николая); Посольства

---

¹² РИФ – Российский Императорский флот.

Российской Федерации в Тунисе — с РГО; переписка по вопросу проведения экспедиции «Севастополь — Бизерта» в честь 300-летия Российского флота. Допускаем, что изучение данных материалов может помочь в детальной разработке программы к 100-летию исхода Русской эскадры.

В этой части архива А. А. Манштейн-Ширинской также: договор о передаче Фонду содействия флоту «Отечество» документов из собрания А. А. Ширинской и договор о финансовой помощи на реставрацию памятников и могил русских моряков.

Архив РГО хранит две книги А. А. Ширинской с автографами автора, в т. ч. раннее издание 1996 года, изданное в рамках программы РГО «Бизерта». А также представлены копии послания Анастасии Александровне губернатора Санкт-Петербурга В. А. Яковлева «Последней белой русской в Африке» и его же благодарственное письмо. В них высоко оценена деятельность А. А. Манштейн-Ширинской по сохранению памяти о Русской эскадре, а её книга «Бизерта. Последняя стоянка» справедливо названа литературным и духовным памятником негибавшим русским морякам.

Русское географическое общество наградило А. А. Манштейн-Ширинскую высокой наградой — медалью имени адмирала Литке (Фёдор Петрович Литке двадцать лет состоял вице-президентом РГО). Так значимо отмечено многолетнее служение Анастасии Александровны памяти Русской эскадры, передача документов в архив РГО, участие в подготовке экспедиции РГО РАН 4–12 октября 1997 года.

Перечисленные в докладе материалы важны для нас, в том числе для тех, кто занимается составлением Мартиролога исхода Русской эскадры и восстановлением морских захоронений.

СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИКО-МЕМОРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ РУССКОЙ ЭСКАДРЫ В ТУНИСЕ: К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ БРАТСКИХ МОГИЛ

Историко-мемориальное наследие русской эмиграции первой волны в Тунисе имеет особое культурно-историческое значение для современной России и соотечественников, проживающих в этой стране. Здесь покоятся не только чины Российского Императорского флота (М. А. Беренс, К. И. Тихменев, В. В. Николая, А. М. Герасимов), но и гражданские лица (врачи, архитекторы, инженеры, топографы), которые внесли значительный вклад в развитие Туниса. На христианских кладбищах разных городов имеются индивидуальные захоронения русских и компактные русские участки. Но без должного ухода плиты стареют, имена на них не читаются, исчезают целые кладбища. Так стирается целый пласт историко-культурного наследия, значимого для России.

Из жизни ушли те, кто хранил память о Русской эскадре и усиленно оберегал русские могилы от разрушения, а имена — от забвения. Это протоиерей Константин Михаловский, руководители и члены общественных объединений эмигрантов В. И. Лебедев, В. А. Григорков, П. Д. Люцернов, А. Н. Моисеенко, неравнодушные прихожане П. С. Суходольская, И. В. Мартино-Аллардт, старейшина русской общины А. А. Манштейн-Ширинская и другие. Их деятельность, самоотверженность, настойчивость стали ярким примером для современных соотечественников и легли в основу деятельности волонтерской группы «От мысли к делу» из числа соотечественников и неравнодушных тунисцев по приведению в надлежащий вид русских захоронений на христианских кладбищах Туниса, поисковой деятельности по сбору сведений о русских эмигрантах и сохранению исторической памяти¹³.

Данная статья посвящена истории создания братских / общих русских могил, находящихся на кладбищах городов Бизерта и Тунис. Рассматривались вопросы, когда они были сооружены, откуда и в какое время туда был перенесён прах умерших, кем были эти русские. Также хотелось развенчать бытующее мнение, что

---

¹³ См. : «От мысли к делу» тематическая группа Ассоциации «Российское наследие» — <https://www.facebook.com/groups/135057177176662/about/> (дата обращения: 20.08.2020 г.).

такие братские могилы предназначались для нищих эмигрантов и самоубийц. В статье речь в основном будет идти о трёх братских могилах: на кладбище г. Бизерта (23 чел.), на секторе «В» (24 чел.) и на русском участке *Carré Russe I* (68 чел.) на кладбище Боржель в г. Тунисе. Всего в общих могилах покоится 115 русских, живших и умерших в Тунисе до 1960 года. По документам волонтерами установлено, что там же находится прах и 10 детей, умерших в 1921–1922 годах, но их имена не указаны на плитах.

Первые русские захоронения, связанные с Русской эскадрой, появились в конце 1920 года на христианском кладбище г. Ферривилия (современный г. Мензель Бургиба). Там был выделен отдельный русский участок, где компактно расположено 35 захоронений. Благодаря сведениям, предоставленным посольством Франции в Тунисе, в ходе поисковой деятельности все имена были установлены¹⁴. В марте 2018 года на участке проведены восстановительные работы, а в апреле впервые за долгие годы там была отслужена панихида настоятелем Церкви Воскресения Христова в Тунисе о. Димитрием (Нецветаемым).

Самые известные многочисленные захоронения русских находятся на христианских кладбищах Уэд Аль Асель (*Cimetiere Chretien D'El Asselde Bizerte*) в г. Бизерта и на кладбище Боржель (*Cimetière Chrétien Du Borgel de Tunis*) в г. Тунисе. Многие русские, приезжая в Бизерту, последнюю стоянку Русской эскадры и символ «Русского исхода», как правило, посещают Дом-музей А. А. Ширинской, храм Александра Невского и русское кладбище. Захоронения российских эмигрантов расположены практически на всей территории кладбища. На данный момент сохранилось около 40 могил. Здесь покоятся контр-адмиралы В. В. Николая (ум. 03.04.1923), С. Н. Ворожейкин (ум. 26.03.1939), директор Морского корпуса в Бизерте вице-адмирал А. М. Герасимов (ум. 11.03.1931) и другие морские офицеры, гардемарины и члены их семей. Братская могила с православным крестом располагается в левой части кладбища. Основанием для креста служит морской камень. На плите указаны 23 фамилии с первой буквой имени во французской транслитерации: Ardatoff M., Makaroff E., Salzkeber J., Lutz N. и др. В ходе поиска нами установлено, что эти люди умерли в период 1921–1923 годов (причины смерти: тиф, чума, несчастные случаи и четыре случая самоубийства).

---

¹⁴ Бешанова С. А., Ельцова Е. Н. «Мы лишь тени былого...»: Захоронения с Русской эскадры на христианском кладбище города Мензель Бургиба в Тунисе // Ежегодник Дома русского зарубежья имени А. Солженицына. М., 2018. С. 415–449.

Здесь покоится прах полковника морского ведомства, коменданта лагеря Ель-Еч **Михаила Андреевича Ардатова**. Его дневник «Из Севастополя в Бизерту» является достоверным свидетельством прибытия Русской эскадры в Бизерту¹⁵. Он скончался от тифа 1 июня 1921 года во французском госпитале, на следующий день с почестями был похоронен на кладбище Бизерты. Однако в примечаниях жены к дневнику нет упоминания о братской могиле. К сожалению, не сохранились документальные свидетельства о том, когда был создан этот оссуарий (лат. *ossuarium*, от лат. *os* (родительный падеж *ossis*) — «кость») — общая / братская могила и установлен ныне существующий памятник. В имеющихся публикациях о русской колонии в Тунисе и в открытом доступе интернета нет ни одной фотографии этой братской могилы ранее 1990-х годов.

Другим значимым и большим местом захоронения русских является христианское кладбище Боржель в г. Тунисе (1927 г.). Там имеются два русских сектора с персональными захоронениями — *Carré Russe I* и *Carré Russe II*. Здесь находится около 185 могил. На этих русских участках покоится прах контр-адмирала А. И. Тихменева, доктора медицины В. И. Бологовского, личного секретаря греческой королевы Ольги Константиновны М. Г. Гаршина, выпускника Царскосельского лицея Л. Д. Тяжелова, писателя-фантаста Ф. Г. Цевловского и многих других россиян. Два захоронения включены в перечень объектов, имеющих историко-мемориальное значение для Российской Федерации: могила последнего командующего эскадрой Императорского флота России контр-адмирала Михаила Андреевича Беренса (*Carré Russe I*, № 99 bis) и могила русского художника-ориенталиста и публициста Александра Александровича Рубцова (*Carré Russe II*, № 13).

В настоящее время на территории Боржеля имеются две русские братские могилы. В сборнике К. Махрова указано: «Здесь имеется сектор *Carré Russe* по правой стороне от входа, в глубине, с индивидуальными и братскими могилами со стелой. Кроме того, есть братские могилы, но найти их непросто, так как они находятся в запущенном состоянии. По правую сторону главной аллеи расположена вторая общая могила с надписью «Блажен изгнани правды ради»¹⁶. На братской могиле с православным крестом на русском

---

¹⁵ *Ардатов М.* Из Севастополя в Бизерту // Автографы Бизерты. Дневники. Воспоминания. Размышления. Сост. Т. В. Акулова-Конецкая. М., 2012. С. 69–80.

¹⁶ Русская колония в Тунисе. 1920–2000. Сборник. Сост. К. Махров. М., 2008. С. 230

участке *Carré Russe I* на четырёх плитах памятника и на плите у подножья написаны 68 фамилий. Поиски в течение года позволили установить, кто эти люди, когда умерли, от чего, и почему их похоронили в братской могиле. Даты смерти этих людей — 1927–1959 годы. Вторая братская могила с надписью «Блажен изгнани правды ради» была обнаружена в октябре 2018 г. Она находится на *Carré III* сектора «В». На лицевой стороне и правой боковой стороне братской могилы указаны фамилии на латинице — всего 24 имени. Эти захоронения датируются 1927–1932 годами, тем самым относятся к тому моменту, когда кладбище было только создано.

Эти годы для русской общины были периодом становления. После спуска Андреевского флага в 1924 году и роспуска Морского корпуса Бизерты в 1925 году в поисках работы русские покидали лагерь и г. Бизерту и отправлялись в разные регионы Туниса. Самая многочисленная группа русских стала проживать в столице — г. Тунисе. А. А. Ширинская пишет: «Когда Русский флот и Морской корпус закончили своё существование в 1924–1925 годах, только 700 русских людей находилось в Тунисе, из которых 149 — в Бизерте»¹⁷. В общественной жизни эмигрантов тех лет большую роль играла Домовая церковь (настоятель о. Константин Михаловский (ум. 1.09.1942, Тунис, Греческое кладбище)), Тунисское отделение Союза русских офицеров ветеранов Великой войны (председатель — капитан 1-го ранга В. И. Лебедев), а в последующем — созданное в 1941 году «Православное общество церкви Воскресения Христова Туниса» (*Communauté Orthodoxe de L'Eglise de la Résurrection de Tunis*)¹⁸. Значительную роль в деятельности Ассоциации играл Пётр Дмитриевич Люцернов (ум. 9.04.1976, Ницца), который в течение нескольких лет был также председателем Приходского совета. Деятельность членов Церковного комитета, особенно отца Константина и П. Д. Люцернова, была направлена в том числе на сохранение имён похороненных соотечественников. Документы архива Церкви Воскресения Христова, содержащие рукописные списки, таблицы, подробные планы расположения могил на кладбище Боржель, с указанием дат перенесения праха, переписку с муниципалитетом г. Туниса и администрацией кладбища, являются ярким свидетельством жизни и забот

¹⁷ Ширинская А. Бизерта. Последняя стоянка. СПб., 2003. С. 187

¹⁸ Панова М. Русские в Тунисе. Судьба эмиграции «первой волны». М., 2008. С. 155.

русской общины в 1927–1960 годах, её желанием сохранить русские имена на долгие годы на плитах и памятниках.

В то время русские эмигранты жили и работали в стране, находящейся под французским протекторатом (1881–1956). Французские акты чётко регламентировали все стороны жизни беженцев, в том числе и процедуру приобретения права на участки (концессий) на христианских кладбищах: временных (бесплатных) и вечных (платных). Согласно французским актам, концессии на кладбищах могли быть временными — на период 15, 30, 50, 100 лет — и вечными. Бесплатными могилы оставались первые 5 лет, после чего требовалось продлить срок аренды земли. Право на участок передавалось только путём наследования или раздела. В исключительном случае и при наличии разрешения муниципалитета владелец концессии мог захоронить на своём участке лицо, не принадлежащее его семье. На кладбище Боржель есть десятки могил, где покоятся по несколько человек, умерших в разные годы. Любая временная концессия, кроме столетних, переходила в распоряжение администрации города, если в течение года со дня окончания её срока не была произведена доплата. В одном из интервью об этом говорит А. А. Ширинская: «В ряду русских могил — графини, адмиралы, капитаны и их жёны. Земля была арендована на пять лет. Потом пришлось “переселиться” в братские могилы. Если нет родственников, готовых платить за место. А ведь скоро людям не стало чем платить...»¹⁹. У похороненных в 1921–1923 годах срок аренды земли заканчивался в 1926–1927 годах, тяжёлом периоде для эмигрантов — времени рассеяния и поиска работы. Родственники или знакомые похороненных уже покинули Тунис и некому было позаботиться о продлении срока концессии. Эту функцию взяли на себя Домовая церковь, Тунисское отделение Союза русских офицеров, а в последующем — Приходской совет Церкви Воскресения Христова. Деньги собирались и по подписным листам. Например, так собирали деньги на покупку «вечных» участков для Председателя Тунисского отдела Союза русских офицеров участников Великой войны В. И. Лебедева (ум. 25.02.1944, Тунис, Боржель, *Carré Russe I*, № 35) и руководителя тунисской группы Русских скаутов-разведчиков М. Н. Шереметьева (ум. 17.11.1942, Тунис, Боржель, *Carré Russe I*, № 88).

---

¹⁹ Калве А. Анастасия Александровна из Бизерты // Daugava. Latvia. 1992. С. 135.

В случае истечения срока и не оплаты концессии земельный участок продавался, а прах усопшего переносился в оссуарии. С этими административными нормами и связаны появления братских могил на европейских кладбищах Туниса, в том числе и военных. Многие из них уже не существуют в настоящее время. «В начале 20-х гг. XX века в городе Тунисе было три места захоронения для христиан: Бельведер, Беб-эль-Кадра (упразднено — теперь сквер) и Боржель, которое сохранилось до настоящего времени. Часть останков была перевезена с кладбища Бельведер в общие могилы на кладбище Боржель...»²⁰. Среди архивных документов сохранились свидетельства, что первый русский оссуарий в столице был на христианском кладбище Бельведер, одном из основных мест захоронения русских в 1920-ые годы. Концессия на бесплатные могилы была на 5 лет. С 1928 года здесь уже было запрещено хоронить в «бесплатных» могилах, т. к. кладбище планировалось закрыть. При этом продление сроков имеющихся временных концессий разрешалось, согласно регламенту, как и перевод временных концессий в вечные. Сохранились письма-обращения о. Константина Союзу русских офицеров ветеранов войны, списки с фамилиями и датами смерти тех, кто был похоронен здесь, переписка с муниципалитетом Туниса и архитекторами по поводу переноса останков с кладбища Бельведер и создания там русской братской могилы, метрические записи об усопших. В письмах он выражает большое беспокойство об уничтожении целого ряда русских могил в 1927 году на этом кладбище. Без уведомления церковного прихода и о. Константина по истечению 5-летнего срока прах семи русских военных был перенесён администрацией кладбища в уже имеющуюся братскую могилу — оссуарий *Souvenir Français* (французская организация по увековечиванию памяти солдат, погибших в годы Первой мировой войны), но без указания имён. С этого периода о. Константином составляются подробные списки русских, погребённых в индивидуальных бесплатных могилах кладбища Бельведер с указанием точного места захоронения тех, чей прах подлежит последующему переносу. В справке он приводит фамилии 14 взрослых и 12 «младенцев». В том же 1928 году Тунисским отделением Союза русских офицеров объявлено «открытие сбора средств на устройство общей братской могилы, для каковой цели Отделом приобретается особый участок земли»²¹. В эту братскую могилу 8 мая 1929 года был пере-

---

²⁰ Русская колония в Тунисе. Указ. соч. С. 230.

²¹ Вестник Союза офицеров участников войны. 1928. Париж. № 2. С. 6

несён прах 14 взрослых и «младенцев» Людмилы Кушнир (ум. 1924) и Людмилы Мухи (ум. 1923). В 1960-ые годы кладбище было закрыто, и на его месте был устроен общественный парк и построен ряд зданий. Осуарий *Souvenir Français*, по сведениям тунисского исследователя Х. Каздагли, был перенесён на военное кладбище Гамарт в 1966 году²². В эти же годы русский осуарий из Бельведера был перенесён в братскую могилу на *Carré Russe I* кладбища Боржель. На её нижней плите указаны все 16 фамилий в том же порядке, что и в списках о. Константина. Для примера приведём сведения о полковнике **Терлецком Василии Ивановиче** (? — 13.09.1925) (на плите — **Terletsky Basile**). Принимал участие во ВСЮР и русской армии до эвакуации Крыма. Эвакуировался в Бизерту с Русской эскадрой. Прибыл из Константинополя в январе 1921 года больным на госпитальном судне «Цесаревич Георгий». В мае 1921 года был комендантом лагерей Бен-Негро и Ремель, потом комендантом лагеря Надор (март 1922). Был членом Комиссии по делам русских граждан в Северной Африке (сентябрь–декабрь 1921). Входил в правление бизертинского Союза русских воинов при лагере Надор. Умер в возрасте 30 лет от «горловой чахотки». Был похоронен на кладбище Бельведер в бесплатной могиле № 379²³.

С 1928 года также ведется активная переписка о. Константина с Муниципалитетом Туниса о предоставлении отдельного участка для русских на кладбище Боржель. В этом же году Муниципалитет предоставляет отдельную секцию *Carré Russe I* со специальными условиями концессии — могилы были бесплатными в течение 15 лет. С этого периода на кладбище Боржель русских хоронили и на секции «А» (с бесплатным сроком на 5 лет), и на основном русском участке (на 15 лет). По истечению этого срока концессии нужно было продлевать, либо прах переносился в общую могилу.

Согласно имеющимся документам, администрация кладбища заранее уведомляла Церковно-приходской комитет о завершении бесплатной концессии. В свою очередь, Ассоциация вывешивала объявление об этом в церкви, а также письмами извещались родственники. В случае не внесения оплаты в срок прах переносился в братскую могилу в присутствии члена Церковного-приходского комитета.

---

²² *Kazdaghli H. Histoire de la mémoire de la Grande Guerre en Tunisie (1919–1957) // Hespéris-Tamuda L III (1) (2008): p. 209–218.*

²³ Русская колония в Тунисе. Указ. соч. С. 471–472; Люди русской эскадры. Сост. А. В. Плотто. М., 2015, С. 426; Выписки из метрических книг. Дело 142/13.

О строительстве братской могилы на секторе «В» кладбища Боржель в 1934 году отец Константин ведёт переписку с архитекторами Ф. Фишелем и Ж. Курто. В последствии была принята заявка фирмы Фишеля. Осуарий был создан, и сюда в 1942 году и в 1946–1948 годах переносился прах русских с сектора «А» и *Carré Russe I*. Большой крест на постаменте, вероятно, был установлен в 1949 году. Всего на могиле 24 фамилии. Здесь покоятся военные и гражданские (основная причина смерти — туберкулёз). В этой братской могиле похоронен полковник генерал-майор **Автамонов (Автономов) Владимир Петрович** (надпись на плите: **Avtamonoff Vladimir**. 27 fevrier 1928. 62 ans), который сыграл важную роль в жизни беженцев в первые годы по прибытию в Тунис. До эмиграции он служил в Морском корпусе в Севастополе, в особой части Штаба командующего Черноморского Флота. В Бизерту эвакуировался в составе Русской эскадры и продолжал служить в Морском корпусе в Бизерте до его закрытия. В январе 1922 года В. П. Автономов стал председателем Бизертинского Союза русских воинов (основан 26.03.1922 в лагере Надор) и был комендантом лагерей русских беженцев Шрек (апрель–июль 1922), Ремель (февраль 1923). В 1922 году заведовал распределением продуктов и денежного довольствия, получаемых от французских властей; в 1923–1924 годах был делопроизводителем по хозяйственной части Русской эскадры. Умер в возрасте 62 лет от туберкулёза. Был похоронен на кладбище Боржель в бесплатной могиле № 62 на секции «А»²⁴.

В марте 1949 года П. Д. Люцернов от имени Ассоциации Православной церкви обращается в муниципалитет г. Туниса с просьбой о выделении нового участка для русской колонии в связи с недостатком мест на уже имеющемся участке *Carré Russe I*. В апреле Муниципалитет извещает Ассоциацию о предоставлении такого участка (*Carré Russe II*) со сроком бесплатной концессии на 5 лет и с возможностью дальнейшего продления.

На *Carré Russe I* в 1959 году появляется ещё одна братская могила. Осуарий был устроен на участке № 5, где срок бесплатной концессии истёк. Здесь покоился **Зиновьев Михаил Александрович** (ум. 25.07.1937). В 1914 году он окончил Пажежский корпус, был штабс-ротмистром лейб-гвардии Конного полка.

---

²⁴ Волков В. С. Офицеры флота и морского ведомства. Опыт мартиролога. М., 2004. С. 12; Люди Русской эскадры. Указ. соч. С. 27; Русская колония в Тунисе. Указ. соч. С. 235; Выписки из метрических книг. Дело 142/13; Возрождение. 7 марта 1928 г., № 1009.

В 1919 г. принимал участие в добровольческом Северном корпусе и Северо-Западной армии. В эмиграции с 1925 года служил в компании по производству пальмового масла в бельгийском Конго. Умер в возрасте 41 года²⁵.

Договор о покупке данного участка под братскую могилу оформлен на имя Православной ассоциации Церкви Воскресения Христова от 3 июня 1959 года. Сюда переносился прах русских с *Carré Russe I* (15 лет бесплатной концессии) и *Carré Russe II* (5 лет) в 1959 и в 1962 годах. В начале 1960-х годов от имени Ассоциации в адрес Муниципалитета направляются письма о возведении памятника на братской могиле. Для этой цели в Церкви Воскресения Христова был организован «кружечный сбор» и сбор по подписным листам. Рассматриваются несколько проектов памятника. Сооружение тумбы с восьмиконечным крестом было начато 28 августа и завершено 4 ноября 1963 года. В этой братской могиле покоится 68 чел., есть и военные, и гражданские, и женщины, и дети. Интересна судьба кавалериста, капитана Пражского Кавалерийского полка **Тириштейна Николая Робертовича** (надпись на плите — **Tirstein Nicolas**) (12. 09. 1872–18. 03. 1938). Был участником русско-японской войны. В Первую мировую войну командовал батальоном. В 1915–1918 годах находился в австро-венгерском плену. В 1920–1923 годы был в эмиграции в Константинополе, затем через Болгарию приехал в Тунис. Остался русским беженцем. Был активным прихожанином русской церкви. Умер от астмы в возрасте 65 лет²⁶. В приписке на схемах русского участка П. Д. Люцерновым указано, что на могиле Н. Р. Тириштейна «ничего нет, кроме пальмы»²⁷. Объём данной публикации, к сожалению, не позволяет нам рассказать и о других эмигрантах, многие из которых достойно переносили все тяготы жизни на чужбине, гордились своей принадлежностью к России и внесли посильный вклад в развитие Туниса.

Архивные материалы, метрические документы, сверка сведений из разных источников позволили установить, что появление братских могил на кладбищах Туниса с конца 1920-х до середины 1960-х годов не связано ни с эпидемиями или военными действия-

---

²⁵ *Ронин В. К.* «Русское Конго»: 1870–1970: Книга-мемориал: В 2 т. 2009. Т. 1, С. 306; Русская колония в Тунисе. Указ. соч. С. 452; Возрождение. 1937, 3 сентября, № 4094; Выписки из метрических книг. Дело 142/14.

²⁶ Русская колония в Тунисе. Указ. соч. С. 360; Выписки из метрических книг. Дело 142/14.

²⁷ Архив Церкви Воскресения в г. Тунисе.

ми, ни с причинами смерти (всего 8 случаев самоубийств на 115 чел.) или с материальным состоянием на момент смерти. Основной причиной создания общих могил — оссуариев были правила покупки концессий на земельные участки кладбища, регламентированные французским законодательством. Так как русские эмигранты в то время были в непрестом материальном положении и многие разъехались из Туниса, продление концессий ими не всегда было возможным. Вопросами захоронений и решения проблем, связанных с ними (покупка, продление концессии, перенос праха, установка памятника и т. п.), занимались православная церковь, общественные союзы и объединения русских эмигрантов, а также родственники умерших.

Сейчас в Тунисе не осталось потомков тех, кто приехал и жил здесь в первой половине XX века. Так же, как и прежде, уход и поддержание порядка, сохранение памяти становятся заботой соотечественников, живущих в этой стране. Для любой диаспоры преемственность поколений, уважение друг к другу, готовность к взаимопомощи и сотрудничеству на общее благо — это основа основ.

М. Т. Валиев

**АРХИМАНДРИТ ПАНТЕЛЕИМОН
(ДМИТРИЙ РОГОВ) – ПОСЛЕДНИЙ НАСТОЯТЕЛЬ
ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМОВ В ТУНИСЕ
ОТ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ЗАГРАНИЦЕЙ**

Рис. 1. О. Пантелеимон (Рогов) [1]

Архимандрит Пантелеимон (Рогов) — последний настоятель храмов в Тунисе от Русской Православной Церкви Заграницей²⁸ (РПЦЗ) — служил в Бизерте с 1956 по 1961 год. В некоторых источниках [2. 303–304] указано, что он находился в Тунисе и в 1951–1952 годах — это является следствием ошибки: о. Пантелеимона (в миру Дмитрия Рогова) путают с о. Пантелеимоном (в миру Пётр Рудых)²⁹, который действительно пребывал в Тунисе в начале 1950-х годов.

---

²⁸ Здесь и далее наименование Русская Православная Церковь Заграницей употребляется с заглавными буквами в соответствии с историческим официальным самоназванием, которое также принято к написанию отечественной религиоведческой наукой.

²⁹ о. Пантелеимон (в миру Пётр Рудых, 1898–1868).

Прежде чем приступить к рассказу о жизненном пути Дмитрия Рогова, хотелось бы поделиться личными впечатлениями от посещения Бизерты, среди которых особое место занимает поездка на мыс Кап Бланк — самую северную точку африканского континента, расположенную всего в нескольких километрах от места последней стоянки Русской эскадры.

Все мы помним один из самых трагических кадров фильма «Бег»³⁰, где генерал Хлудов³¹ стоит на кромке турецкого берега и устремляет свой взор в сторону России. Думаю, что схожие чувства испытывали сотни русских офицеров и члены их семей, когда приезжали на мыс Кап Бланк. Здесь они были ближе всего к своей любимой России, здесь они мечтали о свидании с ней, здесь они теряли последнюю надежду на встречу с Родиной...

Трудно себе представить трагизм судеб людей, выброшенных на край земли и теряющих даже призрачную надежду возвращения на Родину. Положение их усугублялось нуждой и лишениями,

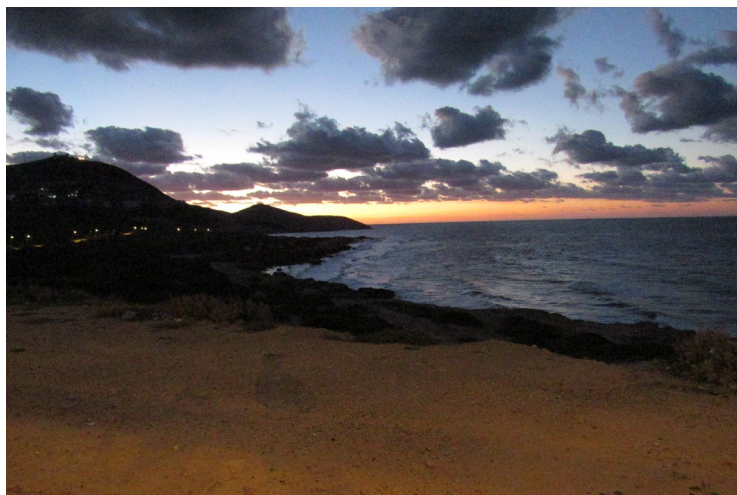

*Рис. 2. Актер В. В. Дворжецкий в роли генерала Р. В. Хлудова.
Кадр из фильма «Бег»*

---

³⁰ Кинофильм «Бег» режиссёров А. А. Алова и В. Н. Наумова снят в 1970 г. по мотивам произведений М. А. Булгакова «Бег», «Белая гвардия» и «Чёрное море».

³¹ Прототип — генерал Слащёв-Крымский Яков Александрович (1885–1929) — русский и советский военачальник и военный педагог, генерал-лейтенант, активный участник Белого движения на юге России.

Рис. 3. Мыс Кап Бланк. Фото автора. Тунис, 2018 г.

унизительной борьбой за выживание в непривычном и зачастую враждебном мире. Некоторые не справлялись с этими испытаниями и добровольно уходили из жизни.

В эти трудные дни единственной опорой для изгоев своего Отечества зачастую была православная церковь...

Об истории православного храма в Бизерте достаточно подробно рассказано в книге нашего коллеги Михаила Витальевича Шкаровского [3. 19–80]. В нашей статье мы остановимся на судьбе его последнего настоятеля и на семейной истории его семьи — в этой саге, как в зеркале, отразилась вся трагическая история России начала XX века.

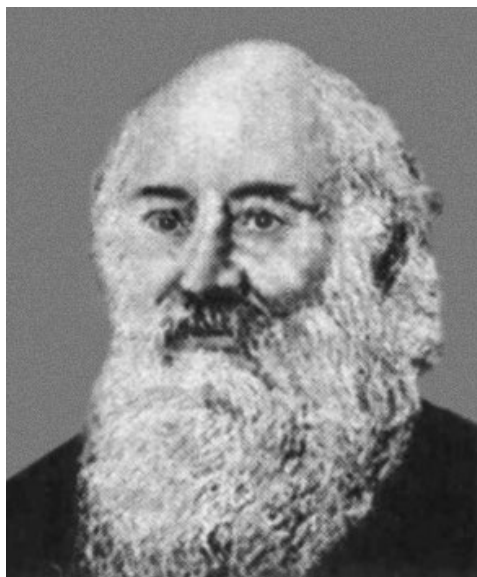
К сожалению, ни в одной из известных нам публикаций [2, 3, 4, 5] нет полной биографии отца Пантелеимона, большинство источников изобилует грубыми ошибками и накладками. Исключение составляет «Биографический словарь русского зарубежного монашества» В. Кузнецова [2. 303–304], но в этом издании ничего не сказано о семье Роговых, фрагментарно изложены обстоятельства мирской жизни до 1946 года, нет сведений о последних годах жизни Д. Рогова. Автору можно доверять в части информации о служении о. Пантелеимона, так как этот фрагмент написан на основании личного дела отца Пантелеимона из архива Православной церкви Германской епархии (Аугсбург, Германия) [6]. Ошибочным является только утверждение, что о. Пантелеимон «впоследствии

покинул обитель <монастырь преп. Иова Почаевского в Мюнхене>. Уехал в США» [2. 303–304].

Кроме рассказа о семейной истории семьи Роговых, нам предстояло разгадать три главные загадки — рождение, монашество и кончина Дмитрия Рогова.

Первую загадку — загадку рождения — удалось решить благодаря найденной нами метрической записи. Сейчас мы можем уверенно зафиксировать — родился Дмитрий Рогов 22 марта 1888 года в Санкт-Петербурге в семье выдающегося педагога, вице-председателя Фребелевского Общества, ученика и последователя Карла Мая, инспектора классов Первого кадетского корпуса Павла Игнатьевича Рогова (11.03.1833, СПб. — 21.05.1892, СПб.) [7. 282–285; 8. 595] и Ольги Ильиничны Роговой (ур. Москвитина, 1851, СПб. — 1921, Симферополь). Был крещён 25 мая того же года в Церкви Рождества Иоанна Предтечи при Первом кадетском корпусе. Восприемниками были записаны Николай Фёдорович Герасимов и дочь умершего статского советника девица Анна Фёдоровна Герасимова [9. 9].

В метрической записи ошибочно указано, что оба родителя младенца являются первобрачными. В действительности мать Дмитрия первым браком была замужем за геодезистом и астро-

Рис. 4. Павел Игнатьевич Рогов (1833–1892)

номом генерал-майором Юлием Александровичем Шмидтом (16.1.1844 – 14.7.1910). Ольга Ильинична была известна как автор и переводчик целой серии детских книг, пользовавшихся популярностью в дореволюционной России [10, 11, 12, 13].

Дмитрий был младшим из шести детей Ольги Ильиничны, доживших до зрелого возраста (всего у Ольги Ильиничны было 11 детей, но 5 умерли в младенчестве):

- Пётр (23.12.1872, СПб. – 25.11.1949, Ленинград);
- Николай (11.12.1880, СПб. – 5.10.1942, Москва);
- Екатерина (? – 1921);
- Александра (? – 1908);
- Анна (4.5.1885 – ?) [14. 9];
- Дмитрий (28.3.1888, СПб. – 27.12.1984).

Старший единокровный брат Дмитрия, Пётр Юльевич Шмидт, был старше Дмитрия на 16 лет. Как пишет сам Дмитрий, «... второй брак мамин был очень счастливым. Мы поделились на два поколения: старшее – Петя, Шура и Коля; и младшее – Катя, Нюта и я. Мама мне рассказывала, что отец меня очень любил. Я так и прозывался братьями и сестрами: «Любимчик»» [6].

Рис. 5. Юлий Александрович Шмидт (1844–1910)³²

---

³² URL: <http://old-kursk.ru/post/r170215.html>. (дата обращения: 20.08.2020 г.).

Рис. 6. Пётр Юльевич Шмидт(1872–1949), 1934 г.

Глава семейства Павел Игнатьевич Рогов скончался, когда Дмитрию едва минул четвертый год. Судьба матери и сестры Екатерины была печальна — в своей автобиографии Дмитрий писал: «Мама, сестра Катя и её дочь Ольга были замучены в Симферополе в 1921 году, после ухода Добровольческой Армии». Нужно сказать, что Екатерина ещё в Русско-японскую войну стала сестрой милосердия, была награждена медалью в память Русско-японской войны, в Первую мировую войну вместе с младшей сестрой Анной продолжила благородное служение в фронтовых и в тыловых госпиталях.

Старший брат Пётр³³ остался в советской России, стал выдающимся русским зоологом, ихтиологом, учёным секретарём Тихоокеанского комитета АН СССР [15]. В 1938 году вместе с группой сотрудников Зоологического института АН СССР был арестован органами НКВД. Проходил по делу о шпионаже в пользу Германии и Японии. После допросов, в ходе которых профессору выбили все зубы, П. Ю. Шмидт признался, что является ещё и итальянским шпионом. Благодаря беспримерной деятельности жены, Веры Оттоновны Шмидт (ур. Рейнезер, ? — 6.9.1940), Пётр Юльевич был выпущен на свободу в 1939 году и смог продолжить

---

³³ URL: http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=3476. (дата обращения: 20. 08. 2020 г.)

свою научную деятельность. Однако его верная спутница жизни не выдержала испытаний и умерла менее чем через год после его освобождения.

Как пишет Маргарита Шмидт [16. 8–55], «в браке Петра Юльевича с Верой Отгоновной родилось двое детей: сын Георгий (1897–?) и дочь Татьяна (1901–?). О судьбе сына сведений нет. Дочь Татьяна вышла замуж за итальянского учёного и жила в Италии. Во время войны Пётр Юльевич был эвакуирован из Ленинграда в Акмолинскую область. После окончания войны активно включился в работу... Готовил два тома сборника «Рыбная промышленность СССР на Тихом океане», разрабатывал планы работ Тихоокеанского Комитета». Пётр Юльевич скончался в Ленинграде 25 ноября 1949 года, похоронен на Серафимовском кладбище.

В воспоминаниях Дмитрия Рогова изложена другая версия событий: «Петя в последнюю войну <1941–1945> при осаде Санкт-Петербурга был выслан на 7 месяцев на Соловки и когда вернулся, его жена умерла у него на руках от голода, а он умер у себя в музее через две недели». Ещё раз мы можем убедиться, как часто фамильные легенды расходятся с реальностью...

Второй брат, Николай, ещё до революции окончил ЭТИ (1907) [17], получил квалификацию инженера-электрика 2-го разряда,

Рис. 7. Николай Павлович Рогов (1880–1942) [17. 3]

служил младшим механиком Управления Московского Городского Телеграфа [18]. После начала Первой мировой войны прошёл четырёхмесячную краткосрочную подготовку прапорщиков военного времени в Николаевском инженерном училище (ноябрь 1914), сражался на германском фронте, был ранен в грудь, награждён тремя орденами [19. 3 об.]. После революции остался в советской России. В Гражданскую войну воевал в Красной армии, был начальником штаба обороны Одессы (1918) и помощником начальника обороны Екатеринослава (1919) [19. 2об.]. Можно говорить об очередной grimase Гражданской войны — два родных брата в одно время находились по разные стороны фронта — Дмитрий сражался в Белой армии, Николай — в Красной. Позднее Николай работал инженером в области энергетики. Скончался в Москве 5 октября 1942 года [20].

Александра Павловна, со слов Дмитрия Рогова, умерла от горлового туберкулёза в 1908 году [21].

Анна Павловна после окончания гимназии получила звание домашней учительницы (1903) и была определена на должность помощницы надзирательницы пансиона Гатчинского Сиротского института (1904–1905) [14. 9]. Вынуждена была оставить службу по домашним обстоятельствам. С 1908 года служила помощницей надзирательницы лазарета Санкт-Петербургского Елизаветинского

Рис. 8. Александра Павловна Рогова (?–1908) [20]

института. После начала Первой мировой войны была сестрой милосердия Кауфмановской общины. Со слов Дмитрия Рогова, «сестра Нюта была учительницей математики и знала два языка <...>, мне удалось в 1919 году вывезти её в Симферополь, но во время эвакуации её уже не мог предупредить, и она потом пробралась в Москву, избегнув резни Бела Куна».

Рис. 9. Екатерина Павловна Рогова (?–1921) [20]

О сестре Екатерине Павловне Дмитрий Рогов писал: «Катя была ещё в японскую войну сестрой Кауфмановской общины и ездила в санитарных поездах этой общины, получала два раза воспаление лёгких, а в Первую войну — будучи уже старшей сестрой <Кауфмановской общины> в Крыму в госпитале, получила туберкулёз... <В 1920 г. > мама не хотела оставить Катю, которая родила, и не захотела эвакуироваться со мной... была убита большевиками...» [21].

Нужно сказать, что начало жизненного пути Дмитрия Рогова никак не предвещало духовного служения — официальный послужной список Дмитрия Рогова [19] и автобиографическое письмо о. Пантелеимона, обнаруженное нами в архиве Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле (США) [21], позволяют достаточно полно воссоздать основные события.

После окончания Первого кадетского корпуса Дмитрий окончил Николаевское кавалерийской училище (1908). Ещё в юности увлёкся верховой ездой, как пишет в своей автобиографии, «Выйдя в полк, увлёкся скачками, имел своих чистокровных лошадей. Этот спорт задержал моё вступление в Академию генерального штаба» [21].

В 1913 году Дмитрий женился на Нине Антоновне Лист (Nina Paulina Flora List) [22, 23] — падчерице министра путей сообщения. Накануне Первой мировой войны поступил в Николаевскую военную академию, но в августе 1914 года в связи с объявлением мобилизации был откомандирован в свой полк.

В своей автобиографии писал: «Я приехал на фронт как раз когда мой полк перешёл австрийскую границу у Замостья. Два раза принимал участие в конных атаках на австрийскую пехоту, обе атаки окончились полным поражением австрийцев; третий раз со своим разъездом пошёл в атаку на два эскадрона драгун, но австрийцы повернули и ускакали от нас, вероятно, предполагая за мной целый полк... В полку пробыл до февраля 1916 года, когда Ставкой был вызван на должность офицера Генерального штаба. В Генеральном штабе был на разных должностях, сначала в штабе армии ген. Семёнова — до взятия Перемышля, потом в штабах 11-й и 7-й армии ген. Щербачёва, а в декабре 1916 года назначен временно исполняющим должность начальника штаба 11-й Кавалерийской дивизии и произведён в штаб-ротмистры. Затем был командирован в Петроград для окончания Академии. В 1917 г. окончил Академию. <...> В феврале 1917 года в СПб. мы пережили с женой, которая ожидала нашего первенца, начало революции. <...> В конце июля <1918> я выехал в Новочеркасск в Добровольческую Армию к ген. Алексееву, <...> где нашёл приятелей и знакомых по Генеральному штабу. <...> В ночь на 11 августа выступил в поход с 1-й конной дивизией (Кубанских казаков). <...> Потом попал в Крым, где воевал с февраля 1919 года до конца, т. е. до ноября 1920 года на разных должностях. Самое блестящее дело это было защита Перекопа зимой с января по апрель 1920 года. Из 11 раз, что Перекоп атаковали то немцы, то красные, это был единственный раз, что мы его удержали и дали возможность ген. Врангелю приехать в Крым и ещё 8 месяцев остаться на Российской территории.

<...> В Крыму мы встретились с женой после восьми месяцев разлуки и полного незнания о судьбе друг друга... Жене пришлось два раза бежать от большевиков — первый раз из Крыма на Кавказ, а потом уже с Кавказа обратно в Крым» [21].

После разгрома и эвакуации Белой армии семья воссоединилась в Галлиполи и уже в полном составе выехала из Стамбула в Берлин.

Снова цитата: «...уже по дороге в Берлин, в Праге, получили известие, что в Германии царит полная безработица и инфляция. Я собирался уже поступить простым рабочим на лесопилку, но Господь помог, и через месяц меня приняли волонтером на самую большую электротехническую фабрику в Чехии *Kolben & Co*. Через год я уже был заводским инженером и проработал на этой фабрике с мая 1921 года по конец января 1942-го и стал солидным заводским инженером-проектантом» [21].

В 1917 году в семье Роговых родился сын Дмитрий [24. 134]. В 1925 году — дочь Наталья [21].

Ещё до начала Второй мировой войны Дмитрий Рогов вступил в братию монастыря преп. Иова в Ладомирове (Словакия). Войну встретил в Берлине, где работал инженером на фирме Сименс. В феврале 1944 года поступил в Русский Охранный корпус в Белграде. В некоторых источниках встречается информация о служении Дмитрия полковым священником — по категорическому утверждению нашего коллеги М. В. Шкаровского, это не соответствует действительности.

Семья Рогова оставалась в Праге. Здесь, во время налёта союзной авиации 25 марта 1945 года, погибли жена, сын и дочь Дмитрия...

На этом событии завершается мирская жизнь и начинается период духовного служения Дмитрия Рогова — через год после поражения Германии, 9 августа 1946 года Дмитрий принял монашество и имя о. Пантелеимон, в 1947 году был возведен в чин иеродиакона, в 1948 — в чин иеромонаха.

Как пишет сам о. Пантелеимон, «дальнейшая моя жизнь была рядом разочарований и нравственных страданий. <...> Особенно тяжело в наше время, полное самых низких страстей, остаться одиноким, без семьи и даже без искренне дружеских отношений. Сколько погибло или умерло, с которыми был дружен, приятелей, однокашников, уже не говоря о всей моей семье...» [21].

В 1949–1952 годах вместе с несколькими монахами пытался организовать подворье монастыря преп. Иова в департаменте По во Франции [25]. Из этой затеи ничего не вышло.

С 1952 по 1955 годы был и духовником Великого князя Владимира Кирилловича Романова в Мадриде. Однако, позднее отошёл от Великого Князя, увидев его образ жизни.

В 1956 году о. Пантелеимон был направлен в Тунис и стал настоятелем церкви св. Александра Невского в Бизерте. Ситуация в общине в это время была не простая, были сильны настроения по переходу в подчинение Московского патриархата. В январе 1957 года по настоянию о. Пантелеимона было проведено общее собрание — состав приходского совета был почти полностью изменён. Новому совету удалось в короткое время решить вопросы оплаты строительных работ, решить многие назревшие вопросы жизни общины, в том числе устроить многих престарелых эмигрантов во французские дома престарелых [3. 71].

Во время последней войны храм в Бизерте сильно пострадал и в конце 1950-х годов вновь потребовал ремонта. Община и настоятель церкви обратились к русскому миру с воззванием о сборе средств на восстановление храма. Во время ремонта архимандрит о. Пантелеимон лично расписал церковь фресками.

Рис. 10. Крещение Великой Княжны Марии Владимировны. Таинство совершает протоирей Пантелеимон (Рогов). Восприемники — вдовствующая Царица Болгарии Иоанна и принц Николай Румынский. Мадрид, 1954 г.³⁴

К сожалению, возрастало напряжение между прихожанами и настоятелем Воскресенской церкви в столице Туниса о. Митрофаном. Вскоре конфликт принял неприемлемую форму, и в 1958 году о. Митрофана освободили от занимаемого поста.

---

³⁴ URL: <https://patrio.livejournal.com/341117.html>. (дата обращения: 20.08.2020 г.).

*Рис. 11. Фрагмент росписи церкви св. Александра Невского в Бизерте.
Фото автора. Тунис, 2018 г.*

Обязанности настоятеля Воскресенской церкви принял на себя о. Пантелеимон (1958 — 18.07.1961). При этом он оставался и настоятелем храма в Бизерте.

Конец 1950-х годов был сложным временем для русской диаспоры в Тунисе. Это время сопровождалось массовым уходом и массовым исходом членов русской общины. Массовый уход был связан с естественными возрастными причинами — к этому времени большинству из вынужденных эмигрантов первой волны исполнилось 70 и более лет.

Отец Пантелеимон провожал в последний путь многих офицеров и членов их семей. Список, который мы попытались составить, содержит более трёх десятков фамилий.

Среди них:

– начальник Штаба командующего Русской эскадры адмирал Александр Иванович Тихменев (1878 — 25.04.1959) — именно он обеспечивал подготовку и проведение эвакуации Русской армии из Крыма в ноябре 1920 года. После прихода эскадры в Бизерту адмирал был назначен начальником штаба Русской эскадры. В 1924 году, когда Франция признала большевистскую Россию, остался на положении эмигранта в Тунисе;

– морской писатель и историк флота, капитан 2-го ранга Нестор Александрович Монастырёв (1887–1957), в 1922 году – начальник дивизиона подводных лодок Русской эскадры. В 1921–1923 годах – основатель и редактор «Бизертинского морского сборника»;

– капитан 1-го ранга Владимир Алексеевич Потапьев (1882–1961) – командир крейсера «Кагул» (позднее переименованного в «Генерал Корнилов»);

– капитан 1-го ранга Вячеслав Георгиевич Юрьев (Энгельман, 1883–1958) – бывший начальник партии траления минных заградителей ЧФ;

– старший лейтенант Юрий Фёдорович Рейхард (1894–1958), после эвакуации до 1922 г. служил инженер-механиком на линкоре «Генерал Алексеев». Умер в Бизерте 19.4.1958 года.

Рис. 12. Отец Пантелеимон и Михаил Запольский. Бизерта, ~1956 г. [1]

Рис. 13. Отец Пантелеимон. Бизерта, ~1958 г. [1].

Однако более чувствительные количественные потери русской общины были связаны с освобождением Туниса от колониальной зависимости и массовым исходом из страны европейского населения. В 1961 году между Тунисом и Францией произошёл вооружённый конфликт из-за требований тунисского правительства немедленного вывода французских войск с базы в Бизерте. В этот период русские эмигранты, часть из которых имели французские паспорта, стали покидать страну, число прихожан храма стремительно сокращалось.

К сожалению, в это сложное время обострились отношения о. Пантелеимона с приходским советом. В мае 1960 года он даже подал прошение об отзыве его из Туниса. Руководство прихода во встречном заявлении написало митрополиту Анастасию, что

*Рис. 14. Отец Пантелеимон рисует портрет С. И. Запольской.
Бизерта, ~1957 г. [1]*

церковная жизнь в приходе «приняла такую форму, что сотрудничество о. Пантелеимона и Приходского собрания дольше продолжаться не может» [3. 75].

Однако Архиерейский синод на повторное прошение о. Пантелеимона об отставке ответил, что отзыв его из Туниса при нынешнем положении дел «совершенно невыполним». Последним настоятелем православных храмов в Тунисе в юрисдикции РПЦЗ вплоть до мая 1961 года оставался архимандрит Пантелеимон.

После отъезда из Туниса о. Пантелеимон короткое время служил в Св.-Никольской церкви Рима, вскоре переехал в Германию (17.08.1961), был настоятелем церкви в Аугсбурге (15.09.1961 — конец 1960-х гг.). Известно, что о. Пантелеимон имел намерение выйти из состава РПЦЗ [6].

В 1963 году он был сверх штата причислен к братии монастыря преп. Иова Почаевского в Мюнхене [26. 98]. Во многих источниках говорится, что о. Пантелеимон покинул Европу и переехал в США [5]. Однако версия эта ничем не подтверждается, в архиве Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле нет никаких сведений о пребывании в его стенах о. Пантелеимона. В архивной выписке из архива Свято-Троицкой семинарии сказано, что он трагически погиб в старческом доме в Ульме (Германия) — неудачно свесившись с балкона, упал головой вниз и через пару дней скончался [21].

Загадку последних лет жизни, места и даты кончины Дмитрия Рогова удалось решить благодаря счастливой и неожиданной встрече с потомком эмигрантов первой волны, уроженцем Бизерты, гражданином Франции Георгием Георгиевичем Запольским. Знакомство наше состоялось в ноябре 2019 года в рамках конференции «Судьба Русской эскадры: корабли и люди». Георгий Запольский с живым участием поделился с нами бесценной информацией о последнем периоде жизни героя нашего очерка и передал несколько уникальных фотографий. Георгий Георгиевич рассказал: «Отец Пантелеимон был близким другом нашей семьи. В 1956 году он крестил мою сестру Ирину. Мой брат Михаил помогал о. Пантелеимону в работе над росписью храма. Позднее он стал моим духовником, и мы поддерживали близкие отношения вплоть до его кончины. В 1963 году о. Пантелеимон действительно покинул лоно РПЦЗ, переехал в г. Ульм, где в возрасте 75 лет открыл школу верховой езды, сам вёл занятия в ней около пятнадцати лет».

Скончался о. Пантелеимон в доме престарелых под Ульмом 27 декабря 1984 года. Место захоронения пока установить не удалось...

Георгий Запольский вспоминал об о. Пантелеимоне с удивительной теплотой, передал нам целый ряд уникальных фотографий. Встречу нашу можно отнести к разряду подарков судьбы, что,

Рис. 15. Одна из картин о. Пантелеимона. Бизерта, ~ 1958 г. [1]

Рис. 16. Дмитрий Рогов. Школа верховой езды. Ульм, 1967 г. [1]

впрочем, подтверждает известную истину — все наши мысли могут материализоваться. Отнесём это событие к дару о. Пантелеимона, ниспосланному свыше...

В заключение хотелось бы выразить благодарность:

- Георгию Георгиевичу Запольскому;
- внучатой племяннице Дмитрия Рогова Юлии Александровне Белоглазовой — прямому потомку П. И. Рогова;
- хранителю Дома Русской эскадры в Бизерте Ларисе Богдановой;
- действующему настоятелю православных храмов в Тунисе о. Димитрию (Нецветаеву);
- сотруднику архива Германской епархии РПЦЗ в Аугсбурге Анатолию Кинстлеру;
- архивариусу архива Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле (США) Алексею Либеровскому.

Библиография

1. Фамильный архив семьи Запольских.
2. *Кузнецов В. А.* Русское православное зарубежное монашество в XX веке : Биографический справочник. — Екатеринбург : Барракуда, 2014. — С. 303–304.

3. *Шкаровский М. В.* Русское православие в Тунисе. — СПб. : Изд. Александро-Невской Лавры, 2012.
4. *Панова М.* Русские в Тунисе. — М. : РГГУ, 2008. — С. 270; Список архиереев, священнослужителей и приходов Русской Зарубежной Церкви с их адресами. 1956 г. // Православная жизнь. 1956. — Джорданвиль. — 195 с.
5. Русская колония в Тунисе 1920–2000. Сборник // Сост. К. В. Махров. — М. : Русский путь, 2008. — С. 479.
6. АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 3. Коробка 16. Д. 16/15.
7. Русский биографический словарь: Рейтерн — Рольцберг. — Изд. Имп. Русского Ист. Общ. СПб. : тип. Имп. акад. Наук, 1913. — Т. 16.
8. *Саитов В. И.* Петербургский некрополь. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1912.
9. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 125. Д. 1031.
10. *Рогова О. И.* Богдан Хмельницкий: Историческая повесть для юношества. — СПб. : Изд. А. Ф. Девриена, 1909.
11. *Рогова О. И.* Ландыш. Сборник рассказов для детей. — СПб. : Изд. А. Ф. Девриена, 1902.
12. *Рогова О. И.* Галя. — М. : Изд. А. Д. Ступина, 1913.
13. *Рогова О. И.* Сын Гетмана. — СПб. : Изд. А. Ф. Девриена, 1900.
14. ЦГИА СПб. Ф. 751. Оп. 1. Д. 500.
15. СПФ АРАН. Ф. 817.
16. Маргарита Шмидт. Шмидты. Биогенеологические очерки. — СПб. : 2008.
17. ЦГИА СПб. Ф. 990. Оп. 2. Д. 1254.
18. РГИА. Ф. 1349. Оп. 1. Д. 3810.
19. РГВИА. Ф. 37976. Оп. 5. Д. 34140.
20. Фамильный архив семьи Роговых.
21. Holy Trinity Orthodox Seminary Archive. Arkhimandrit Panteleimon (Rogov) Papers. Temporary Box 1, Folder 1.
22. St. Petersburger evangelisches Sonntagsblatt (SPSB). Nr. 51 vom 16. 12. 1912.
23. *Волков С. В.* Офицеры армейской кавалерии : Опыт мартиролога. — М. : Русский путь, 2004.
24. *Волков С. В.* База данных «Участники Белого движения в России». Буква Р.
25. Троицкий Православный Русский календарь на 1951 г. — Holy Trinity Monastery Jordanville, N. Y., 1950.
26. Seidc G. Monasteries and Convents of the Russian Orthodox Church Abroad. Munich, 1990.

С. Е. Виноградов

**ЛИНКОР-ИЗГНАННИК:
«ГЕНЕРАЛ АЛЕКСЕЕВ» В БИЗЕРТЕ,
1921–1936 гг.**

Рис. 1. С. Е. Виноградов

Линейному кораблю «Генерал Алексеев», вступившему в строй в переломном для России 1917 году, более, чем какому-либо линкору бывшего Российского Императорского флота, пришлось испытать все превратности революционного лихолетья, Гражданской войны и её последствий. Зачисленный в списки флота в 1911 году как «Император Александр III», он ещё дважды менял название. В апреле 1917 года его монархическое имя было изменено на «Волю», в октябре-ноябре 1918 года, временно находясь под германским флагом по условиям Брестского мира, линкор числился как условная боевая единица кайзеровского флота «Волга»³⁵.

После краха Германии корабль был захвачен англичанами и 22 декабря 1918 года был отправлен с английской командой в Мраморное море, где почти на год интернирован в турецком

---

³⁵ Подробнее см.: *Виноградов С. Е.* Организация линейных сил флота Чёрного моря в Первой мировой войне // VIII Елагинские чтения / Федеральное архивное агентство; РГАВМФ. Вып. VIII. СПб. : Изд-во ООО «Гамма», 2016. С. 48.

*Рис. 2. Линейный корабль «Воля»
в Южной бухте Севастополя. Июнь–октябрь 1918 г.*

Исмиде. Здесь специалисты британского адмиралтейства внимательно изучали техническое устройство корабля и в особенности — его 3-орудийных 12-дюймовых башен. Во время «исмидского стояния» англичане ввели на корабле в действие две башни главного калибра и активно знакомились с их действием³⁶. Вскоре, начиная с 1921 года, 3-х орудийные башни появились в проектах будущих британских линкоров и линейных крейсеров и были окончательно воспроизведены ими на «Нельсоне» и «Роднее».

*Рис. 3. Линейный корабль «Генерал Алексеев» в Босфоре
(Константинополь). Ноябрь 1920 г.*

³⁶ Friedman N. Naval Weapons of World War One. Barnsley: Seaforth Publishing, 2011. P. 255.

Осенью 1919 года, на пике успехов Добровольческой армии, состоялось решение о передаче корабля Морским силам Добровольческой армии генерала Деникина. Русский линкор проделал обратный путь через Босфор и Чёрное море. 29 октября 1919 года корабль в сопровождении британского линкора «Айрон Дюк» прибыл в Севастополь и 1 ноября был официально передан белым³⁷. Ещё 17 октября он был переименован русской стороной в честь виднейшего основателя белого движения, верховного руководителя Добровольческой армии, участника 1-го и 2-го Кубанских походов генерала М. В. Алексеева, который за год до этого умер под Екатеринодаром³⁸.

Наличие в распоряжении морского командования белых мощного линкора-дредноута обеспечивало им несокрушимый перевес над слабыми и разрозненными флотилиями красных, составленными преимущественно из вооружённых речных пароходов и барж. Однако вопрос имел и обратную сторону. Огромная проблема заключалась в организации управления гигантским кораблём, для которого требовались сотни квалифицированных специалистов самого разного профиля — от штурманов и артиллеристов до кочегаров и трюмных. Немалую сложность представлял уголь, основное топливо линкора, которого только для обслуживания собственных нужд требовалось ежедневно не менее 40 тонн, однако, пока Донбасс оставался под контролем Добровольческой армии, положение оставалось сносным. Вместо положенных по штату 1250 офицеров и матросов экипаж «Генерала Алексеева» никогда не превышал 400 человек, меньше половины из которых были моряками. Тем не менее, к весне 1920 года корабль был вычищен, мог действовать большей частью артиллерии, самостоятельно передвигался 10-узловым ходом и представлял собой вполне боеспособную боевую единицу³⁹.

Всё это было сделано исключительно вовремя. Зимой 1920 года Красная Армия заняла Мариуполь и достигла Азовского моря, белые потеряли Донбасс, в Севастополе начался топливный кризис. К лету 1920 года окрепшая армия генерала Врангеля готовилась к прорыву из Крыма на просторы северной Таврии. Одним из этапов операции была расчистка устья Днепра от красных артбатарей.

---

³⁷ *Snook D.* British Naval Operations in the Black Sea 1918–1920 // *Warship International*. 1989, №1. P. 49.

³⁸ Россия в Первой мировой войне. 1914–1918. Энциклопедия. Т. I. М.: РОСПЭН, 2014. С. 58.

³⁹ РГАВМФ. Ф. р-72. Оп. 1. Д. 34. Л. 74–76.

Решению этой задачи было решено возложить на мощные 12-дм орудия «Генерала Алексеева». 31 июля дредноут под флагом командующего флотом адмирала Саблина вышел в море и совершил переход к Очакову. 3 августа он обстрелял одиночными выстрелами из носовой башни батареи красных. Обстрелы продолжались 4 и 6 августа. Красная артиллерия не подавала признаков жизни, 18.08 линкор вернулся в Севастополь⁴⁰.

При эвакуации врангелевской армии из Крыма «Генерал Алексеев», имея на борту около 3000 человек (команда корабля, персонал и кадеты Морского корпуса, юнкера Атаманского училища, беженцы), вечером 13 ноября вышел из Севастополя и стал на внешнем рейде. В 22 часа 15 минут он снялся с якоря и взял курс на Константинополь. На борту находилось всего 5 подготовленных кочегаров, поэтому корабль шёл 5-узловым ходом с частыми остановками. 16 ноября он подошёл ко входу в Босфор и к вечеру следующего дня, пройдя пролив, стал на якорь в Мраморном море. Здесь линкор покинули беженцы, а экипаж был усилен командой с демобилизованных частных пароходов, которые оставались в Константинополе. Корабль принял полный запас угля и 500 тонн нефти⁴¹.

8 декабря линкор в сопровождении транспорта-мастерской «Кронштадт», угольщика «Форос» и дивизиона миноносцев вышел во французскую Бизерту, куда прибыл 27 декабря. Линкор был введён во внутреннее озеро, где стал на якорь. Настроение на борту было приподнятое: тяжелейший поход позади, он окончился успешно. Большинство верило в то, что недалёк день, когда корабль выйдет назад в Россию — власть большевиков почти всем не казалась незыблемой⁴².

Пока же боезапас с «Генерала Алексеева» и других 32 кораблей Русской эскадры был сдан в арсенал Сиди-Абдалла. На кораблях исправно неслась вахтенная служба, осуществлялся текущий ремонт. Команды из офицеров и добровольцев, поддерживаемые надеждой послужить во славу Андреевского флага, содержали корабли в порядке.

Весной 1921 года на эскадре возникла идея организации на линкоре «Генерал Алексеев» артиллерийских классов для молодых офицеров и слушателей Морского корпуса. 25 мая корабль принял

---

⁴⁰ Варнек П. Линейный корабль «Генерал Алексеев» и история его пушек // Флот в Белой борьбе. М. : Центрполиграф, 2002. С. 279.

⁴¹ Варнек П. Указ. соч. С. 280, 281.

⁴² Варнек П. Указ. соч. С. 281.

первых 11 человек. Гардемарин Н. Н. Александров вспоминал: «... было темно, когда мы на катере подошли к «Алексееву». Каким-то мёртвым, мрачным он мне тогда показался. Освещение слабое, ориентироваться было трудно. <...> Нам указали каюту. Там беспорядок, грязь, клопы. Кое-как устроились на ночь, но спать было скверно. В этот же день явились командиру и начали занятия. Командир, капитан 1-го ранга Ф. сразу произвел впечатление очень образованного офицера-моряка (в частности, артиллериста) и строгого человека. Казалось, что зажмёт и замучает артиллерией. По чертежам с ним стали проходить башенные установки 12-дм орудий линейных кораблей типа «Гангут». Запестрели перед глазами шестерёнки, валы, шпонки и т. д. <...>

Занятия шли до обеда и днём. Все горячо принялись за них и занимались с удовольствием. В свободное время, группами и поодиночке, блуждали по кораблю, где только было можно. Корабль приводился в состояние долговременного хранения. Турбины, вспомогательные механизмы были вычищены и густо смазаны, котлы постепенно приводились в порядок, их солидные размеры производили впечатление. Во многих местах корабль сохранил надписи на английском и немецком языках...»⁴³.

В этот период команды на линкоре было около ¼ от штата — примерно 350 человек. Свой уголь берегли, паром и светом снабжал пароход «Черномор», стоявший у борта. Однако вскоре его увели. 19 июля линкор посетил адмирал М. А. Кедров, вернувшийся из Парижа, где он вёл сложные переговоры с французами относительно статуса эскадры, её финансирования и дальнейшей судьбы. Адмиралу на линкоре устроили торжественную встречу; он осмотрел корабль, оставшись довольным увиденным. Посещение окончилось парадным обедом в кают-компаниях линкора. Александров отмечает, что «действительно, корабль, насколько только было можно, привели в хорошее состояние»⁴⁴.

Тем временем, благодаря усилиям М. А. Кедрова, был решён вопрос о доковании русских кораблей. 31 августа утром «Генерал Алексеев» вошёл в сухой док; постройка прошла очень быстро и удачно. Док по своей величине едва-едва вмещал дредноут, так что «до кильблоков оставалось всего несколько футов». 1 сентября откачали воду, обнажили весь покрытый ракушками и водорослями

---

⁴³ Александров Н. Н. На линейном корабле «Генерал Алексеев» // Журнал кружка Морского училища во Владивостоке. 1922, № 1. Бизерта, литография Морского корпуса. РФК, Инв. №10148 (58). С. 1, 2.

⁴⁴ Александров Н. Н. Указ. соч. С. 5.

корпус линкора (он ещё ни разу не был в доке) и приступили к работам. Соскрёбывалась ракушка, которую тут же предприимчивые французы и арабы собирали в ведра, в мешки, в корзины и отправляли на рынок.

«Итак, работа началась и закипела. С раннего утра скоблили «бороду», сбивали ржавчину. Французы заделывали пробоину, полученную «Алексеевым» в 1918 году при уходе из Севастополя от немцев в Новороссийск. Часть нас попала в трюмную группу по переборке кингстонов и клинкетов, часть чистила артиллерийские погреба. Работали все, работа шла хорошо. Торопились вывозить из дока ракушку, уже начинавшую гнить и издавать невозможный запах <...> Наша малочисленная команда работала не за страх, а за совесть. На работу в сутки уходило часов 8-9. И так каждый день часов с 5-ти утра. Всё-таки как следует справиться с такой огромной площадью, какую представляет подводная часть «Алексеева», было нелегко. Но честно справились...»⁴⁵

«22-го сентября рано утром пустили в док воду. Хлынула каскадом вода, стали выбиваться и всплывать подпоры и вот «Алексеев» снова на плаву, сдерживаемый носовыми и кормовыми швартовами. Нигде не протекало, всё было исправно. Французы быстро взялись за дело и уже в начале 10-го часа мы были на рейде на бочке»⁴⁶.

В ноябре над эскадрой грянул гром: сокращение штатов. На «Генерале Алексееве» оставалось 50-60 человек для несения караульной и вахтенной службы. Так прошёл остаток 1921 года, весь 1922 год и большая часть 1924 года. 29 октября 1924 года в связи с признанием Францией СССР на эскадре были спущены Андреевские флаги. Корабли были переданы на хранение французским властям, последних русских моряков сменили французские охранные команды. История Русской эскадры в Бизерте завершилась, однако история самих кораблей и самого крупного из них — линкора «Генерал Алексеев» — ещё не прошла через самые запутанные перипетии.

Во всё время нахождения русских кораблей во французской Бизерте они постоянно привлекали внимание морского командования СССР, твёрдо рассчитывавшего на эту часть бывшего царского флота для пополнения потрёпанных Морских сил республики. В апреле 1923 года некоторую нервозность Главного штаба РККА вызвали донесения из Румынии о якобы готовящейся 10 мая передачи ей большей части бывшего врангелевского флота. Отмечалось

---

⁴⁵ Александров Н. Н. Указ. соч. С. 7.

⁴⁶ Александров Н. Н. Указ. соч. С. 8.

соглашение, якобы достигнутое об этом в октябре 1922 года между маршалом Фошем и румынским правительством. Предполагались перевооружение кораблей и их ремонт на французских заводах в счёт кредита в 4 млрд. лей, которые Румыния по тому же соглашению получает от Франции. Один из аргументов состоял в давлении Англии, не желающей усиления морской силы России, особенно в Чёрном море. «Румынский проект» остался нереализованным⁴⁷.

Уже в начале декабря 1924 года для решения вопроса о передаче эскадры во Францию прибыла советская делегация в составе представителя РККФ Е. А. Беренса, известного учёного-кораблестроителя А. Н. Крылова и ещё четырёх технических специалистов. В ходе начавшихся в Париже переговоров выяснилось, что французское правительство соглашалось вернуть эскадру немедленно. Требование выплаты компенсаций затрат на её содержание не выдвигалось при условии проведения всех работ по восстановлению кораблей для возможности их перехода в СССР во французских портах. С 28 декабря 1924 года советские специалисты приступили к инспекции в Бизерте. Они внимательно осмотрели все корабли и определили, что по своему техническому состоянию и степени устарелости интерес для РККФ представляют линкор-дредноут, 6 эсминцев-«новиков» и 4 подлодки. Остальные же корабли целесообразно подвергнуть разборке на месте. А. Н. Крылов впоследствии вспоминал, что им был составлен запасной вариант перегонки линкора посредством его буксировки «на двух якорных канатах самого корабля»⁴⁸.

В отношении наиболее ценного приза — линкора «Генерал Алексеев» — было выяснено, что дредноут в Бизерте приведён в состояние долговременного хранения, его корпус покрашен снаружи и внутри. Турбинные механизмы хорошо смазаны, выщелочено и вычищено 12 котлов из 20, перебрана вся их арматура. Нефтяные насосы, питательные донки и вентиляторные машины приведены в долговременное хранение. Исправлено повреждение корпуса, притёрты кингстоны, заменена набивка дейдвудных сальников, вычищены все трюмы. Произведён капитальный ремонт мусорных эжекторов и части трубопровода трюмно-пожарной осушительной системы. В результате линкор может дойти самостоятельно, экономическим ходом, небольшими переходами. Остальные работы (переборка сальников турбин и притирка маневровых кла-

⁴⁷ РГАВМФ. Ф. р-1. Оп. 3. Д. 3161. Л. 16.

⁴⁸ Крылов А. Н. Мои воспоминания. Л. : Судостроение, 1979. С. 293.

панов, переборка и ремонт рассольных донок испарителей, чистка оставшихся котлов, переборка всех питательных донок, нефтяных насосов и ветрогонок, притирка клапанов парового трубопровода, переборка сальников распределителей) должны производиться на заводе, обладающем хорошими средствами и полным составом машинных специалистов. Срок ремонта оценивался в 2 месяца⁴⁹.

Документы РККФ той поры, где составлялись сметы на ремонт кораблей и определялись сроки их прихода, дышат неподдельным оптимизмом. 17 января 1925 года начальник Морских сил РККА В. И. Зоф представил доклад «О состоянии судов Бизертской эскадры». В отношении линкора в нём отмечалось, что «на линейном корабле для управления рулём во время буксировки [необходимо] привести в полную исправность два паровых котла, одну турбодинамо и электрическое управление рулём, а также шпиль <...> ремонт остальных котлов, якорного и всего рулевого устройства (в целом) для линкора не может быть выполнен ни в Бизерте, ни в других мастерских Туниса и подлежит передаче большим заводам юга Франции. Все остальные ремонтные работы могут быть выполнены на месте»⁵⁰.

В марте 1925 года Техническим управлением ВМС РККА стоимость капремонта и модернизации линкора «Воля» (в документах РККФ старались не употреблять его «белогвардейского» имени) рассчитывалась в 4 775 250 руб. В перечень необходимых работ входило оборудование люков, горловин, орудийных амбразур, иллюминаторов и т. п. отверстий и проёмов газонепроницаемыми приспособлениями. Также предполагалось оборудование вентиляции газофильтрами, установка дальномеров на всех башнях, установка центральной наводки, 6 зенитных орудий, установка параванов, катапульт на 2-й и 3-й башнях. Расчётный срок вступления линкора в строй РККФ планировался на 1 мая 1927 года⁵¹.

Между тем вопрос о возвращении кораблей начал пробуксовывать. В апреле 1925 года начальник Морских сил РККА В. И. Зоф отмечал, что «несомненно, сейчас этот вопрос находится в худшем состоянии, чем он был месяца 4 тому назад. В декабре, когда начались переговоры о возвращении Бизертской эскадры, дело настолько наладилось, что мы предполагали, что можно будет в самый ближайший период вернуть значительную часть наших

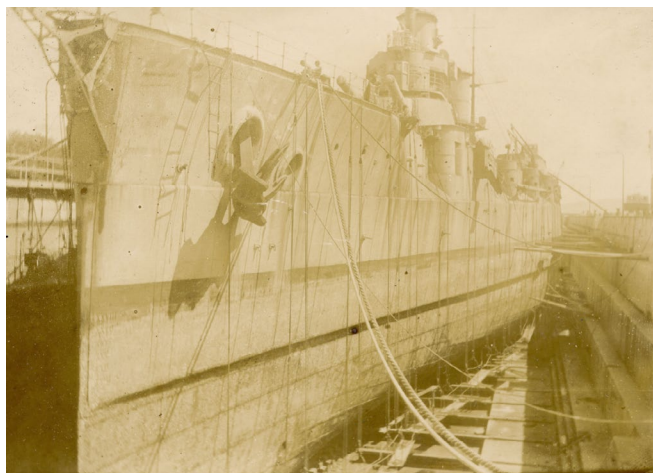
⁴⁹ РГА ВМФ. Ф. р-1. Оп. 3. Д. 3161. Л. 115.

⁵⁰ Царьков А. Ю. Несостоявшееся возвращение Бизертской эскадры // Гангут. 2011, Вып. 61. С. 54. Цит. по: РГВА. Ф. 4 Оп. 1. Д. 97. Л. 37.

⁵¹ РГА ВМФ. Ф. р-12. Оп. 2. Д. 87. Л. 232, 348, 399.

кораблей из Бизерты. Мы уже заготовили ледоколы и команды для того, чтобы, не теряя времени, немедленно послать наших товарищей для приёмки кораблей, находящихся в Бизерте. Но тут не только правительство Эррио, правительство французской буржуазии, но, очевидно, вся Антанта в целом сделала всё для того, чтобы корабли не были возвращены»⁵². Сенат Франции высказался резко отрицательно по поводу передачи кораблей СССР, поскольку счёл, что это может ослабить позиции их страны и её союзников в Европе. Недружелюбное молчание хранила Великобритания, нервничали правительства государств Причерноморья и Прибалтики.

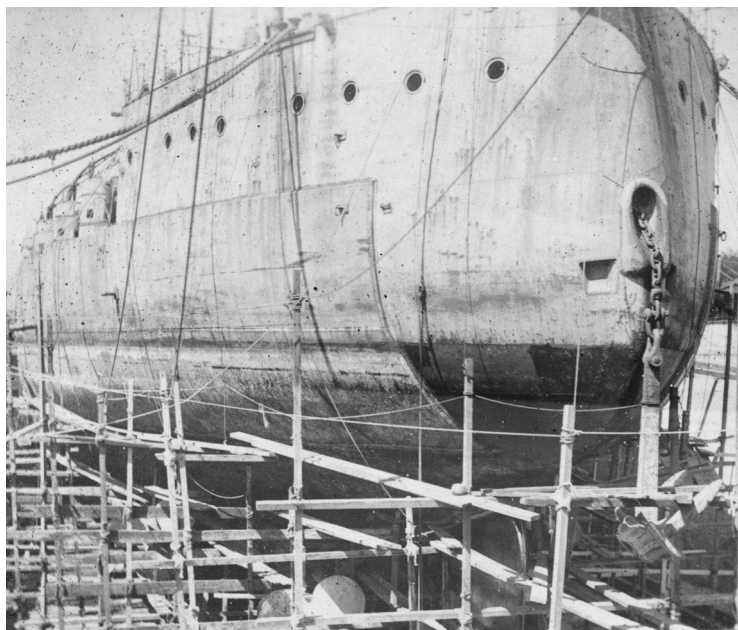
Тем не менее, была предпринята ещё одна попытка сохранения в должном техническом состоянии быстро ржавеющих в Бизерте русских кораблей. В октябре 1928 года был введён в док для покраски подводной части корпуса крейсер 2-го ранга «Алмаз», а вслед за ним в начале ноября с той же целью — «Генерал Алексеев». Окраска подводной части этих кораблей была произведена на оставшиеся средства из сумм, в своё время ассигнованных французским прави-

*Рис. 4. Линейный корабль «Генерал Алексеев» в доке Бизерты.
Август 1921 г.*

---

⁵² Из речи на IX Партконференции моряков Балтийского Флота, 16.04.1925 г. Заключительное слово т. Зоф по докладу «Международное положение и задачи морской обороны СССР» // Морской Сборник. 1925, № 5. С. 18.

*Рис. 5. Линейный корабль «Генерал Алексеев» в доке Бизерты.
Август 1921 года (вид с кормы)*

тельством на эскадру⁵³.

В конце концов, не надеясь на положительные результаты советско-французских переговоров о царских долгах, французское правительство в 1933 году приняло решение продать корабли на слом. Последним из них в 1934 году был продан «Генерал Алексеев», причём его орудия и приборы управления стрельбой объявлялись собственностью Франции и сдавались на хранение в арсенал Сиди-Абдалла. Разборка дредноута производилась на плаву компанией, организованной инженером — выходцем из России А. П. Клягиным.

К этому времени в Бизерте существовала небольшая, но достаточно стабильная колония русских эмигрантов, которая в конце 20-х годов решила построить небольшой православный храм в память кораблей бывшей Русской эскадры. Несколько лет ушло на оформление необходимых документов и на сбор средств. В 1937 году строительство храма было начато, причём к его окончательному облику оказался причастен самым прямым образом

⁵³ Зарубежный Морской Сборник. 1930, № 2. С. 34.

бывший русский дредноут. Инженер А. П. Клягин, купивший на слом «Генерала Алексеева» «в целом виде», пожертвовал комитету по постройке храма-памятника много вещей с него. Были переданы: люстра, якоря, якорные канаты, две больших мраморных плиты, рефлекторы от прожекторов, метлахская плитка для пола и т. д., а также 2000 франков деньгами (в последующем А. П. Клягин жертвовал ещё два раза — 5000 и 10 000 франков)⁵⁴.

В 1937 году строительство храма было начато, а в 1938 году он был освящён в честь святого благоверного великого князя Александра Невского и до сих пор сохраняет в своей конструкции и убранстве частички бывшего русского линкора. Сам дредноут к этому времени уже не существовал. Однако его огромным 50-тонным 12-дм орудиям была уготована не менее яркая судьба — они пережили Вторую мировую войну, а несколько орудий дошли до нашего времени в музеях Москвы и Санкт-Петербурга, а также в Финляндии. Но это уже совсем другая история.

*Родите гения, друзья!
Не говорите «нету мощи»,
Чем гениальнее, тем проще,
Закон чудес открыл не я.
Скорее он открыл меня
На дне ручья какой-то рощи.*

---

⁵⁴ Морской Журнал. 1936, № 12 (108). IX год издания. С. 6.

Д. М. Володихин

ВИЦЕ-АДМИРАЛ М. П. САБЛИН И ПОДГОТОВКА ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА К ЭВАКУАЦИИ

Вице-адмирал Михаил Павлович Саблин (1869–1920) принуждён был заниматься подготовкой Черноморского флота к эвакуации русской армии с Крымского полуострова и, скорее всего, именно он повел бы Русскую эскадру в Бизерту, если бы не тяжёлое заболевание (рак печени), которое свело его в могилу накануне начала Крымской эвакуации. В списках на эвакуацию адмирал Саблин числился, а значит, он надеялся отбыть из Крыма вместе со своими подчинёнными. 12.10.1920 года Саблин был из-за болезни заменён М. А. Кедровым на посту командующего Черноморским флотом. Поэтому в ноябре 1920 года эвакуацию осуществлял уже Кедров, а М. П. Саблин скончался 17.10.1920 года и был последним из морских военачальников похоронен под сводами севастопольского Свято-Владимирского собора, «собора адмиралов».

Приказ об эвакуации был отдан 11.11.1920 года. Иными словами, весь период командования Черноморским флотом до начала эвакуации составил у М. А. Кедрова менее месяца. Видимо, *уместно говорить о том, что первые усилия по подготовке к эвакуации предпринял ещё именно Саблин, который являлся (в очередной раз, после*

Рис. 1. Доклад Д. М. Володихина

перерыва в полномочиях) командующим Черноморским флотом с апреля 1920 года (точнее, с 19.04/1.05.1920). Более того, можно с уверенностью утверждать, что ему принадлежит львиная доля заслуг по части подготовки флота к отбытию из портов Крымского полуострова.

Михаил Павлович участвовал в четырёх войнах (разгром «восстания боксёров» в Китае, Русско-японская, Первая мировая и Гражданская войны). В годы Первой мировой войны был пожалован Георгиевским оружием. В период с 1918 по 1920 год вице-адмирал чрезвычайно много сделал сначала для сохранения Черноморского флота как боевой силы, а затем для восстановления его в рамках белого движения. В сущности, на протяжении 1919-го и первых месяцев 1920 года вице-адмирал *воссоздавал Черноморский флот, уже умерший*, рассеянный, превращённый в руину, и чудом воссоздал его. Мало того, дошёл до вполне боеспособного состояния. Несмотря на несправедливые обвинения М. П. Саблина в «сотрудничестве с большевиками» и «предательстве России», Михаил Петрович имел в среде военных моряков деникинского и врангелевского периодов весьма высокий авторитет как единственный человек, который способен адекватно командовать флотом в период всеобщей хаотизации. Несколько раз он из-за интриг, смысл которых в общих чертах передан выше, терял пост командующего флотом, командная компетенция его значительно сужалась. В значительной степени жизнь и службу Михаилу Павловичу затруднял конфликт с А. В. Колчаком, начавшийся ещё в 1916 году, после того, как Колчак получил командование Черноморским флотом, где Саблин возглавлял минную бригаду.

Однако роль незаменимого командира и, быть может, в какой-то степени последнего духовного лидера Черноморского флота вновь возвращала ему командование.

Позднее П. Н. Врангель высоко оценит деятельность Михаила Павловича. По его словам, «...энергичный и знающий адмирал Саблин, несмотря на необыкновенно тяжёлые условия, полное расстройство материальной части, сборный, случайный, неподготовленный состав команд, сумел привести флот в порядок. Корабли подчистились, подкрасились, команды подтянулись. Материальная часть в значительной мере была исправлена, *в портах были образованы неприкосновенные запасы* (курсив мой. — Д. В.)... Военные суда эскадры успешно вели охранную службу побережья, прикрывая наши операции. Производившиеся нами десанты были всегда удачны».

Мнения ряда специалистов о заслугах М. П. Саблина в период подготовки к эвакуации русской армии и Черноморского флота, позднее обернувшейся «Великим исходом», звучат сходно: его деятельность на этом направлении оценивается высоко.

Так, биограф М. П. Саблина, историк В. В. Крестьянников подчёркивает: «Одним из первых распоряжений генерала Врангеля, учитывая неудачную эвакуацию войск с кавказского побережья и полный развал войск, оказавшихся в Крыму, соблюдая полную секретность, в кратчайший срок подготовить соответствующий тоннаж для перевозки в случае необходимости около 100 000 человек в Константинополь. Для этого предполагалось распределить нужный тоннаж по предполагаемым портам посадки. Это распоряжение было выполнено, что способствовало удачной эвакуации из портов Крыма в ноябре 1920 года». Другой историк, Олтаржевский, аналогично говорит о заслугах Михаила Павловича в этом деле: «Главная его заслуга в это время — подготовка флота к эвакуации. Он реально оценивал ситуацию и заблаговременно приказал создать неприкосновенные запасы угля и масла на случай эвакуации. Корабли и экипажи были готовы и, когда наступил критический момент, им удалось организованно вывезти из Крыма более 150 тысяч человек. Огромная заслуга в спасении этих людей от большевиков принадлежит Михаилу Саблину». Историк Белого дела А. С. Кручинин согласен с этими оценками: «...беспрецедентная Крымская эвакуация, — пишет он, — во многом была подготовлена трудами Саблина (в частности, им были заблаговременно созданы неприкосновенные запасы угля и масла на случай эвакуации), вновь “подтянувшего” Флот после тяжёлой зимы 1919/1920 года. И спасение десятков тысяч чинов Армии и гражданских беженцев от большевицкой расправы стало ещё одной, теперь уже посмертной заслугой адмирала».

Надо учесть, что в последние месяцы командования флотом М. П. Саблин работал в условиях, крайне неблагоприятных для процесса подготовки к эвакуации в целом. Во-первых, как писал сподвижник Врангеля, бывший государственный контролёр Н. В. Савич, вице-адмирал М. П. Саблин командовал флотом, страдая от «страшного недуга», который «подтачивал его организм, лишал сил, энергии». То, что Саблин за несколько месяцев до кончины уже был приведён раком печени в тяжёлое состояние, видно и по другим источникам. По оценке А. С. Кручинина «окончательно слёг» М. П. Саблин «лишь в сентябре», т. е. незадолго до кончины, но терпел свою болезнь гораздо дольше. Во-вторых, в августе 1920 года М. П. Саблин находился в море и должен был уделять

значительную часть своего времени и внимания непосредственному командованию отрядом кораблей, занимавшихся обстрелом Очакова и батарей красных, расположенных неподалеку от города.

Иначе говоря, *Саблин сумел совершить важные подготовительные действия, несмотря на то, что ему мешали и нехватка времени, и личное участие в боевых действиях флота, и тяжёлая болезнь. Это достойно доброй памяти.*

Вице-адмирал М. П. Саблин, стоит повторить, последним из русских морских военачальников был похоронен под сводами «собора адмиралов» в Севастополе. Это, конечно, великая почеть. Однако, быть может, настало время поразмыслить об отдельном памятнике Михаилу Павловичу — в силу его неоценимых заслуг и перед Черноморским флотом, и перед всей огромной массой эмигрантов, вывезенных Русской эскадрой в дни «Великого исхода», а значит, спасённых от гибели. 100-летие Крымской эвакуации — достойный повод для этого.

П. А. Головин

**К 100-ЛЕТИЮ СЕВАСТОПОЛЬСКОГО
МОРСКОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА.
ГАРДЕМАРИНЫ БРАТЯ ЗЕЛЕНЕ
В БИЗЕРТЕ**

*Люби Отчизны край и сердцем к ней гори;
О славных предках ты с восторгом говори!*
кн. Александр Козловский

Организовать Морской кадетский корпус в Севастополе в память о годах обороны 1855–1856 годов предложили ещё в 1899 году созданному Комитету под председательством великого князя Александра Михайловича. Первый Морской кадетский корпус в России был создан в 1752 году в Санкт-Петербурге на базе петровских военных учебных заведений и предназначался для воспитания и обучения офицеров флота. В 1911 году особой комиссией было принято решение о преобразовании морских военно-учебных заведений. Место постройки здания кадетского корпуса в Севастополе было выбрано на обширном плато у бухты Голландия, пригодной для стоянки гребных средств и учебных судов, в главной базе Черноморского флота Севастополе. По письменному заданию Морского министра И. К. Григоровича от 3 мая 1913 года эскизный проект новой постройки разработал преподаватель Николаевской инженерной академии и училища, военный инженер капитан В. Ф. Баумгартен. 23 июня 1915 года состоялась официальная церемония закладки фундамента здания с корпусной церковью, актовым залом и вестибюлем, левого соединительного и северного зданий. 20 ноября 1914 года на должность строителя был приглашён русский архитектор А. А. Венсан.

На государственном обеспечении предполагалось содержать 450 кадетов, а 50 «сверхкоштных» обучались за счёт процентов с пожертвованных капиталов или за счёт родителей. 18 февраля 1916 года капитан 1-го ранга С. Н. Ворожейкин [1] был назначен директором открывающегося осенью этого года Морского кадетского корпуса, а 30-го июля этого же года произведён в контр-адмиралы и, уже в Бизерте, 13 октября 1935 года приказом по Императорскому корпусу Армии и Флота пожалован в вице-адмиралы. Наименование «Морской Е. И. В. наследника цесаревича

кадетский корпус» было дано открытому в 1916 году Морскому кадетскому корпусу в Севастополе, просуществовавшему всего лишь год и расформированному Временным правительством летом 1917 года и единственная рота кадет которого была переведена в Морское училище в Петрограде. Приказом по флоту и морскому ведомству Севастопольский Морской кадетский корпус с 1 сентября 1917 года объявлялся переведённым в Петроград. В Петрограде Морской корпус оказался в осадном положении: «огромная толпа народа попеременно с солдатами запасного Финляндского полка подошла к 10 часам утра 18 февраля 1917 года к воротам 6 роты и стала ломиться в них, требуя их открытия и выдачи пулемётов, которые будто бы находятся в саду. Начальник училища в сопровождении адъютанта мичмана Дориан направился через Столовый зал в сад 6 роты и встретил генерал-лейтенанта А. М. Бригера и пригласил его следовать за ним. Его намерением было направить толпу к парадному подъезду, где вице-адмирал Виктор Андреевич Карцев соглашался её встретить. Выборные из толпы осмотрели помещения Морского кадетского корпуса, но толпа уже была в столовой и требовала оружия. Огромного роста унтер-офицер стал подталкивать толпу к выходу, а гардемарины были розданы патроны и ружья, они расположились у окон. Карцева ударили сзади прикладом в голову и накинули шинель, вмиг спеленали и кинули в стоящий возле здания автомобиль и увезли в Думу. А. М. Бригер соединился по телефону с Начальником Главного Морского Штаба адмиралом К. В. Стеценко, который передал ему словесное приказание Морского Министра вступить в и. д. Начальника Морского Училища». [2]

Весь этот комплекс недостроенных учебных зданий в Севастополе распоряжением морского министра Временного правительства законсервировали. Его комендантом назначили капитана 2-го ранга В. В. Берга. Приказом наркома П. Дыбенко Севастопольский Морской кадетский корпус был упразднён. Все постройки, материалы, имущество передавались ликвидационной комиссии. Летом 1919 года вооружённые силы Юга России овладели полуостровом Крым и установили свою власть в Севастополе. 11 июля 1919 года на борту парохода общества «Ропита» «Цесаревич Георгий» в Новороссийске старший лейтенант Н. Н. Машуков [3] представил начальству проект о возрождении Морского корпуса в Севастополе, после осмотра зданий в Севастополе с Начальником Новороссийской базы генерал-майором И. Е. Ставицким и английским полковником Юнгом, имевшими своей целью осмотр

всех свободных складов и зданий в Севастополе и Феодосии на предмет занятия их под боевое снабжение армий. Машуков прибыл из Таганрога, подал прошение Командующему Черноморским флотом контр-адмиралу М. П. Саблину, который располагался во дворце на Екатерининский улице в Севастополе, об ассигновании денег на открытие Морского кадетского корпуса и получил 100 000 рублей на его восстановление. Машуков передал деньги главному строителю Севастопольского порта полковнику Заборовскому, просил составить смету на все работы, рапорт был утвержден Главкомандующим А. И. Деникиным, и он был назначен Заведующим делами Морского корпуса в Севастополе с оставлением в должности командира вспомогательного крейсера «Цесаревич Георгий». М. П. Саблин передал в ведение корпуса свою дачу «Голландия», 6 сентября 1919 года было объявлено о приеме в корпус на 260 вакансий. Морской корпус располагался во дворце с астрономическим куполом на высокой горе, сходящей сотнями ступенек к берегу моря. А. И. Деникин выделил 17 млн. рублей на достройку здания и приём воспитанников. 14 октября 1919 года директором корпуса был назначен контр-адмирал С. Н. Ворожейкин, Машуков тем же приказом был произведён в капитаны 2-го ранга за громадные труды, положенные им на открытие корпуса, а руководство флота сделало его командиром крейсера «Алмаз»; капитан 2-го ранга И. В. Кольнер был назначен командиром гардемаринской роты, генерал-майор А. Е. Завалишин имел назначение заведующим хозяйственной частью Морского корпуса; преподавателями были приглашены учителя местных гимназий и реального училища. Специальные морские предметы преподавали: инспектор классов капитан 1-го ранга Н. Н. Александров — высшую математику, И. В. Кольнер — артиллерию и В. В. фон Берг — морское дело в обеих ротах. 17 октября 1919 года состоялось торжественное открытие Морского корпуса, прибыли Командующий флотом вице-адмирал Д. В. Ненюков и Главный командир портов Чёрного и Азовского морей контр-адмирал М. П. Саблин. 22 февраля 1920 года Машуков был в чине капитана 1-го ранга, 10 августа произведён в контр-адмиралы, за операции и высадку армии в тыл неприятелю был награждён орденом Святителя Николая Чудотворца и назначен начальником штаба Командующего Черноморским флотом.

За год существования Морского корпуса в 1919–1920 годах служили и воспитывали кадет: лейтенант И. В. Галанин, старшие лейтенанты Иваненко, фон Брискорн, Помазкин, лейтенант Куфтин, мичман Богданов, поручик Тарасов.

Кадеты МКК были готовы к отплытию 30 октября 1920 года, сначала погружены на баржу, а затем перешли на линейный корабль «Генерал Алексеев» (командир — капитан 1-го ранга В. Н. Борсук, старший офицер — капитан 2-го ранга Слуцкий, штурман корабля — старший лейтенант Блохин).

6 ноября — день Св. Павла Исповедника, праздник Морского кадетского корпуса. Предложение гардемаринов увезти с собой всех коров, свиней и овец, оставшихся в подсобном хозяйстве корпуса, контр-адмирал С. Н. Ворожейкин одобрил. 31 октября в семь часов утра «Генерал Алексеев» вышел на внешний рейд Севастополя и стал на якорь у Стрелецкой бухты, неподалеку от крейсера 2-го ранга «Алмаз». Весь день к «Генералу Алексею» подходили буксиры и баржи с беженцами и грузами. На его палубы даже подняли три сторожевых катера. Последней пришла баржа с гардемаринами, несшими патрульную службу в городе. Россию покинули и два брата-гардемарина Борис и Глеб Семеновичи Зеленые. Их родственник — Александр Алексеевич Зеленой (1818–1880) тоже окончил Морской корпус, оставил воспоминания воспитанника выпуска 9.08.1844 года, впоследствии стал Министром Государственных Имуществ и генералом от инфантерии. [4]

Рис. 1. Герб рода Зеленых

Рис. 2. Герб рода Головинных

31 октября 1920 года в 23 часа «Генерал Алексеев» снялся с якоря и вышел в открытое море. На полчаса раньше ушли стоявшие рядом с ним крейсер «Алмаз» с командой гардемаринов Севастопольского Морского корпуса и посыльное судно «Якут» с воспитанниками

Владивостокского Морского училища. «Якут» принял дополнительно на борт 150 беженцев и 70 юнкеров Константиновского училища. Вечером 4 октября 1920 года линкор «Генерал Алексеев» встал на якорь на рейде Мода при входе в Мраморное море. Рядом с ним бросили якоря крейсер «Алмаз», посыльное судно «Якут» с гардемаринами на борту и ещё 140 судов разного типа и назначения с 146 000 россиян, не пожелавших остаться у красных. Через несколько дней по приходе в Константинополь вице-адмирала А. М. Герасимова [5] назначили директором Морского кадетского корпуса, в состав которого вошли и воспитанники Владивостокского Морского училища. Контр-адмирал С. Н. Ворожейкин, заведующий хозяйственной частью генерал-майор А. Е. Завалишин, капитан 2-го ранга А. Н. Подашевский, некоторые офицеры и преподаватели покинули Морской корпус и уехали во Францию. Высадив армию и беженцев в Турции, подняв по приказу Врангеля на кораблях вместе с Андреевскими флагами французские государственные флаги, эскадра ушла на постоянное базирование в Тунис — протекторат Французской республики, в порт Бизерта. Из Стамбула вышла эскадра под командованием вице-адмирала Кедрова. Придя в Бизерту, Михаил Кедров (1878–1945) сдал флот и командование контр-адмиралу М. А. Беренсу и на французском крейсере «Эдгар Кинэ» отбыл во Францию, чтобы оттуда помогать русскому флоту. С Русской эскадрой на французскую военно-морскую базу прибыл и весь личный состав Севастопольского Морского кадетского корпуса, воспитанники Владивостокского Морского училища и служившие в частях Добровольческой армии Юга России кадеты и гардемарины Петроградского Морского корпуса (17 офицеров-экстернов, 235 гардемарин, 110 кадетов, 60 офицеров и преподавателей, 40 человек команды и 50 членов семей офицеров). Личный состав Морского корпуса и их семьи перевели с кораблей на берег, остальных разместили на боевых судах. На броненосце «Георгий Победоносец» поселили семьи морских офицеров, открыли школу, церковь и лечебницу. Контр-адмирал Н. Н. Машуков провёл переговоры с морским префектом Туниса адмиралом Варрнеем и просил его оказать содействие в размещении на берегу Морского кадетского корпуса. Французский адмирал, не дожидаясь распоряжений из Парижа, предложил разместить военно-морское учебное заведение в одном из двух находившихся в районе Бизерты зданий бывших французских казарм Сфаят или в старинном форте Джебель-Кебир. Для осмотра предложенных помещений адмирал сформировал комиссию под руководством капитана 1-го ранга

Н. Н. Александрова. Офицеры остановили свой выбор на двух военных объектах: воспитанников морского корпуса разместили в помещениях форта Джебель-Кебир, а руководство, офицеров, педагогический персонал и склады — в казармах военного лагеря Сфаят, находящегося на расстоянии одного километра от форта.

Рис. 3. Бизерта. 4 рота

Летом 1921 года после сдачи экзаменов 17 офицеров-экстеров бывшей сводной роты получили аттестаты об окончании полного курса Морского корпуса. Это был первый выпуск в Бизерте, к кадетам был приглашён учитель Лафон обучать жителей Кебир и Сфаят французскому языку. Всего Морской кадетский корпус в Бизерте сделал пять выпусков офицеров флота, служивших затем во Франции, Австралии и на кораблях других стран. Дипломы, выдаваемые его выпускникам, официально приравнивали к европейским документам о специальном морском образовании.

15 ноября 1921 года приказом Главнокомандующего для всех лиц, находившихся на кораблях Русской эскадры и в лагерях, был учреждён памятный знак — чёрный с белой эмалью по краям крест с надписью «Бизерта» посредине и датами «1920–1921».

Рис. 4. Бизерта. Кадеты 5-ой роты

14 марта 1922 года 80 офицеров флота и около 450 человек бывших студентов (офицеров и матросов) изъявили желание продолжать прерванное образование в иностранных вузах. Через Францию в Прагу отправились 84 человека для поступления в высшие учебные заведения, в том числе 25 гардемарин 1-й роты, только что окончивших Морской корпус и произведённых в корабельные гардемарины, 34 офицера флота и армии, 25 матросов — бывших студентов.

13 октября 1922 года в Морском корпусе торжественно отметили сорокалетний юбилей службы в офицерских чинах его директора — вице-адмирала Герасимова.

30 октября находившийся в Бизерте маршал Франции А.-Ф. Петэн посетил Морской корпус. 1 ноября состоялся последний выпуск из Морского корпуса. 17 старших гардемарин получили назначение в штат Русской эскадры с денежным содержанием 40 франков в месяц, а 47 человек были зачислены сверх штата и получали 10 франков в месяц. 10 ноября 1922 года 10 гардемарин последнего выпуска и 15 гардемарин, окончивших Морской корпус, уехали во Францию. Там стараниями Дмитриева все они были приняты в Сорбонну. В этот же день уехали из Бизерты и 11 детей, зачисленных в различные учебные заведения Франции и Бельгии.

С 1 января 1923 года военно-морское училище России было официально переименовано в «Орфелинат» («Сиротский дом») и прикомандировано для довольствия к линкору «Георгий Победоносец». 28 октября 1924 года Франция признала законность существования советского правительства и установила с ним дипломатические отношения. После этого существование эскадры под Андреевским флагом стало невозможно юридически. Адмирал Эксельманс объявил о признании Францией СССР и выразил своё желание оказать содействие по переправке агенту в Париже капитану 1-го ранга Дмитриеву реликвий и серебра, хранящихся на эскадре. На крейсере «Адмирал Корнилов» хранились запечатанные ящики с серебряными приборами с различных кораблей Черноморского флота, штаба Командующего флотом и Морского Собрания Севастополя. Впоследствии серебро и другие реликвии эскадры были доставлены на линейном корабле в Тулон. Архив штаба эскадры передали на хранение в префектуру Бизерты и затем — в Морской исторический архив Франции. По распоряжению французских властей на всех русских кораблях спустили Андреевские флаги, русские моряки сошли на берег и официально перешли на положение беженцев.

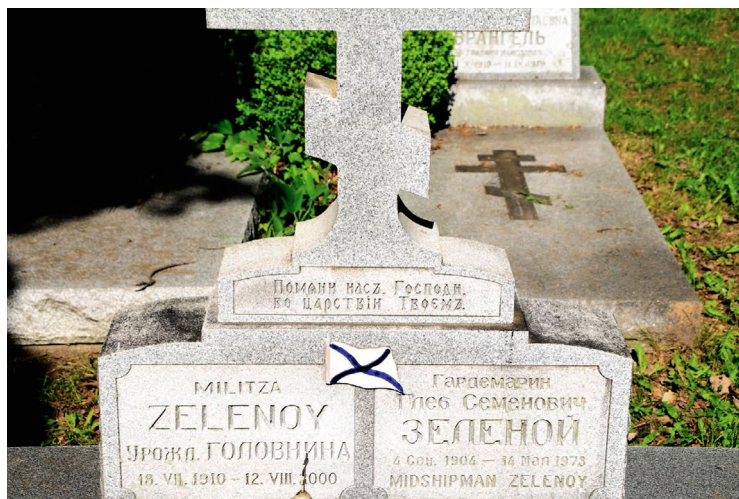
В последнем приказе по Морскому кадетскому корпусу № 51 от 25 мая 1925 года вице-адмирал Герасимов отмечал: «25 мая 1925 года считаю днём окончательной ликвидации Морского корпуса, просуществовавшего в Бизерте четыре с половиной года. За этот период из него было выпущено 300 юношей, часть которых поступили в высшие учебные заведения Чехословакии, Франции и Бельгии. В Париже лейтенант Иван Дмитриевич Богданов отыскал гардемарин и кадет Морского корпуса, и они организовали Морское объединение, адмирал Кедров сделал его Председателем Объединения всех гардемарин, кадет и охотников флота. И. Д. Богданов с 17.11.1921 года стал заведывающим хозяйственной частью Морского корпуса до 21.04.1923 года, потом, сдав дела лейтенанту Жуку, он уехал во Францию, и стал работать шофёром». [6]

В Бизерте в 1921–1925 годах, как писала в своей книге Анастасия Александровна Манштейн-Ширинская, «пению нас учила энергичная Вера Евгеньевича Зеленая. В молодости она училась музыке в Италии и никому не давала этого забыть. Что касается гимнастики, то нас водили на бизертский стадион, где мы участвовали в состязаниях с учениками бизертских школ; общались с ними с симпатией, но скорее молча, так как французского языка мы ещё не знали. Русская колония в Бизерте в конце 20-х годов

была достаточно многочисленной, чтобы содержать священника. Была снята квартира на рю д'Анжу для отца Ионникия Полетаева, где одна из комнат служила нам церковью. По субботам вечером мы ходили на Всенощную, а в воскресенье утром — на Литургию. Хор организовался под управлением В. Е. Зеленой. Скрытое соперничество существовало между ней и отцом Ионникием. Очень щепетильная относительно всего, что касалось её хора, она плохо переносила, когда батюшка призывал народ петь, не ожидая её указаний. “Пойте все!” — говорил он, обращаясь к прихожанам. В то время как она, размахивая камертоном, раздавала партитуры. Зеленая жила в мансардной комнате на террасе большого дома в центре города. Входя в её одинокую комнатушку, гость попадал, совершенно неожиданно, в тёплую, уютную обстановку. Всё напоминало далёкое прошлое. Портрет стройной, небольшого роста девушки — это она в Милане. Портрет офицера в белой морской форме — это её муж, пропавший без вести. Днем её можно было узнать издали: жалкая, на искривленных ногах фигура, сгорбленная под тяжестью корзинок, набитых “русским печеньем”, которое она продавала, разнося по клиентам». [7]

Братья Зеленые в 1925 году перебрались во Францию. В 1930 году Глеб Семёнович Зеленой (1904–1973) в Париже познакомился с Милицей Борисовной Головниной (1910–2000), вскоре у них родился сын Глеб (1931–?). Отец Милицы, полковник Борис Сергеевич Головнин (1878–1920), погиб в войсках Колчака под Читой, его дочь Варвара Головнина в Москве вышла замуж за сотрудника АРА Вильяма Шукмана, который сумел вывезти из Красной России не только свою супругу, но и её сестер, Милицу и Елизавету, а также их мать Клавдию Геннадиевну Головнину (Карпову) сначала в Париж, а потом в США. С началом Второй мировой войны Глеб Семёнович Зеленой находился во французской армии, участвовал в боях и с 1940 по 1945 год был в немецком плену. После войны семья Зеленых перебралась в США, и с 1949 года Глеб Зеленой — Председатель Общества Морских офицеров.

Русский дворянский род Зеленых восходит к середине XV века. Денис «Неупокой» Миронович Зеленый (+1652) в 1599 году жалован многими вотчинами, сёлами и пустошами. Его внук дьяк Семён Зеленый подписал грамоту об избрании на престол царя Михаила Фёдоровича. Алексей Николаевич Зеленый (1784–1864), капитан-лейтенант и псковский помещик. Его сын, Александр Алексеевич Зеленый (1819–1880), генерал-адъютант, генерал от инфантерии, был министром государственных имуществ и членом

Рис. 5. Могила четы Зеленых на Ново-Дивеевском кладбище Успенского женского монастыря в Нью-Джерси (США)

Государственного совета. Род Зеленых внесён во 2-ю и 6-ю части Дворянской родословной книги Псковской губернии. Проект герба был представлен в Герольдию Алексеем Николаевичем Зеленым в 1821 году.

11 мая 1923 года в США, в Нью-Йорке русскими эмигрантами — морскими офицерами было основано «Общество бывших русских морских офицеров в Америке» под председательством капитана 1-го ранга М. А. Кितिцына. Председателями Общества с момента его основания были: М. А. Кितिцын (1923–1925), Н. Р. Вирен (1925–1927), Н. Н. Гойнинген-Гюне (1928), Г. Н. Таубе (1928–1929), Н. Н. Крыжановский (1930), А. М. Чернушевич (1931–1933), Ю. К. Дворжицкий (1934–1936 и 1939–1940), С. В. Гладкий (1937–1938), контр-адмирал А. Н. Заев (1941–1942 и 1945–1947), М. Н. Яненко (1943–1944), П. Е. Стогов (с 1948 года) и другие.

В 1934 году при Обществе стал выходить «Бюллетень Общества бывших русских морских офицеров в Америке» под редакцией старшего лейтенанта Ю. К. Дворжицкого, где публиковались новости из жизни русской эмиграции в США, Франции, Югославии, Дании, Греции и других странах, а также регулярно сообщалось о поступивших в архив и библиотеку Общества различных письменных материалов. В 1935 году при Обществе была создана библиотека, основу которой составило книжное собрание М. С. Стахевича.

В 1943 году при Обществе была учреждена историческая комиссия и архив Общества, целью комиссии было продолжение работы исторического кружка имени адмирала А. В. Колчака в Париже.

С 1943 года стал выходить журнал «Морские записки». 25 января 1953 года Общество получило новое название — «Общество офицеров Российского Императорского Флота в Америке», создало свою кают-компанию в «Доме Свободной России», в 1958 году было официально инкорпорировано под названием «Русское морское историческое общество в США» с председателем С. В. Гладким. 26 сентября 1963 года специальная комиссия Общества заключила договор со специальной комиссией культурно-благотворительного общества «Родина» о перевозке и устройстве музея, архива и библиотеки Общества в помещениях общества «Родина» в городе Лейквуде. В 1990-х годах по инициативе руководителей общества «Родина» начался процесс возвращения его культурных ценностей в Россию, большая часть книг и памятных вещей поступила на хранение в Центральный музей Вооружённых сил РФ в Москве, в 1999 году часть музейных предметов была передана в РГА ВМФ и ЦВМБ в СПб. [8]

Вот такими brave боевыми офицерами были и есть представители дворянских родов Зеленых и Головинных, ибо **«дворянство наше хорошо поняло и применило к действию прекрасный смысл французского изречения: *noblesse oblige* — дворянство обязывает»** (Вяземский, 1851).

Примечания

1. *Сергей Николаевич Ворожейкин* родился в 1867 году. В 1886 году окончил Морской корпус и направлен в 8-й Флотский экипаж в Санкт-Петербурге. С 1892 по 1893 г. проходил службу на полуброненосных фрегатах «Генерал-Адмирал» и «Герцог Эдинбургский». После окончания Офицерских артиллерийских классов в 1899 году был назначен старшим артиллерийским офицером на крейсер 1-го ранга «Светлана». В 1904 году ему присвоено звание капитана 2-го ранга. В 1907 году — командир эсминца «Туркменец Ставропольский» в охране императорской яхты «Штандарт». В 1909 году назначен начальником 1-го дивизиона эсминцев Балтийского флота. В 1910 году назначен командиром крейсера «Богатырь», присвоено звание капитана 1-го ранга. В августе 1914 года назначен председателем Строительной комиссии Севастопольского Морского корпуса. В октябре 1916 года присвоено

звание контр-адмирала. В 1918 году С. Н. Ворожейкин — Начальник западных портов Черного моря, затем Главный командир Одесского порта. В 1919 году был зачислен в резерв Главкомандующего Вооружёнными Силами Юга России. В октябре 1919 года был назначен директором Севастопольского Морского кадетского корпуса, в должности которого пробыл до эвакуации корпуса в Бизерту. Эмигрировал вместе с флотом в Бизерту, где работал служащим в обществе «Морских работ» в Бизерте и состоял Председателем Комитета по постройке церкви-памятника Русской эскадре в Бизерте. Кавалер орденов Святого Станислава II степени, Святой Анны II степени, Святого Владимира IV степени с бантом. Сергей Николаевич Ворожейкин скончался 26 марта 1939 года, похоронен в Бизерте.

2. РГАВМФ. Ф. р-2246. Оп. 1. Д. 41. Морской кадетский корпус во время февральской революции, воспоминания неизвестного автора, Л. 1–20.
3. *Николай Николаевич Машуков* родился в г. Одессе в 1889 году. Окончил Морской корпус в 1908 году, по окончании похода на броненосце «Цесаревич» произведён в мичманы. В 1912 году присвоено звание лейтенанта. После окончания Офицерских штурманских курсов и Офицерских артиллерийских курсов в 1914 году назначен младшим артиллерийским офицером на линейный корабль «Гангут». В 1917 году был принят в Михайловскую артиллерийскую академию. После октябрьского переворота 1917 года прибыл в г. Одесса, где в конце 1918 года был назначен командиром тральщика «Ольга» Добровольческой армии. Провёл ряд успешных боевых операций, получил звание старшего лейтенанта, назначен командиром вспомогательного крейсера «Цесаревич Георгий». В июле 1919 года Н. Н. Машуков участвует в обстреле береговой крепости г. Очаков и в высадке десанта в устье Буга. В июле 1919 года назначен исполняющим обязанности директора Севастопольского Морского кадетского корпуса с оставлением в должности командира вспомогательного крейсера «Цесаревич Георгий». В октябре 1919 года присвоено звание капитана 2-го ранга. В декабре 1919 года Н. Н. Машуков назначен командиром 2-го отряда Черноморского флота для взаимодействия с корпусом генерала Слащёва. В марте 1920 года присвоено звание капитана 1-го ранга. 17 октября 1920 года назначен Начальником Штаба Черноморского флота. При подготовке эвакуации российского флота из Крыма был произведён в контр-адмиралы. По прибытию флота в Бизерту Н. Н. Машуков принят студентом в Технический институт в Париже. В 1932 году — профессор Высшего технического института, в котором преподавал до 1965 года. Николай Николаевич Машуков скончался в Париже 12 октября 1968 года. Похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа.

4. РГАВМФ. Ф. р-2246. Оп. 1. Д. 34. Воспоминания Д. Н. Сенявина, В. И. фон Штейнгеля, Э. И. Стогова, Л. А. Загоскина, П. И. Кузнецова, В. П. Одинцова, А. А. Зеленого, В. К. Пилкина и В. М. Линдена о Морском кадетском корпусе в XVIII–XIX веках, Л. 31–35.
5. *Александр Михайлович Герасимов* родился в 1861 году. В 1882 году окончил Морское училище. После окончания Минного офицерского класса в 1883 году совершил заграничное плавание на фрегате «Светлана». В 1892 году с отличием окончил Михайловскую артиллерийскую академию. В 1896 году А. М. Герасимов — старший артиллерийский офицер крейсера «Адмирал Нахимов». На броненосце «Победа» участвует в Русско-японской войне. После сдачи Порт-Артура — в японском плену. С 1905 года А. М. Герасимов — командир учебных судов «Рига» и «Петр Великий». В 1909 году — Начальник учебно-артиллерийского отряда Балтийского флота, присвоено звание вице-адмирала. В 1914 году — губернатор Эстляндии, Лифляндии, Курляндии одновременно. Ранен во время Февральской революции. В 1917 году уволен со службы с мундиром и пенсией. После Октябрьского переворота вступил в Добровольческую армию. В 1919 году сначала помощник, затем Начальник Морского управления при Главнокомандующем Вооружёнными Силами Юга России. С февраля 1919 года по апрель 1920 года — Командующий Черноморским флотом. С ноября 1920 года по май 1925 года — директор Морского кадетского корпуса в Бизерте. Кавалер орденов Святого Станислава II степени с мечами, Святого Владимира IV степени с мечами и бантом, Святой Анны II степени с мечами, Святого Владимира III степени, Святого Станислава I степени, Святой Анны I степени. Александр Михайлович Герасимов скончался 11 января 1931 года, похоронен на европейском кладбище Бизерты.
6. *В. В. ф. Берг*. Последние гардемарины (морской корпус). Париж, 1931. Л. 7–181.
7. *Ширинская А. А.* Бизерта. Последняя стоянка. СПб., 2003. С. 204, 234, 239.
8. РГАВМФ. Ф. р-2246. Оп. 1. Материалы по истории флота, поступившие из-за границы. Л. 3–6.

Э. В. Гудова

**ФОНД СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО
И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ИМЕНИ
А. А. МАНШТЕЙН-ШИРИНСКОЙ:
МИССИЯ, РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТЫ**

*Уметь всё потерять и всё снова начать.
...Действительность прошлого удивительно сильна.
Ничто не может изменить того, что было.
А. А. Манштейн-Ширинская*

1 декабря 2007 года в одухотворённой атмосфере сформировалась инициативная группа по организации Фонда сохранения исторического и культурного наследия имени А. А. Манштейн-Ширинской, который был создан в 2008 году. Одной из основателей Фонда стала А. А. Манштейн-Ширинская. Мы объявили меморандум о создании Фонда имени А. А. Манштейн-Ширинской, суть которого заключалась в том, чтобы продолжить и укрепить дело, которому Анастасия Александровна посвятила свою жизнь, сохранить историческую память о прошлых событиях и передать её будущим поколениям. Рассказать о трагедии людей, являвшихся носителями российской культуры и разделяющих идею патриотизма как естественную любовь и нравственную обязанность к своему отечеству, принимающих его интересы и достоинство главным образом в тех высших принципах, которые не разделяют, а соединяют людей. Миссия проекта заключалась в создании Мемориального центра Русской эскадры в г. Бизерта — Дома Русской эскадры (Дом А. А. Манштейн-Ширинской).

Рис. 1. Логотип Фонда имени А. А. Манштейн-Ширинской

Рис. 2. Презентация Э. В. Гудовой

Рис. 3. А. А. Манштейн-Ширинская

*Рис. 4. Обсуждение проекта с Анастасией Александровной, членами её семьи, членами Попечительского совета Фонда.
3 июля 2009 г.*

Рис. 5. Подготовка экспозиции выставки

Рис. 6. Осмотр экспозиции при открытии Дома Русской эскадры

Рис. 7. Открытие Дома Русской эскадры

Рис. 8. На открытии Дома Русской эскадры

Рис. 9. В Доме Русской эскадры

Рис. 10. А. А. Манштейн-Ширинская среди друзей

Рис. 11. Семейное фото

Рис. 12. Фото кораблей Русской эскадры

Мечтой Анастасии Александровны было создание музея исхода Русской эскадры в Бизерте. После почти двух лет кропотливой работы 25 сентября 2009 года состоялось долгожданное событие — открытие Дома, который Анастасия Александровна называла «зарубежное Рубежное».

Анастасия Александровна приехала на праздник одной из первых. Многих гостей она пригласила лично и была рада возможности самой их встретить. В уютном пространстве разместилась довольно значительная экспозиция из сувениров и архивных фотографий Анастасии Александровны и её друзей. Увеличенные фотографии на стенах гостиных органично сплелись с созданным интерьером. В стеклянных витринах лежат старинные вещи, 90 лет назад привезенные из России, и подарки-сувениры недавних гостей и новых друзей Анастасии Александровны.

Неоценимый вклад в создание и поддержание Дома вносит семья Ламина и Татьяны Мессауди. Татьяна Романовна Мессауди стала преемницей Анастасии Александровны в качестве старосты православной общины в г. Бизерта. Бессменным хранителем Дома является Лариса Васильевна Богданова. Сегодня Дом живёт своей жизнью, принимая гостей, рассказывая об истории Русской эскадры и проводя посетителей по Бизертинскому маршруту. За годы своего существования Дом принял более 10 000 гостей разных культур и национальностей.

Дом является центром привлечения для поддержания храма и кладбища. На открытии Дома встретились потомки моряков Русской эскадры из разных стран. Так возникла программа фонда «Клуб Бизерта». К ней стали присоединяться люди, интересующиеся темой истории русского флота, и число их неуклонно растёт.

Первый руководитель клуба «Бизерта» А. Ю. Серебрянникова отмечала, что «целью программы “Клуб Бизерта” является объединение, независимо от места проживания, людей, желающих глубже изучать историю нашей Родины, в том числе и тот её период, когда Русская эскадра ушла из Севастополя».

На христианском кладбище в Бизерте находятся захоронения русских моряков и памятник русским морякам. К ним сегодня приходят люди, чтобы отдать дань памяти.

Рис. 13. Домашняя школа у храма А. Невского в Бизерте с владыкой Назарием и отцом Димитрием

Рис. 14 Работы по реставрации храма

Рис. 15. Реставрация фресок храма

Рис. 16. На кладбище Бизерты

Рис. 17. На кладбище Бизерты

Рис. 18. Площадь имени А. А. Ширинской

*Рис. 19. После спектакля Домашней школы
в Российском центре науки и культуры в Тунисе*

Фонд вместе с клубом «Бизерта» разработали программу, имеющую своей целью объединить людей, интересующихся судьбами людей эскадры, историческим и культурным наследием соотечественников, оказавшихся в начале XX века в Северной Африке и, в частности, в Тунисе.

С этим связана просветительская деятельность и проекты Фонда. Это конференции, концертные программы, выставки и вернисажи. Так, были проведены:

- Международная историко-патриотическая конференция «Судьбы Русской эскадры. Севастополь — Бизерта. 90 лет исхода». Конференция проходила в 2010 году в Санкт-Петербурге в Свято-Троицкой Александро-Невской Лавре.

- Научно-просветительская конференция, посвящённая 95-летию трагических дней исхода в 1920 году в Севастополе с 10 по 12 сентября 2015 года. Международная научно-просветительская конференция «Крымский пролог: исход на чужбину Русской армии, флота и гражданских беженцев осенью 1920 года» прошла в Конгресс-холле филиала МГУ на Корабельной стороне.

Реализуется проект Передвижная художественная выставка «Под небом Бизерты» и международная историко-художественная выставка «Бизерта. Судьбы и корабли». Места проведения выставки: г. Бизерта, Музей Эрарта, г. Санкт-Петербург (2015 г.), Тульский областной художественный музей (2017 г.), Калужский музей изобразительных искусств (2017 г.), Библиотека искусств имени А. П. Боголюбова, г. Москва (2018 г.), МИД РФ (2018 г.), Совет Федерации, г. Москва (2019 г.). Полотна, созданные на пленэрах, стали основой передвижной выставки «Под небом Бизерты», к которой впоследствии присоединились и другие художники Москвы и Санкт-Петербурга. Общая коллекция выставки состоит более чем из 60 работ.

Рис. 20. Художники на пленэре, Тунис

Рис. 21. Художники на пленэре, Тунис

Также снимаются документальные фильмы «Больше, чем Дом», «Валя», реализуется концертная программа «Музыка Русской эскадры» и проект «Бизертинский маршрут», проводится историческая любительская регата «Бизерта – Мессина».

Анастасия Александровна всегда была рада своим гостям. Многие из её посетителей помнят незабываемые прогулки по Бизерте и окрестностям города, которые она сопровождала своим удивительным рассказом. Маршрут тех экскурсий теперь называется «**Бизертинским маршрутом**», по которому и сегодня проходят все, кому интересна история Русской эскадры. Мы верим, что «Бизертинский маршрут» станет основой проекта по созданию Международного мемориального центра Русской эскадры в Бизерте.

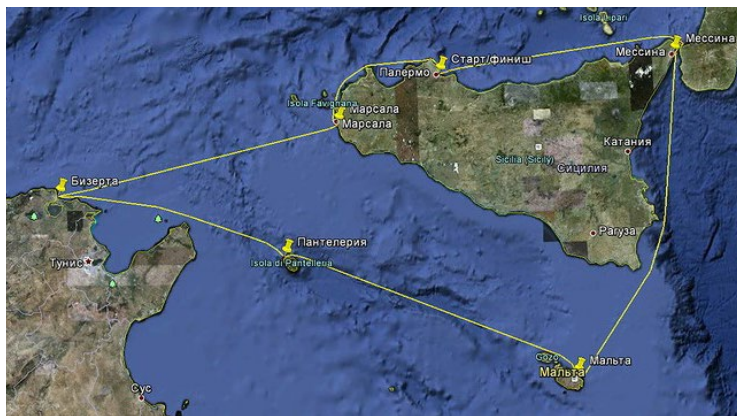

Рис. 22. Бизертинский маршрут

Историческая любительская **регата Бизерта – Мессина** помимо спортивной цели, то есть яхтенных гонок, преследует историко-просветительские и культурные цели. Главное в этом плавании — история Отечества и благодарная память нас, потомков. Экипажи смогут посетить мемориальные и исторические места и прикоснуться к истории отечественного флота.

Рис. 23. Регата

Первый поход регаты в 2012 году прибыл в Бизерту, чтобы принять участие в памятных мероприятиях к 100-летию со дня рождения Анастасии Александровны Манштейн-Шириной.

«Чтобы самим помнить и детям рассказывать. Помнить о страшной странице в русской истории, когда в октябре 1924-го года прошлого века в последний раз на рейде Бизерты прозвучала команда “На флаг и гюйс... Смирно! Флаг и гюйс... спустить”. И Андреевский флаг заскользил вниз по древку... Там тогда закончился Русский Императорский флот».

В Мессину регата заходит не случайно. В 1908 году город был разрушен сильным землетрясением, и находившиеся в учебном плавании русские моряки близ берегов Мессины первыми оказали помощь пострадавшим. Благодарные жители поставили памятник русским морякам, несколько улиц города были названы русскими именами.

Фонд сохранения исторического и культурного наследия имени А. А. Манштейн-Шириной и клуб «Бизерта» осуществляют большую **издательскую программу** «Русская эскадра» в сотрудничестве с издательским домом «Арт Волхонка».

Как известно, «Русской эскадрой» было названо соединение кораблей Императорского военно-морского флота, вышедших в 1920 году из Крыма вместе с врангелевской Русской армией и в течение четырёх лет ожидавших в порту тунисского города Бизерты возвращения на родину. Этим надеждам не суждено было сбыться, в 1924 году Андреевский флаг над эскадрой был спущен, и члены экипажей пополнили собой ряды эмигрантов. Эта драматическая страница истории отечественного флота на протяжении семидесяти лет замалчивалась советской историографией, однако в последние годы стали доступными многие материалы, позволяющие восстановить историческую истину. Вышедшие из печати, а также готовящиеся к изданию книги о Русской эскадре представляют разные жанры от альбомов и научных монографий до беллетристики.

«Автографы Бизерты. Дневники. Воспоминания. Размышления»⁵⁵.

Книга об исходе эскадры и жизни русской колонии в тунисской Бизерте. В сборник вошли воспоминания, дневники, записки,

---

⁵⁵ Автографы Бизерты: дневники, воспоминания, размышления / Фонд имени А. А. Манштейн-Шириной ; сост. Т. В. Акулова-Конецкая. Москва : Фонд имени А. А. Манштейн-Шириной, сор. 2012. 350 с. : ил.

интервью участников и свидетелей тех событий. Многие свидетельства современников о жизни русской эмиграции в Северной Африке публикуются впервые.

Анастасия Ширинская. «Бизерта. Последняя стоянка. Воспоминания»⁵⁶.

Книга воспоминаний выдающегося деятеля русской эмиграции Анастасии Манштейн-Ширинской (1912–2009), посвятившей последние десятилетия жизни делу сохранения исторической памяти о Русской эскадре. Книга включает и семейную хронику с зарисовками раннего детства в России, и трагические картины после-революционного времени, и рассказ о людях, «которые понесли Россию в себе и никогда не забывали свою родину».

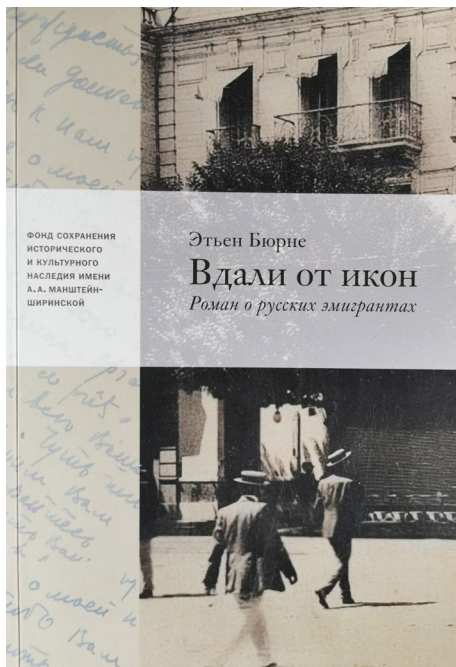

Рис. 24. Обложка книги А. А. Ширинской «Бизерта. Последняя стоянка»

⁵⁶ Ширинская, Анастасия Александровна. Бизерта. Последняя стоянка : [воспоминания] / Анастасия Ширинская. [Изд. 2-е, испр. и доп.]. Санкт-Петербург : Отечество, 2006. 363, [4] с. : ил.

Этьен Бюрне. «Вдали от икон». Роман о русской эмиграции⁵⁷.
Перевод с французского А. Ю. Серебрянниковой.

Роман Этьена Бюрне «Вдали от икон», изданный в парижском «Фламарионе» в 1923 году, представляет героев в контексте событий, актуальных в те годы: революция в России, трудное вхождение эмигрантов в новую среду. Главная героиня проходит нелёгкий путь — от отчаяния на грани самоубийства до осознания ответственности за происходящее в России и возвращения на родину. Сильная сторона романа — этнографические описания Северной Африки, экзотического фона сюжета.

Рис. 25. Обложка книги Этьена Бюрне «Вдали от икон»

---

⁵⁷ Бюрне, Этьен. Вдали от икон: роман о русских эмигрантах / Этьен Бюрне ; перевод с французского А. Ю. Серебрянниковой. Фонд сохранения исторического и культурного наследия имени А. А. Манштейн-Ширинской. Москва : Арт Волхонка, 2014. 301, [2] с. : ил.

Андрей Шугаев. «Тунисские открытки. Жизнь русской диаспоры в Северной Африке»⁵⁸.

Представленные в этой книге старинные почтовые карточки с видами разных мест Северной Африки ценны не только сами по себе, но и как источники сведений о жизни и переживаниях людей, заброшенных в страны Магриба после революции 1917 года.

Наряду с уникальными открытками приводятся отрывки из книг о Русской эскадре, дневников тех лет и воспоминаний, многие из которых публикуются впервые.

Книга будет интересна не только историкам и филокартистам, но и широкому кругу читателей.

Рис. 26. Обложка книги А. Шугаева «Тунисские открытки»

«Под небом Бизерты»⁵⁹.

Иллюстрированное издание знакомит читателей с Бизертой — старинным городом в Тунисе на севере Африки, в котором был спущен флаг легендарной Русской эскадры.

⁵⁸ Тунисские открытки. Русская диаспора в Северной Африке / [Фонд сохранения исторического и культурного наследия имени А. А. Манштейн-Ширинский; авт.-сост. А. А. Шугаев]. Москва : Арт Волхонка, 2014. 325, [2] с. : ил. , цв. ил.

⁵⁹ Под небом Бизерты / [Фонд сохранения исторического и культурного наследия имени А. А. Манштейн-Ширинской ; авт.-сост. В. С. Мухина]. Москва : Арт Волхонка, 2014.

Книга содержит многочисленные фотографии, а также репродукции художников, побывавших в творческой экспедиции в Бизерте, и эссе Константина Сулягина. Его путевые заметки погружают читателя в атмосферу экзотического места с его памятниками древней культуры и заставляют задуматься о феномене «русского мифа».

«Русская эскадра. Прощание с Императорским флотом».

Книга посвящена последнему трагическому этапу существования Российского военно-морского флота, связанному с Русской эскадрой. Судьбы моряков и кораблей предстают в документах, многие из которых публикуются впервые: архивные фотографии, карты, официальная и частная переписка, воспоминания современников. Книга, впервые с такой полнотой освещающая эту тему, привлечёт не только профессионалов, но и широкий круг интересующихся историей Отечества.

Рис. 27. Обложка книги «Русская эскадра. Прощание с Императорским флотом»

Елена Борисова. «Детство на кораблях»⁶⁰.

Новая книга из познавательной серии для школьников «Про...» рассказывает о детях Русской эскадры. Им довелось пережить шторм в Средиземном море на пути из Крыма в Бизерту, учиться в школе на броненосце или в легендарном Морском корпусе в крепости Джебель-Кебир.

Дополняет книгу иллюстрированный словарь морских терминов и некоторых других слов.

Всё это делает издание привлекательным не только для детей среднего возраста, но и для их родителей.

Андрей Шугаев. «А прошлое кажется сном...»

Книга состоит из двух беллетризованных биографий, опирающихся на документальные материалы — письма, дневники, фотографии. Герои — молодые выпускники Морского корпуса в Петрограде, в 1920-е годы оказавшиеся в эмиграции в Северной Африке.

Книга, рассказывающая о том, как по-разному складывалась жизнь на чужбине у юношей, родившихся в России в самом начале XX века, содержит множество исторических и этнографических подробностей. Для широкого круга читателей.

Александр Гутан. «Адмирал Эбергард: время и судьба»⁶¹.

Издание необычного жанра — книга-архив — знакомит с замечательной личностью в истории Российского военно-морского флота. Андрей Августович Эбергард известен как флотоводец, герой Русско-японской войны 1904–1905 годов и инициатор создания подводного флота и морской авиации в России.

Документальные свидетельства современников перемежаются размышлениями автора-составителя о судьбе адмирала в контексте исторической эпохи.

---

⁶⁰ Борисова, Е. С. Детство на кораблях / Елена Борисова. — Москва : Арт Волхонка, 2015. 87 с. : ил.

⁶¹ Гутан А. С. Адмирал Эбергард: Время и судьба. М. : Арт Волхонка. [Жанр: Биографии военных деятелей]. 264 с.

«Люди Русской эскадры». Составитель А. В. Плотто⁶².

Уникальное издание, впервые представляющее перечень людей, связанных с Русской эскадрой.

Указатель, составленный с опорой на редкие публикации и архивные материалы, включает сведения не только о моряках, но и о членах их семей, хотя бы однократно упоминавшихся в документах разного рода.

Рис. 28. Обложка книги «Люди Русской эскадры»

---

⁶² Люди Русской эскадры / Библиотека фонда имени А. А. Манштейн-Ширинской; Составитель А. В. Плотто; Вступит. статья Е. Плотто, Э. Плотто; Предисловие Н. Крыловой; Вступ. слово А. Ю. Емелина. М. : Арт Волхонка, 2015 . 495 с. : [8] л. табл.

Такие разные судьбы. Составитель А. Ю. Серебрянникова⁶³.

Книга состоит из материалов, подготовленных членами клуба «Бизерта», объединяющего потомков моряков Русской эскадры, архивистов, а также просто людей, заинтересованных в сохранении памяти об этой странице истории. Среди текстов сборника — доклады, прочитанные на заседаниях клуба, и новые публикации архивных источников.

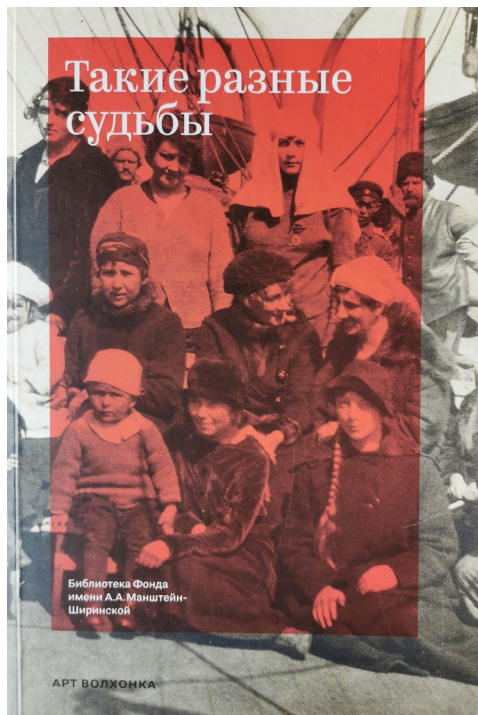

Рис. 29. Обложка книги «Такие разные судьбы»

---

⁶³ Такие разные судьбы: Сборник статей членов клуба «Бизерта» / Вступ. слово Э. Гудовой; Вступит. статья С. А. Николаева; Составление А. Ю. Серебрянниковой. М. : Фонд имени А. А. Манштейн-Ширинской, Арт Волхонка, 2018. 343 с. : ил.

Н. Л. Крылова

ЖЕНЩИНЫ РУССКОЙ ЭСКАДРЫ

Рис. 1. Н. Л. Крылова

Исследователями, публицистами, журналистами, изучающими вехи русского присутствия на Африканском континенте, в том числе тунисскую эпопею Русской Императорской Черноморской эскадры, довольно отчётливо выписана, так сказать, «мужская» история.

Оно и понятно: за рубежи революционной России уходила русская армия в лице монархически настроенного офицерства, а также солдат, участвовавших в гражданской войне с большевиками, оставивших родину после поражения белого движения. За частями белой армии следовал мирный эмиграционный обоз: среди эмигрантов было немало представителей инженерного, медицинского корпусов, религиозных, философских, литературно-художественных кругов — словом, контингенты образованной российской буржуазии, дворянства, интеллигенции, также по преимуществу представленной в описываемую эпоху исхода из России мужской частью населения страны.

В то же время массив русских женщин — жён, дочерей, матерей, сестёр соотечественников, покидавших родину в одиночку или вместе со своими семьями, скромно расположился за исследовательскими скобками. На самом деле их место в жизни русской общины, роль в процессе адаптации к новой — чужбинной — среде весьма значительны и заслуживают отнюдь не меньшего исследовательского внимания, уже хотя бы потому, что в составе эмигрантского корпуса эскадры было 512 женщин и 205 детей⁶⁴.

В своих интервью Анастасия Александровна Манштейн-Ширинская, другие участники и очевидцы событий тех лет воссоздают яркую портретную галерею женщин-эмигранток, самых разных по характеру и темпераменту — уравновешенных и энергичных, широко образованных, деловых и предприимчивых, умных, тонких, нравственно и душевно чутких и эпатажно колоритных — чей труд, чьё порой незаметное, порой броское, яркое, но зачастую незаменимое присутствие в условиях эмиграции создавало определённую атмосферу комфорта, уюта, человеческого тепла — состояний, столь необходимых для выживания — физического и нравственного.

Информанты, с которыми мне довелось встречаться и беседовать, сохранили в памяти множество примеров их самореализации: женщины-врачи, сёстры милосердия, жёны, разделяющие с мужьями тяготы сельскохозяйственных работ, вдовы и дочери, принимавшие на себя управление магазинами, фермами и плантациями, преподавательницы беженских школ и гимназий, писательницы, поэтессы, певицы, музыкантши, хранительницы православных храмов и русских кладбищ. Но прежде всего — жёны и матери, самоотверженно пытавшиеся в непростых условиях жизни на чужбине исполнять многообразные роли хранительниц семейного очага, подруги, мужественно и терпеливо поддерживающие духовную и физическую жизнестойкость мужчин-изгнанников, собственными руками, «из палочек и тряпочек создающие уют и красоту»⁶⁵. Конечно, о некоторых из них уже известно из работ самой Анастасии Александровны, из исследований по русской эмиграции

---

⁶⁴ Подробнее см.: Люди русской Эскадры. М., 2015. Сост. А. В. Плотто; Habib Kazdaghli. La communauté russi de Tunisie (1920-1956)//Rawafi: revue universitaire de Tunis. 1997. №3; Русская колония в Тунисе. 1920–2000. Сост. А. В. Махров. М., 2008. С. 18.

⁶⁵ *Ширинская Анастасия*. Бизерта. Последняя стоянка. СПб., 2003. С. 193. Здесь и далее цитаты приводятся по этому изданию.

в Тунисе⁶⁶. Но в большинстве этих работ женщины эскадры аккуратно перечислены, описаны и текстуально упакованы в соответствии с избранным ракурсом изучения исторической действительности. Но, как заметил один из исследователей-историков, «без страсти и субъективизма история невозможна и была бы, вероятно, скучна, как пасмурный день».

Приводимые ниже портретные зарисовки нескольких, уже знакомых нам по предыдущим исследованиям, женщин эскадры, благодаря удивительным свойствам «эмпирики памяти» выглядят здесь более реалистичными, поскольку выполнены в формате взаимосвязи между опытом жизни этих женщин и их ментальностями. Именно этот ракурс позволяет вынести на поверхность те нюансы и штрихи действительности, которые были «погребены» под мужскими версиями тех же событий. Здесь они — яркие, колоритные вкрапления социальной памяти эмигрантской повседневности и одновременно живое воплощение пафоса обыденной жизни.

Александра Сергеевна Нарышкина-Иловайская. *«Она родилась, может быть, году в 1850-м. И у них были две гувернантки, у Нарышкиных. Александра Сергеевна говорила: “Мы были бедные Нарышкины, англичанку не могли иметь...” Были немка и французженка. И французженка всё-таки несла в себе ещё XVIII век. И она ещё говорила таким придворным французским языком XVIII столетия... И вот, знаете, она служила прислугой во французских семьях, которые заслушивались её французским языком. Только у неё русский был такой же, как французский. А дальше была простота. И она не могла что-то из себя тонко изобразить... И придёшь к ней, если она сердилась — прямо анафема!.. Знаете, какой был культурный уровень у Нарышкиной! На приёмах у французов здесь, в Бизерте, она, с очень русским лицом, бедно одетая, могла, например, вытащить из аперитива у всех на глазах фрукты пальцами, заметив при этом, что для этого не была подана специальная ложка... Но когда она начинала говорить по-французски, все понимали, что это — образец высочайшей культуры XIX века, её изысканным французским языком заслушивались сами французы... <...> Я часто вспоминала Александру Сергеевну Иловайскую, которая никогда никому не говорила, что она урождённая Нарышкина. И когда французженка, у которой она прибирала в доме, однажды спросила: «Мадам, а какой титул был*

---

⁶⁶ Панова М. А. Русские в Тунисе. Судьба эмиграции «первой волны». М., 2008; «Автографы Бизерты. Дневники. Воспоминания. Размышления». М., 2012; Русская колония в Тунисе. 1920–2000; А. Хренков. Русская диаспора // «Азия и Африка сегодня». № 7. 1997. и др.

у Нарышкиных?» — она очень спокойно ответила: «Нарышкиным титула не надо!» (Из интервью с А. А. Манштейн-Ширинской, Бизерта, осень 2006 г.)

Мария Аполлоновна Кульстрем и Евгения Сергеевна Плотто-Иловайская. Имена этих женщин в контексте бизертского эмигрантского присутствия неразделимы. Мать (точнее, мачеха) и дочь, сполна испившие муки чужбинного бытия, одинокие по существу женщины, всеми силами, которые они черпали в исходной культуре, сохраняли фамильное достоинство и благородство своих натур в глухом эмигрантском безвременье.

«Мать Евгении Сергеевны Плотто-Иловайской, Мария Аполлоновна Кульстрем, жена градоначальника Севастополя, она принимала Государя Императора, который назвал её Марией Аполлоновной — запомнил! Это в семье было известно. Так Мария Аполлоновна очень просто ходила во французские семьи. Она сидела, штопала их белье, а когда надо было садиться за стол завтракать или обедать, они её как почетную гостью сажали, понимаете? Отношение было уважительное. Я думаю, что неуважения никто бы не потерпел». (Из интервью с А. А. Манштейн-Ширинской, Бизерта, осень 2006 г.).

Рис. 2. М. А. Кульстрем, Бизерта, 1928 г.

В опубликованных воспоминаниях А. А. Манштейн-Ширинской Мария Аполлоновна — женщина, всегда очень строго одетая, «чёрная бархотка вокруг шеи, очень точная, она усаживалась перед работой, не теряя ни минуты. Она пользовалась у всех большим уважением»⁶⁷.

В своём интервью её внук, Александр Владимирович Плотто, описывая её сильный характер, глубокую религиозность и любовь к русскому языку бабушки, также создаёт выразительный образ одной из выдающихся женщин эскадры: *«Бабушка очень внимательно следила за собой и держалась очень достойно. И это тем более было важно, что в свои годы она ходила у всяких частных людей или в гостинице гладила бельё, штопала носки, занималась другим рукоделием... У неё своё время было отведено — каждая неделя у таких-то и таких-то (великолепно помню, у неё были хорошие клиенты. И среди них был морской префект в Бизерте, адмирал французский...)». Дома мы говорили по-французски. Но моя бабушка обращалась со мной по-русски, конечно... Церковь для меня была обязательна, потому что моя бабушка была очень церковная. Она и работала для церкви. Например, она убирала церковь, варила обеды о. Ионикю, который жил одиноко и нужно его питать было. Бабушка была очень занята, но всё-таки везде попевала...*

Она была очень авторитетна. Но всегда хотела держать своё достоинство. Должна была поддерживать «свой ранг» во всех отношениях. И хотя у неё уже был возраст, она была ещё очень привле-

Рис. 3. М. А. Поликарпова, 1939 г.

⁶⁷ «Бизерга. Последняя стоянка». С. 237.

кательная, и у неё был поклонник — французский капитан, который обязательно хотел жениться на ней, понимаете? Но она не соглашалась, значит, её муж для неё остался богом навсегда...» (Из интервью с А. В. Плотто, Фонтене су Буа, весна 2012 г.).

Рис. 4. А. В. Плотто, М. А. Поликарпова и другие, 1946 г.

Евгения Сергеевна Плотто-Иловыйская. *«Худенькая, маленькая старушка с очень правильными чертами лица и большими, выразительными, когда-то голубыми глазами. Глядя на неё, с легкостью можно было представить, как красива она была в молодости.... Даже в этом возрасте она была очень энергична».* Так рисуют в своих воспоминаниях образ Евгении Сергеевны Плотто Анастасия Александровна и Лариса Богданова, врач-контрактант, много лет работающая в Бизерте. В памяти её сына, Александра Владимировича Плотто, мама также — постоянно занятая женщина, на руках которой двое детей, которых она растит без мужа и которых нужно достойно — по меркам эмигрантской жизни — содержать и образовывать.

«Когда я был мальчиком, я днём был в школе, и когда я приходил домой, мама, которая давала уроки пианино, уже убежала и бегала по частным урокам. Так что фактически мы мало встречались, она даже не успевала меня увидеть, только иногда я находил записочку — что-то на ужин... Тем более, у неё затруднения были: моя сестра всё время болела, и нужны были, конечно, и лекарства, и потом посылали её в какой-то санаторий, так что, конечно, забот у неё было очень много... Даже по воскресениям и субботам мама подрабатывала и, наверное, соглашалась ещё что-то делать: продавать цветы в одном

месте, тоже стеречь каких-то младенцев, когда люди уходили. Зарабатывать нужно было всё время, всё время работать! А когда она приходила домой, надо было нами заниматься». (Из интервью с А. В. Плотто, Фонтене су Буа, весна 2012 г.)

Жили скромно, принимали гостей редко. Но уж если эти приёмы случались, то, как вспоминает Анастасия Александровна, сюда попасть было сложно: хозяйка принимала только близких друзей. *«Это был своеобразный местный русский бомонд: супруга севастопольского градоначальника, она в своё время принимала самого Императора Николая II... Теперь она принимала нас всё с тем же желанием угодить приглашённым... Когда шли к бабушке Плотто, было известно, что только друзья будут, квартирка маленькая, но будет прекрасно испечённый торт и всё это будет очень тонко...»* (Из интервью с А. А. Манштейн-Ширинской, Бизерта, весна 2007 г.).

«Значит, бабушка тянула меня в церковь, а мать толкала в музыку. Для меня музыкальное образование и церковное пение в семье счастливо соединились. И моя русскость во многом была сохранена благодаря бабушке и церковному хоровому пению...». (Из интервью с А. В. Плотто, Фонтене су Буа, весна 2012 г.)

«Что такое для меня настоящая культура? Что такое для меня пыль, про которую говорят: у Евгении Сергеевны на пианино стояли какие-то тарелочки с едой для собак, для кошек, коты там лазили... И при этом могла Вам прочитать наизусть Расина, могла прочитать Дидро». (Из интервью с А. А. Манштейн-Ширинской, Бизерта, осень 2006 г.)

Эту пару застали в Бизерте и хорошо помнили представительницы нового поколения. (Из воспоминаний Зинаиды Г., советского врача-контрактанта, Бизерта, весна 2007 г.), *«Когда я её в первый раз увидела — это было в первые дни моей жизни в Бизерте — я шла на работу и вижу: навстречу мне на велосипеде едет высокая, худощавая старуха, седой волос, такой густой, так на ветру развеивается во все стороны. Я остановилась, как замороженная: Боже, откуда здесь такая женщина? Это была какая-то магическая фигура! Я даже разволновалась: кто это может быть здесь такой? Ну а потом Анастасия Александровна мне рассказала, что это — мадам Иловайская, что она окончила институт благородных девиц, она рассказала мне, как Евгения Сергеевна поступила благородно со своим мужем, оставшись здесь одна со своими детьми, и что она играла в кинотеатре на фортепиано, чтобы прокормить детей, поднять и выучить, сколько она на себе всего этого потянула. И в то время она меня ей и представила...»*

Анастасия Александровна в общем-то если что и говорила, то очень осторожно и деликатно о Советском Союзе, обо всех суждениях на тот момент о нашем государстве. Мадам Иловайская же нет. Она была очень эмоциональна и резка, не могла сдержаться. Но при том, что она была агрессивна к стране, к режиму, она была приветлива и очень доброжелательна с нами. Вот это как-то даже не увязывалось... Вот на этом велосипеде — потом я её часто видела — такой и запомнила...»

Сестры Касаткины. О них тепло отзывалась в своих интервью А. А. Манштейн-Ширинская: «О Татьяне Степановне Ланге (урождённой мадемуазель Касаткиной) можно говорить без конца. Это была совершенно необычная, неординарная женщина. Очаровательная женщина. Женщина-энергия. Они с Александром Карловичем жили уже в Тунисе. И она нашла себя! Свою большую квартиру деятельная Татьяна Степановна превратила в шляпный салон, который стал вскоре очень модным в Тунисе. И уехала в Париж стажироваться у мадам Молотковой — тоже русской эмигрантки, модной в Париже шляпницы, которая начинала свою карьеру у Кристиана Диора. Вот вам ещё один пример правильно употреблённой энергии в нашей эмиграции...

У Татьяны Степановны была младшая сестра — **Полина Степановна Суходольская**, которая приехала в Тунис не с эскадрой, а из России в конце 20-х годов. Она была незаменима в русском приходе: кто-то заболел, другой умер, третьего нужно устроить в дом престарелых во Франции... Благодаря ей многие русские получили хоть маленькое, но пособие (на папирсы и транспорт). Люди с её помощью получали документы от представителей ООН». Со временем Полина Степановна передала контроль за церковными делами Ирине Викторовне Мартино-Алардт.

Вера Евгеньевна Зелёная. «Один из образов женщин Бизерты, который мне больше всего запомнился — вот, эта Вера Евгеньевна Зелёная. Потому что её жизнь была очень тяжёлая. Она была одинокая. Мы довольно часто к ней ходили детьми. Она жила в какой-то мансарде, где муниципалитет и галантерейный магазин, где служила кассиршей Ольга Рудольфовна Гутан. Как она оказалась на эскадре, я не знаю. Знаю, что она очень много любила рассказывать о своей молодости, потому что она училась в Италии, она очень любила пение бельканто, и она была регентом в церковном хоре. И, значит, как она жила? Она продавала бисквиты, которые изготавливали в Тунисии, и она была посредником. У неё были клиенты, которые систематически к ней обращались. А она с трудом ходила, ковляла,

понимаете? И на неё смотреть было прямо больно, потому что она со своими этими кошёлками, которые полные бисквитов, понимаете, ковыляла через всю Бизерту, чтобы раздавать эти бисквиты во всякие места...

И всё же самое главное — что, несмотря на такие затруднения в жизни, она очень усердно и много работала, чтобы держать этот хор достойно. В этом хоре главным образом пели мадам Бирюлева, мадам Купреева. Было, кажется, четыре-пять человек в хоре. Но она старалась выбирать такие очень эффектные песнопения. Светский хор она не организовывала. Только церковный. <...> А днём её можно было встретить на улицах Бизерты, где она, сгорбленная под тяжестью корзинок, набитых «русским печением», продавала его, разнося по клиентам». (Из интервью с А. В. Плотто, Фонтене су Буа, весна 2016 г.).

Одна из наиболее известных женских фигур — врач **Людмила Сергеевна Монастырёва**, жена командира подлодки «Утка», редактора первого русского зарубежного журнала «Морской сборник» Н. А. Монастырёва. Все годы эмиграции она занималась профессиональной деятельностью. После ликвидации эскадры в конце 1924 года, в рамках программы помощи русским беженцам, Л. С. Монастырёва получила предложенную французской администрацией работу в госпитале для местного населения в г. Монастир.

Рис. 5. Л. С. Монастырёва

Позже, в г. Табарка, Л. С. Монастырёва стала главным врачом местного госпиталя, обслуживавшего коренное население. Она продолжала свою деятельность и в региональном госпитале, и в открытой ею поликлинике. Врачебная деятельность Л. С. Монастырёвой была отмечена медалью «Медай Эпидеми» и Академической медалью — достойным признанием её заслуг на медицинском поприще.

«Зубодралки» Серафима Ивановна Запольская, Елена Николаевна Хомиченко и их семьи. *«Они обе хорошо зарабатывали. Других врачей зубных здесь не было, потом приехал один мужчина, а это были женщины, к которым арабы присылали своих женщин на лечение. К мужчине они, может быть, и не послали бы их. Это плюс в их пользу. <...> Сам Запольский попал в Бизерту с эскадрой в 1920 году вместе с Морским корпусом. И он был, так сказать, наставником, работал с кадетами Морского корпуса, а его жена, Серафима Ивановна — была «зубодралка».* (Из интервью с А. А. Манштейн-Ширинской, Бизерта, весна 2007 г.).

Елена Николаевна Хомиченко — приёмная дочь инженера-механика генерал-лейтенанта Попова Владимира Николаевича, занимавшего должность главного механика Севастопольского порта, прибывшего в Бизерту с эскадрой. *«Она была такая мягкая, эта Леночка, я предпочитала идти к Леночке, чем к Запольской, потому что Запольская никаких уговоров не слушалась. Но Запольская была безупречно чистая, всё было вымыто, как надо, а у Леночки... Чего только в этом кабинете не было! И пыль, конечно. Но люди предпочитали идти — и я первая — к Леночке: такое уж зубное дело, понимаете...».* (Из интервью с А. А. Манштейн-Ширинской, Бизерта, весна 2007 г.).

Другие женские портреты. У Анастасии Александровны у Александра Владимировича Плотто, Татьяны Борисовны Флоровой-Маретт сохранились воспоминания и о других женщинах Эскадры. Это очень натуралистично исполненные женские образы, некоторые из которых я за неимением возможности просто упомяну в общем контексте женского присутствия в Тунисе.

С исполнения в 1921 году **мадам Бестержитской** «Осенней песни» П. И. Чайковского началась жизнь Русского музыкального центра. Его сменил Русский клуб с его знаменитыми субботними вечерами. Русские пели и публично исполняли инструментальную музыку не только в Тунисе. Они давали свои выступления и в итальянском культурном центре Данте Алигьери, что, несомненно, служило укреплением отношений с местным итальянским населением. *«Но всё же надо было иметь для этого артистические*

способности. Вот мадам **Плотто Евгения** и мадам **Калинович** тоже, они были очень музыкальными, и зарабатывали на жизнь уроками пианино и также играя в кинематографе по вечерам. **Ирина Степановна Мартино** пела по-итальянски в местной опере и русские романсы прекрасно исполняла, когда собирались в Русском клубе...». (Из интервью с А. А. Манштейн-Ширинской, Бизерта, весна 2007 г.).

Многим соотечественникам в Африке хорошо было известно чувство печали, страха быть забытыми Родиной, с мучительной болью переданное в стихотворениях Ирины Кнорринг, одной из самых талантливых поэтесс эмигрантской поры. С ней Анастасия Александровна не была знакома. Та публиковала сборники своих стихов уже во Франции, куда они с отцом, Николаем Николаевичем Кноррингом, филологом, выпускником Московского университета, переехали из Туниса в 1925 году. До этого он преподавал историю в Морском корпусе, где Ирина начала свой творческий поэтический путь. И, конечно, Анастасия Александровна знала её стихи. В одном из своих интервью она упоминает о поэтессе с присущим ей тонким чутьём к человеческим страданиям: *«Не знаю, но у Ирины Кнорринг жизнь как-то не так сложилась. Возьмите хотя бы это её стихотворение, где у неё было страшное какое-то разочарование:*

*Можно все условности стереть,
За своё принять чужое имя,
Вместе жить и вместе умереть
И остаться всё-таки чужими.*

Ирина Николаевна, действительно, была не очень здоровым человеком, тяжёлый диабет унес её из жизни 37-ми лет от роду. Ту, которую её отец называл «певцом своих переживаний». (Из интервью с А. А. Манштейн-Ширинской, Бизерта, весна 2008 г.).

В русском эмигрантском сообществе, собравшемся в Тунисе, волею судеб оказывались и те, кто профессионально занимался искусством, и, гастролируя по свету, вынужденно оседал в этой стране. Среди них особенно была известна **Мария Владимировна Флорова-Дебольская**, балерина, танцевавшая до своей эмиграции в Мариинском театре. Вместе со своим постоянным партнёром, а позже и мужем, Владимиром Христофоровичем Футлиным Мария Владимировна открыла в начале 20-х годов балетную школу в Тунисе, которая просуществовала здесь без малого 40 лет.

О них, познакомивших тунисцев с культурой и традициями русского балета, упоминают многие исследователи. Но наиболее полное повествование предоставила внучатая племянница Марии Флоровой-Дебольской, Татьяна Борисовна Флорова-Маретт, жившая в Париже и сохранившая в своём домашнем архиве некоторые документы, связанные с личностью знаменитой родственницы: *«О своей жизни они (Дебольская и Футлин — Н. К.) сами очень мало рассказывали, известная информация о них какая-то скудная, стандартная... Их посылают в турне. Это было уже в 20-м году. И вот они уезжают в Америку, в Канны, в Милан, в лучшие театры мира — труппа Большого и Мариинского. А тут 1924 год! Закрываются границы, и возврат в Россию невозможен! Они продолжают ездить, у них контракты, они выступают в парижских театрах, заняты в разных балетах, на фестивалях... Потом начинается уже худовато, заработок утекает: турне — турне, а денег уже нет... И они начинают давать уроки балета. До этого они всё время были в Алжире. Там русские были, и они сблизилась, и затем основывают в Алжире балетную школу и ещё выступают, когда есть контракты, но годы идут... В Тунис они попали в 1929 году, и скоро их школа стала очень популярна. Учили танцам и европейцев, и местных детей».* (Из интервью Т. Б. Флоровой-Маретт, Париж, осень 2001 г.). О дуэте Дебольской и Футлина вспоминает и младшая дочь А. А. Манштейн-Ширинской, Татьяна: *«В конце каждого учебного года устраивался отчётный спектакль в столичном театре, и это было заметным местным событием».* (Из интервью с Татьяной Ширинской-Аболен, Бизерта, осень 2007 г.).

* * *

Завершить этот небольшой гендерный экскурс в эмигрантское прошлое хотелось бы словами Анастасии Александровны: *«Можно ли сказать, что среди русских женщин общины были выдающиеся женщины? Выдающиеся — видимо, все, смотря, какие глаза на неё смотрят, какие критерии предъявляются. Каждый день совершался подвиг. Как у Чехова доктор Дымов в его «Попрыгунье».* (Из интервью с А. А. Манштейн-Ширинской, Бизерта, весна 2008 г.). И ещё это — настоящий гимн нескончаемому женскому терпению на долгом и драматичном эмигрантском пути, ода духовному богатству, гражданскому достоинству и глубокой православной культуре большинства русских эмигранток, молодых и старых, вышвырнутых революцией к чужим берегам.

К. Э. Кузнецова

УНЕСЁННЫЕ БУРЕЙ С РОДНЫХ БЕРЕГОВ

Рис. 1. К. Э. Кузнецова

На заседаниях клуба «Бизерта» К. Э. Кузнецова выступала с сообщениями о судьбах в эмиграции своих родственников — Тирнштейнов, о людях, связанных с ними родством, а также о тех, кто внёс значительный вклад в культуру и науку стран, приютивших их — Тунизия (Тунис), Алжир и Франция.

Старшие братья моего родного деда Фёдора — Тирнштейны Константин и Николай Робертовичи — с семьями оказались в эмиграции в Константинополе в середине февраля 1920 года как пассажиры танкера «Баку». Эпопея увода недостроенного танкера «Баку» на буксире в конце января 1920 г. из Николаева в Одессу с пассажирами (около 500 чел.) довольно известна. Неизвестны подробности. В частности, после спешного увода «Баку» на буксире английским крейсером «Церес» на причале в Одессе остались несколько человек. Среди них — 12-летний сын Николая Робертовича Тирнштейна — Павлик... К счастью, через год в Константинополе усилиями «Красного Креста» он был воссоединён с родителями. Пассажиры уведённого англичанами танкера

«Баку» были высажены на о. Халки (Принцевы о-ва в Мраморном море) вблизи Константинополя. Это были первые эмигранты из России. Так началась их «Одиссея»...

Прах обоих братьев моего деда Фёдора Робертовича — Константина и Николая — покоится на кладбище Боржель г. Туниса, а их потомков — на кладбищах городов Франции и США.

Старший из братьев — Константин Робертович Тирнштейн (10.09.1869, Николаевск-на-Амуре — 10.11.1942, Тунис), капитан 1-го ранга, инженер-механик, на 1 января 1922 года (в списке В. В. Лобыцына) — член Союзаморских офицеров в Константинополе (Халкинское отделение). Через год он с женой Юлией Дмитриевной и тремя дочерьми — Елизаветой, Екатериной и Татьяной — уже в Бизерте. Известно, что семья поселилась на линкоре «Георгий Победоносец». Константин Робертович заведует электроснабжением линкора. Дочери вышли замуж (Елизавета — за В. Г. Червинского, Екатерина — за С. С. Плешко) и покинули родителей, Татьяна жила отдельно, работая в клинике «Монфлери» медсестрой.

На 24 февраля 1925 года (по сообщению морского префекта Бизерты в Париж) *«на борту “Георгия Победоносца” находятся последние беженцы: 26 мужчин, 15 женщин и 10 детей»*. Среди них — супруги Константин Робертович и Юлия Дмитриевна Тирнштейн. В том же сообщении префекта указаны *«желаемые должности на берегу»* для мужчин. Мой двоюродный дед капитан 1-го ранга К. Р. Тирнштейн (как и генерал-майор Н. И. Лопатин) готов работать на берегу «старшим электромехаником». Увы, неизвестно: когда они с женой покинули Бизерту и переехали в г. Тунис, удалось ли найти работу; достоверно, что К. Р. Тирнштейн помогал в Русской библиотеке при церкви Воскресения Господня; и точная (по церковной книге) дата его смерти — 10 ноября 1942 года. К сожалению, почти во всех публикуемых справочниках повторяется другая дата, неправильная — дата кончины его брата Николая.

О судьбе в эмиграции среднего брата, Николая Робертовича, я знаю много больше благодаря переписке с его невесткой — женой сына Павла — Зинаидой Ивановной Тирнштейн (урождённой — Шадриной). Семья сохранила много документов о службе Николая Робертовича, которые теперь знакомы и мне. В доступных ныне читателям опубликованных книгах по теме эмиграции сведений о Николае Робертовиче Тирнштейне нет, кроме краткой информации в сборнике К. В. Махрова «Русская колония в Тунисе, 1920–2000», М., «Русский путь», 2008 г.

Николай Робертович Тирнштейн (12.09.1872, Николаевск-на-Амуре — 18.03.1938, Тунис), капитан 58-го пехотного Прагского полка, участник двух войн (Русско-японской и Первой мировой), награждён 5 орденами (в т. ч. орденом Св. Анны 4 степени, с надписью «За храбрость»). В мае 1915 года в Галиции, командуя батальоном, попал в австрийский плен. В Николаев вернулся осенью 1918 года. В январе 1920 года принял предложение брата Константина (а мой дед Фёдор — отказался) покинуть бурливший от смут и череды смены власти Николаев и ступил на борт танкера «Баку» с женой, дочерью и младшим сыном. Двое старших — 16 и 14 лет — остались в Одесском кадетском корпусе, и судьба их стала известна моей семье после 2013 года.

В выданном Н. Р. Тирнштейну **членском билете Союза русских инвалидов № 887 (Константинополь, 19 сентября 1921 г.)** записано: «*потеря трудоспособности — 55 %*». Среди других документов, сохранных в семье — **паспорта**, дающие право выезда в Европу, они датированы январём и февралём 1921 года, чётко карандашом написано: «**о. Халки**». И Николай Робертович принял решение уехать с семьёй в Болгарию в поисках работы. На некоторое время они задержались в Пловдиве, а потом отправились в Бизерту «*к брату Константину*». Сын Николая Робертовича «*Павлик учился в школе на “Георгии Победоносце” вместе со мной*», — так написала мне Анастасия Александровна Ширинская-Манштейн. И именно она помогла мне тогда — в начале 1990-х годов — найти родных в далёкой Ницце.

В 1938 году после кончины в г. Тунисе Николая Робертовича его семья — вдова Мария Ивановна, дочь Татьяна с мужем и сын Павел с женой Зинаидой Ивановной — обосновалась на юге Франции, в Ницце. С Зинаидой Ивановной Тирнштейн у нас установилась настоящая добрая и откровенная переписка. Она познакомилась с моим докладом о Тирнштейнах, а мой семейный архив пополнился копиями многих документов, касающихся службы отца её мужа — Николая Робертовича, и несколькими фотографиями. В результате мы обоюдно открыли для себя многие страницы жизни семьи. Немало интересного она сообщила и о своём музыкально одарённом отце.

Иван Михайлович Шадрин (1878–1970) — музыкант, композитор, дирижёр военного оркестра Русской эскадры в Бизерте. Выпускник С.-Петербургской консерватории в 1898 году получил «Диплом на звание свободного художника» (по классу гобоя и военной инструментовки). И в том же году начал свою самостоятельную

жизнь: армия — военный капельмейстер, семья, Императорская придворная капелла (с 1906 г., Петербург). Участвовал в Первой мировой войне, 1918 год — возвращение в Государственную певческую капеллу. «Одиссея» во время революции и гражданской войны: Новгород — Одесса — Новороссийск. Жену с детьми отправил в эвакуацию на английском корабле (в Египет), позже сам с младшей дочерью Зиной ушёл из Крыма на крейсере «Генерал Корнилов» в Бизерту, где и организовал военный оркестр. Семье удалось соединиться благодаря Красному Кресту в Бизерте.

Активная творческая жизнь Ивана Михайловича Шадрина началась в Тунисе с должности флаг-офицера при командующем Русской эскадрой адмирале М. А. Беренсе. Духовой оркестр, созданный им при штабе командующего, выступал по четвергам на борту линкора «Георгий Победоносец», по воскресеньям — в сквере Бизерты, на французских праздниках, и летом — в кафе и кино-театрах. Эти концерты неизменно вызывали изумление и восторг (не искушённым подобным) публики. Шадрин создал Русский хор, Русскую капеллу в Тунисе, столь необходимую соотечественникам; гастролировал по стране, преподавал в частной гимназии, давал частные уроки... И. М. Шадрин был не только музыкально одарённым и образованным человеком, он был внимателен к жизни и к людям и оставил свои подробные описания событий жизни и людских взаимоотношений того сложного времени. 27-летняя насыщенная творческая жизнь И. М. Шадрина на земле Северной Африки (Тунис — Алжир — Марокко) закончилась переездом в 1947 году во Францию. *«В 1948 г. в зале Русского Музыкального Общества (Русская консерватория) в Париже состоялся музыкальный вечер в честь 50-летия творческой и исполнительской деятельности И. М. Шадрина, на котором он исполнял собственные произведения на рояле. Его концерты прошли в Париже, Тулоне, Сен-Рафаэле; он читал доклады, выступал с лекциями о музыке»* (сборник К. В. Махрова). Активная исполнительская, преподавательская и просветительская деятельность Ивана Михайловича Шадрина была по достоинству высоко отмечена тремя иностранными орденами: дважды — тунисским «Орденом Почёта» и французским — «Академические лавры». Последние годы супруги Шадрины — Иван Михайлович и Матильда Степановна (1880–1969) провели в старческом доме (так принято в Европе) в Сен-Рафаэле, где отметили в 1961 г. 60-летие своей супружеской жизни — по большому счёту — счастливой (несмотря на великие трудности и испытания). Иван Михайлович и там, до конца, не

прерывал своей подвижнической деятельности — создавал хоры, выступал с лекциями.

Младшая дочь, Зинаида Ивановна Тирнштейн (1913–2012), свято хранила *«много ветхих бумаг (своего свёкра, Николая Робертовича, и отца), которые никому не нужны»*. Назвала мне в письмах некоторые из них, в том числе — *«Одиссея Русской эскадры... из Крыма в Бизерту»*, рукописи нот отца. Занимаясь много лет в Российском государственном архиве ВМФ нашей страны, я понимала значимость *«Одиссеи...»* для нашей Истории и позволила себе предложить Зинаиде Ивановне подарить или продать рукописи РГАВМФ. Это был бы бесценный подарок!.. Но Зинаида Ивановна никак не отреагировала на моё предложение. Как мне стало известно, здоровье её резко ухудшилось, и она была определена в старческий дом под Ниццей. К сожалению, переписка наша прервалась в конце 1998 года. Предполагаю, что дочь Анна (приёмная) не желала её продолжать, но, судя по сборнику К. В. Махрова, в котором полно рассказано об И. М. Шадрине и опубликованы две его работы, дочь выполнила обещание *«всё сохранить»*, данное матери. Кстати, мой *«Доклад о Тирнштейнах»*, переведённый с русского языка специально для неё во Франции, Анна прочла по-французски (не отреагировав).

В 2010 году, работая над темой в Государственном историческом архиве Петербурга с фондом Консерватории, я встретила интересный документ 1930 года.

13 мая 1930 года Иван Михайлович Шадрин из г. Туниса написал письмо директору Ленинградской консерватории с просьбой выслать ему копию с его *«Диплома на звание свободного художника»* (по классу гобоя и военной инструментовки). *«Этот Диплом здесь мне крайне необходим для занятия должности по моей специальности»*. И копия *«Диплома Императорского Русского Музыкального общества С.-Петербургской Консерватории от 1 сентября 1898 года»* была ему выслана 28 мая 1930 года. Это ли не отличный пример человеческого взаимопонимания?

Не сомневаюсь, что имя Ивана Михайловича Шадрина — замечательного русского музыканта, композитора и дирижёра, истинного русского патриота — займёт достойное место в памяти тех, кто интересуется и дорожит историей своей Родины.

Я продолжала попытки изучать судьбы Тирнштейнов в эмиграции. В сборнике К. В. Махрова интерес вызвала следующая строчка в биографии А. К. Шнеура, за которого, овдовев в 1942 году, вышла замуж Елизавета Константиновна (в девичестве — Тирнштейн):

«Шнеур А. К. (1884–?) коллекционировал бабочек... коллекция занимала всю комнату...» Заинтересованность привела меня в начале 2017 года в наш Зоологический музей, в Лабораторию насекомых, где имя «Шнеур А. К.» оказалось неизвестным. Но научный сотрудник С. Ю. Синёв проявил интерес и предпринял свой поиск, увенчавшийся успехом. И через некоторое время он передал мне несколько листов с интереснейшей научной информацией о трёх русских эмигрантах, имена которых в XX веке вошли в анналы науки мира за их вклад в исследование флоры и фауны Северной Африки и пустыни Сахары. Это: Шнеур Александр Константинович, его соавтор Шпаковский Николай Михайлович, друг и коллега Шумович Владимир Антонович.

Шнеур Александр Константинович (1884, СПб. — 1977, Сан-Франциско) — полковник Генерального штаба. После революции в рядах Добровольческой армии был направлен на Кавказ (в Армению). Кроме службы в Российской армии, состоял в рядах Французской армии (добровольцем). Эвакуация, лагерь Галлиполи в Турции, Болгария, Франция (Лион), Тунис (с 1929 г.) — как сотрудник Французского географического департамента. Работал землемером для Департамента дорог и мостов, картографом; жил в Тунисе до обретения им независимости, в 1956 году эмигрировал в США. Был награждён 6 орденами (в России).

Однако не ратный труд увековечил его имя для потомков. А. К. Шнеур — энтомолог и герпетолог, имя которого — в названиях многих бабочек и змей... Оказавшись в Тунисе в 1929 году, Александр Константинович сумел в полной мере реализовать свой давний, с юности, интерес к макро- и микролепидоптерам (бабочкам), особенно его увлекала их зоогеография. Он стал заядлым лепидоптерологом и герпетологом. С начала 1930-х годов начал собирать бабочек Туниса, по мере пополнения коллекции, её систематизации и исследования публиковал научные статьи во французских и немецких научных журналах. Переехав в 1956 году в США, представил свою коллекцию в Нью-Йоркский Музей естественной истории (803 экз.), проверяя верность своего определения бабочек. В 1961 году опубликовал на французском языке резюме своих трудов по бабочкам Туниса — «26-летняя работа лепидоптеролога в Тунисе» (с 1930 по 1956 гг.). В общей сложности им опубликована 21 научная статья на французском и немецком языках; коллекция бабочек А. К. Шнеура находится в настоящее время в Калифорнийской Академии наук, а сам автор был членом Французского и Американского энтомологических обществ.

Александр Константинович активно интересовался герпето-фауной Туниса и был соавтором Николая Михайловича Шпаковского по работе «Змеи Туниса» (1954).

Другом и коллегой Шнеура был ещё один талантливый русский, интересы которого выходили далеко за пределы его профессии офицера-радиотелеграфиста на флоте — Владимир Антонович Шумович (1897–1960). В сферу его интересов входили: орнитология и змеи, археология периода палеолита и неолита, флора и фауна юга Туниса на границе с Сахарой. Из множества собранных артефактов (выражаясь современным языком), выдающийся русский натуралист В. А. Шумович на юге Туниса открыл Музей естественных наук.

Сегодня имена наших соотечественников, вынужденно покинувших Родину, достойно занимают своё место в истории мирового сообщества!

МОРСКАЯ ПАРУСНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В ТУНИС ПО СЛЕДАМ РУССКОЙ ЭСКАДРЫ

Опыт проведения историко-культурной и образовательной парусной экспедиции московских школьников по маршруту следования Русской эскадры в Бизерту и встреча с Легендой Русской Африки

Тунис и Бизерта, в частности, в XX веке стали особым памятным местом для российского флота. Так, осенью 1908 года в Бизерту заходили четыре балтийских корабля (линейные корабли «Цесаревич» и «Слава», крейсера «Богатырь» и «Адмирал Макаров»), выполнявшие учебное плавание под командованием контр-адмирала В. И. Литвинова. В Бизерте корабли отряда отрабатывали подготовительные упражнения, предшествующие практическим и боевым стрельбам. В декабре 1908 года моряки этих кораблей оказали помощь жителям итальянской Мессины, подвергшейся разрушительному землетрясению. Впоследствии русские и советские корабли многократно заходили в тунисские порты. Мне в первый раз довелось быть в Тунисе в 1981 году во время штурманского похода вокруг Европы из Севастополя в Кронштадт на учебном корабле «Перекоп». До Туниса мы шли практически тем же маршрутом, который за 61 год до нас проделала эскадра кораблей Черноморского флота.

Бурные революционные события начала XX века способствовали тому, что далёкая североафриканская страна Тунис и располагающийся там порт и военно-морская база Бизерта стали символом Российского Императорского флота. Ведь именно туда осенью 1920 года ушли корабли эскадры барона Врангеля. И хотя кораблей там уже давно нет, они были переданы Франции и в конечном итоге ушли на переплавку, но память о тех событиях вернулась в Россию. Во многом это случилось благодаря подвижнической деятельности отдельных участников исхода. Хранителями живой памяти и нашего исторического наследия стали командир подводной лодки «Утка» капитан 2-го ранга Нестор Монастырёв, издававший в Бизерте журнал «Морской сборник» и дочь русского офицера Анастасия Ширинская-Манштейн, скончавшаяся в 2009 году на 97-м году жизни.

Русскими эмигрантами в Тунисе были построены храмы (в Бизерте в 1938 году был освящён в честь святого благоверного великого князя Александра Невского, и в столице Туниса, городе Тунисе, храм построен в 1956 году в память Воскресения Христова), которые стали хранителями морских и духовных реликвий Русской эскадры. Здесь же имеются захоронения русских моряков в Бизерте и столице государства — Тунисе, которые благодаря стараниям ряда энтузиастов и Посольства РФ в Тунисе в целом приведены в порядок. Хотя ещё имеется целый ряд заброшенных и неухоженных могил. В заброшенном состоянии сейчас находится и дом подводника Нестора Монастырёва в Табарке. Часть архива после его смерти была разворована, часть перешла на хранение к Анастасии Ширинской — последней представительнице Русской эскадры в Тунисе.

Однако в 1981 году мы не знали, что в Тунисе доживают свой век наши соотечественники — вдовы и дети офицеров Русской эскадры. Тогда в Тунисе ещё была жива вдова капитана 2-го ранга Вадима Андреевича Бирилёва, племянника адмирала Бирилёва (впоследствии Морского министра), который посетил Бизерту ещё в июне 1900 года на броненосце «Александр Второй» в сопровождении миноносца «Абрек». Она была одной из немногих последних живших в Тунисе наших соотечественников. Умерла практически в одиночестве в 1983 году. Для них Бизерта была продолжением Севастополя — города славы русских моряков. В то же время для отдельных советских руководителей эта североафриканская страна воспринималась по-иному. Перед дальним штурманским походом, планом которого был предусмотрен заход в Тунис, один из начальников (капитан 1-го ранга А. Караваев) во время инструктажа следующим образом напутствовал офицеров и курсантов военноморского училища: «В Тунисе много экстремистских сионистских эмигрантских организаций мусульманского толка...» Но даже в то время эти слова о русских эмигрантах первой волны, названных «сионистами мусульманского толка» стали курсантским мемом. А сегодня это вызывает ещё больший смех сквозь слезы, если осознаешь интеллектуальный уровень политических руководителей, которые вершили людские судьбы. В том 1981-м году я ещё не знал, что через какое-то время судьба меня сведёт с оставшейся в живых последней представительницей наших соотечественников в Тунисе — Анастасией Александровной Манштейн-Ширинской.

В 1999 году на имя Главнокомандующего ВМФ пришло письмо от Анастасии Александровны, в котором она предлагала

вернуть в Россию архив Русской эскадры и свой архив. В Главном штабе тогда никто не знал, что с этим делать, и я предложил подключить Центральный военно-морской музей и передал просьбу А. А. Ширинской начальнику ЦВММ капитану 1-го ранга Е. Н. Корчагину. Позже отдельные реликвии были переданы в Россию и сейчас находятся в Центральном музее Вооружённых Сил, Центральном военно-морском музее, Доме русского зарубежья и других коллекциях. Большая же часть наследия эскадры ушла в Америку и Францию. Часть хранящихся в США архивов общество «Родина» передала в Россию. Наследие, оказавшееся во Франции, находится в частных коллекциях⁶⁸ [1], [2].

И вот, спустя ещё 8 лет, в 2007 году Главком ВМФ предложил мне возглавить Морскую парусную культурно-историческую и образовательную экспедицию московских школьников «Через пять морей. По следам Русской эскадры». Экспедиция прошла в период с июля по сентябрь 2007 года.

Экспедиция была организована Молодёжным клубом ЮНЕСКО «Единство», Департаментом семейной и молодёжной политики Правительства Москвы, префектурой Северо-Восточного Административного округа Москвы, Департаментом международных связей Москвы при поддержке Федерации Мира и Согласия, Московским Союзом обществ дружбы с народами зарубежных стран и Библиотеки-Фонда «Русское Зарубежье» и под патронажем Главного командования ВМФ России. Возглавить экспедицию Главное командование Военно-Морского Флота предложило мне (начальник экспедиции — кандидат исторических наук, капитан 1-го ранга С. А. Мозговой). В ней участвовали воспитанники клуба юных моряков «Североморец» и ребята из московского юношеского ансамбля «Колокол» [1].

Цели и задачи экспедиции заключались в духовно-нравственном и патриотическом воспитании российских школьников, формировании и пропаганде положительного образа современного

---

⁶⁸ Мозговой С. А. О некоторых проблемах изучения и сохранения морского наследия России за рубежом // «Проблемы изучения и сохранения морского наследия России». Материалы Первой международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 27–30 октября 2010 г. Калининград, 2010. С. 426–428. Также см.: Мозговой С. А. Через пять морей. Морская парусная экспедиция в Тунис «По следам Русской эскадры» // «Проблемы изучения и сохранения морского наследия России». Материалы Первой международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 27–30 октября 2010 г. Калининград, 2010. С. 166–168.

молодого человека, дальнейшее развитие работы по воспитанию гражданственности и патриотизма подростков и молодёжи; знакомство школьников с историей и традициями Российского Флота (в данном случае, с событиями, связанными с историей флота периода Великой Октябрьской социалистической революции и Гражданской войны, в том числе с историей Русской эскадры и её последним местом стоянки в Бизерте (Тунис)); знакомство детей и подростков с историческими и культурными традициями Российского Флота; популяризация среди подростков и молодёжи воинской службы в частях и соединениях, на кораблях ВМФ России; пропаганда здорового образа жизни; обучение яхтингу, приобретение навыков в управлении парусным судном, в работе с навигационными приборами и морскими картами, несению вахт, стойкости и выживаемости в суровых условиях морского похода; проведение «кают-компаний» по изучению истории Российского Флота, встрече и общению с молодёжью других стран (Турции, Греции, Туниса и др.), концерты художественной самодеятельности.

В адрес участников экспедиции поступило множество приветствий. Так, главнокомандующий ВМФ адмирал флота В. В. Масорин отметил: «Ваша благородная миссия — гордость за своих великих предков, за свою великую Родину, осмысление своего гражданского долга, чести смолоду. Всё это — залог будущего величия России, которая всегда была и будет страной, которую уважали, на которую равнялись и которой восхищались многие поколения людей на земле». В свою очередь председатель Комитета Государственной Думы по международным делам К. И. Косачёв подчеркнул: «Думаю, каждый из нас, депутатов Государственной Думы, по-хорошему завидует вам, школьникам, членам экспедиции. Обойти полсвета под парусами — это подлинное воплощение мечты. Можно лишь порадоваться, что сегодня для всех граждан нашей страны, в том числе для молодых россиян, по-настоящему открыт весь мир. Вы можете чувствовать себя в нём и посланцами своей великой страны, и жителями единой планеты. Тем более отраднo сознавать, что ваша экспедиция в полном смысле этого слова рабочая. Вам предстоит не только познать новые миры и культуры, но и воочию осязать историю нашей страны, попытаться самим пережить то, что могли чувствовать моряки последней русской эскадры, отдать дань и увековечить память русских офицеров и моряков, оказать помощь православному храму в Тунисе — частичке Родины на другом континенте...»

В приветствии председателя Комитета Совета Федерации по международным делам М. В. Маргелова говорится: «Пользуясь случаем, прошу передать всем организаторам, участникам и болельщикам юбилейной 10-й международной парусной экспедиции «Через пять морей. По страницам истории флота Российского», что благороднейшие намерения участников экспедиции содействовать восстановлению православного храма Воскресения Христова и некрополя российских соотечественников в Тунисской республике заслуживают глубочайшего уважения и признательности». А в приветствии председателя «Клуба адмиралов» адмирала флота В. И. Куредова есть такие строки: «Ваши стремления сохранить подлинные духовные ориентиры и продолжить славные традиции русских моряков достойны глубочайшего уважения. Это залог могущества России, которая всегда была и будет великой морской державой, вызывающей уважение и восхищение многих поколений людей на нашей планете»⁶⁹ [4]. Провожали участников экспедиции представители Министерства обороны РФ (офицеры ГУВР ВС РФ), «Клуба адмиралов» — контр-адмирал А. В. Кондрашов и коор-

Через пять морей

Андрей ГАВРИЛЕНКО, «Красная звезда»

11 июля на Курском вокзале был дан старт десятой юбилейной научно-исследовательской парусной экспедиции школьников по маршруту следования в далекие 20-е годы прошлого столетия эскадры русских кораблей из Крыма через Стамбул (Турция) в североафриканский порт Бизерта (Тунис). Первый экипаж отправился из Москвы в город Николаев (Украина) к месту торжественного отплытия яхты, на борту которой будут находиться юные капитаны. В экспедиции, название которой «Через пять морей. По страницам истории флота Российского», примут участие три московских экипажа и один экипаж из Республики Татарстан. Каждому из экипажей предстоит пройти свой отрезок пути.

Экспедиция пройдет в рамках проекта Федерации мира и согласия «Русский Карфаген», посвященного вопросам сохранения русского наследия в Северной Африке и истории русской эскадры. Как отметил президент Федерации мира и согласия В. Кармышев, «Русский Карфаген, то есть община в Тунисе в Северной Африке образовался в 1920-е годы, после революции, Гражданской войны и волны эмиграции, которые пережила наша страна. Именно в Тунисе, куда прибыли из Севастополя корабли русской эскадры, в октябре 1924 года со снятием Андреевского стяга закончилась история русского императорского флота». По его словам, организаторы проекта преследуют сразу несколько целей: сохранение исторического наследия и восстановление военной славы русского флота, содействие воспитанию молодежи в лучших традициях нашего воинства.

Как сообщила координатор проекта Г. Монастырева, этим летом планируется осуществить самую масштабную экспедицию по маршруту последней русской эскадры, покинувшей Севастополь и нашедшей последнюю стоянку в

Рис. 1. Публикация газеты «Красная звезда» об экспедиции «Через пять морей»

⁶⁹ Гавриленко А. Через пять морей. Газета «Красная звезда», 13 июля 2007 г. URL: http://old.redstar.ru/2007/07/13_07/1_02.html (дата обращения: 25.08.2020 г.)

динатор проекта «Русский Карфаген» Г. Г. Монастырёва — внучатая племянница капитана 2-го ранга Нестора Монастырёва — и другие официальные лица.

Экспедиция была проведена на парусной крейсерской яхте «Гринда» (порт приписки — Николаев), прошла маршрутом следования кораблей и судов Черноморской эскадры и армии барона Врангеля, которые в ноябре 1920 года, в результате наступления Красной Армии, навсегда покинули Крым.

Рис. 2. Начало похода. Участники морской экспедиции в яхтклубе

Эта экспедиция получила название 10-й научно-исследовательской парусной экспедиции московских школьников..., хотя по сути это была первая морская экспедиция по этому маршруту. 10-й порядковый номер был присвоен, потому что клуб «Единство» до этого уже организовывал парусные экспедиции по островам греческого архипелага и по Черному морю вблизи Крыма, и в Болгарию. Но на этот раз маршрут был более длинным и пролегал по историческим местам пребывания кораблей Черноморской эскадры Врангеля: Стамбул (Константинополь) — Чанаккале (Дарданеллы) — остров Лемнос (Греция)... и далее — Тунис.

Во время экспедиции старались посетить места, в которые заходили корабли и суда, покинувшие в октябре 1920 года Россию. Константинополь (ныне Стамбул), Лемнос, Греческий архипелаг, Мальта, другие порты. Кстати сказать, хотя эскадра на Мальту не

заходила (англичане не приглашали и не помогали), но эскадренный миноносец «Жаркий», которым командовал отец Анастасии — старший лейтенант Александр Манштейн, в силу сложившихся обстоятельств (из-за тяжёлых погодных условий и технической неисправности), вынужден был зайти в Ла-Валетту. На обратном пути зашли и мы.

В ходе нашей экспедиции юные моряки изучали историю исхода кораблей Русской эскадры, славную историю русского флота, его боевую летопись, отдавали почести в памятных местах сражений и героической гибели русских и советских кораблей, овладевали морской наукой и практикой.

Рис. 3. Под Андреевским флагом

В начале пути, в Чёрном море участники экспедиции в соответствии с приказом Главнокомандующего Военно-Морским Флотом отдали воинские почести в памятных местах славных побед и героической гибели кораблей русского и советского флота⁷⁰ [6]. При прохождении траверза северо-западной оконечности Гендровской косы были отданы воинские почести экипажам канонерской лодки «Красная Армения», эскадренного миноносца «Фрунзе» и буксир-

---

⁷⁰ См.: Приказ Главнокомандующего Военно-Морским Флотом № 310 от 19 декабря 1986 г. «Об объявлении памятных мест славных побед и героической гибели кораблей русского и советского флота и отдании воинских почестей». Москва, 1986.

ного парохода ОП-8, погибших в неравном бою с вражеской авиацией. Было особо отмечено место победы Русской эскадры под командованием контр-адмирала Ф. Ф. Ушакова над турецким флотом 28–29 августа (8–9 сентября) 1790 года.

Рис. 4. Молодёжный экипаж

Рис. 5. Обучение яхтингу

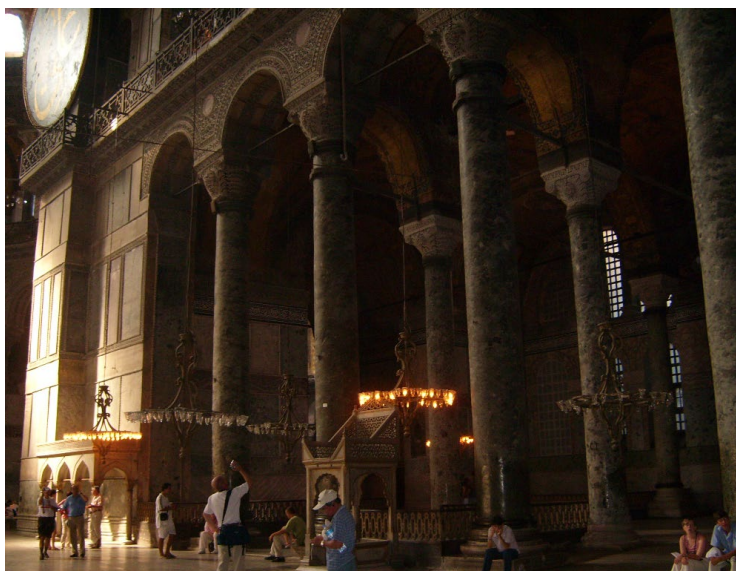
*Рис. 6. Таким увидели Босфор наши соотечественники
в 1920-м. Таким же увидели его мы в 2007-м году*

Рис. 7. Участники экспедиции в Стамбуле

Рис. 8. Святая София

Рис. 9. В Святой Софии

По прибытии в Стамбул (бывший Константинополь) участники экспедиции осмотрели достопримечательности города и места стоянки кораблей Русской эскадры, посетили знаменитую Святую Софию, которая функционировала в качестве музея. Затем, пройдя

Рис. 10. Военно-морской музей в Чанаккале

Рис. 11. Троянский конь на набережной Чанаккале

Мраморное море и пролив Дарданеллы, остановились в порту Чанаккале. На другой стороне пролива, в Галлиполи были лагеря сухопутных частей участников исхода. А в Чанаккале посетили крепость и военный музей с экспонатами Первой мировой войны, в которой участвовали русские моряки крейсера «Аскольд» во время Дарданелльской операции, включая десантную операцию 25-26 апреля 1915 года, в которой также участвовали русские воины, некоторые из которых оказались здесь спустя 5 лет.

В нескольких километрах от Чинаккале находится знаменитая Троя, впервые раскопанная в 1871–1890 гг. русским подданным, археологом-самоучкой Генрихом Шлиманом. Здесь участники экспедиции смогли наглядно пополнить свои знания из курса истории Древнего мира и пообщаться с интернациональной бригадой археологов, продолжающих вести раскопки в наше время.

Рис. 12. Участники экспедиции в древней Трое

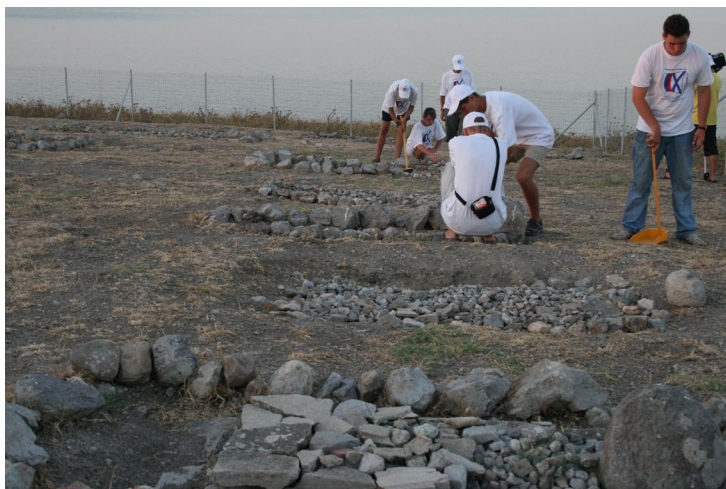
Рис. 13. Археологические раскопки в Трое

В Эгейском море первым местом захода была столица греческого острова Лемнос — Мирина. История Лемноса также тесно связана с русским флотом. Здесь неоднократно базировались корабли Первой и Второй архипелагских экспедиций. Остров использовался в качестве базы союзными войсками Антанты в Первую мировую войну. А в 1920 году стал пристанищем казачьих частей «Русского исхода». Поэтому участники морской экспедиции посетили Русское казачье кладбище и мемориал русским морякам эскадр графа Орлова и адмирала Сенявина, которые участвовали в освобождении Греции от османского владычества. Здесь участники экспедиции ухаживали за могилами и возложили венок к памявному мемориальному кресту. Также посетили английское союзническое военное кладбище Первой мировой войны, где есть русский участок,

и тоже привели в порядок могилы. Удалось даже встретить потомков русских эмигрантов первой волны, которые оказали помощь, и соотечественников — греков, недавно переселившихся на остров. Выступили в прямом эфире на радио Лемноса, рассказав о целях,

Рис. 14. Лемнос. Русское казачье кладбище

Рис. 15. Участники экспедиции ухаживают за могилами соотечественников на Русском казачьем кладбище

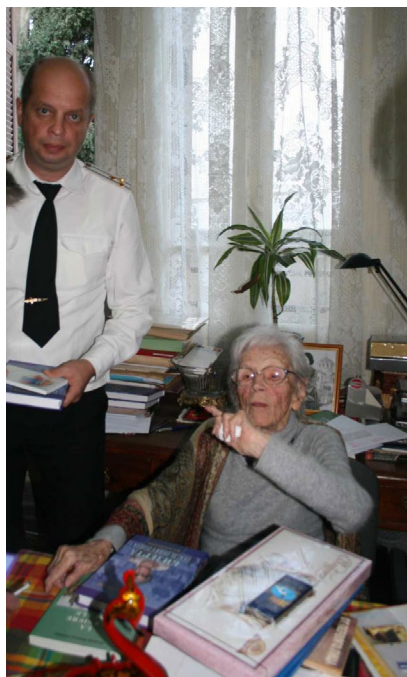
задачах и содержании экспедиции, после чего получили множество приглашений от гостеприимных греков, проникнувшихся нашим рассказом о «русском следе», память о котором хранит древняя крепость, а также жизни русских людей на острове в 20-х годах XX века.

Рис. 16. Выступление на радио Лемноса

Затем экспедиция прибыла в г. Анависсос (Anavyssos) в Восточной Аттике у подножия холма Олимпос в 34 км от столицы страны — Афин. Здесь состоялась смена юношеского экипажа. Далее путь лежал на Тунис...

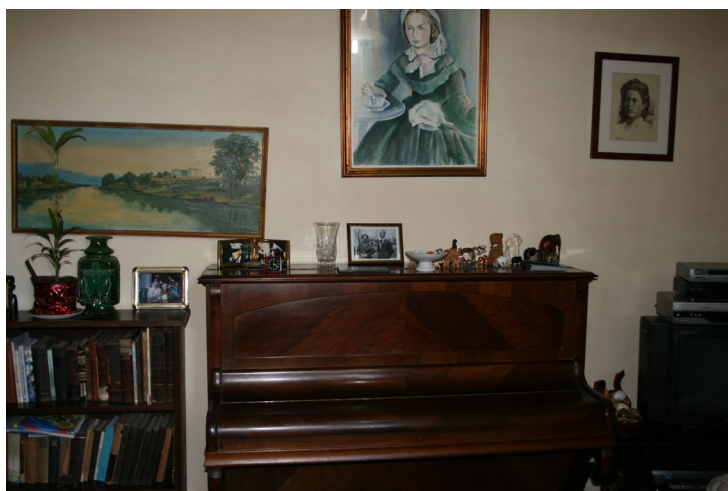
По прибытию в Тунис состоялась незабываемая встреча и интервью с хранительницей реликвий российского флота Анастасией Александровной Манштейн-Ширинской, посещение могил русских моряков на христианских кладбищах Туниса и Бизерты, посещение храмов во имя Александра Невского в Бизерте и Воскресения Христова в столице — г. Тунисе, уход за могилами соотечественников на кладбищах Бизерты и Туниса, посещение древнего Карфагена и других историко-культурных памятников.

Рис. 17. Бизерта. В гостях у А. А. Маништейн-Ширинской

Рис. 18. А. А. Ширинская за работой

Рис. 19. Убранство комнаты Анастасии Александровны

Рис. 20. Храм Александра Невского в Бизерте

Рис. 21. Андреевский флаг и иконы в храме

Рис. 22. Памятные доски эскадры

Рис. 23. Памятник морякам Русской эскадры на кладбище в Бизерте

Рис. 24. Юные моряки на кладбище Бизерты

Рис. 25. Древний Карфаген

Встреча с Анастасией Александровной была поистине незабываемой. Поразила её прекрасная память о событиях далёких лет и судьбах русских людей на чужбине, а также большое количество писем на её столе из России и других стран, которые более ста лет тому назад были частью Российской империи.

В Африке она в течение многих десятилетий сохранила любовь к Родине, свою русскость, духовные и боевые реликвии кораблей Русской эскадры. Вместе с мужем (Сервер Ширинский — прямой потомок старинного татарского рода) она воспитала троих детей. В Тунисе с матерью остался только сын Сергей (скончался в 2013 году). При нашей встрече ему было уже далеко за 60. Дочери Татьяна и Тамара живут во Франции. Мать настояла, чтобы они уехали и стали физиками. «Только точные науки могут спасти от нищеты», — говорила она⁷¹ [3]. Она подарила и подписала мне свою книгу «Бизерта. Последняя стоянка»⁷² [5].

---

⁷¹ Мозговой С. А. Легенда Русской Африки. // «Нептун», 2016. № 1. С. 93.

⁷² Ширинская А. А. Бизерта. Последняя стоянка. / Анастасия Ширинская. Изд. 2-е, испр. и доп. Санкт-Петербург: Фонд «Отечество», 2006. 386 с. : ил.

Рис. 26. Обложка книги «Бизерта. Последняя стоянка»

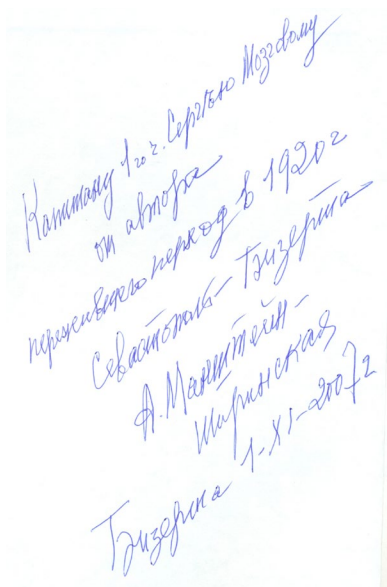

Рис. 27. Дарственная подпись

«Приходит момент, — говорила Анастасия Александровна, — когда ты понимаешь, что должна сделать свидетельство о том, что видела и знаешь... Это, наверное, называется чувством долга?.. Я вот написала книгу — «Бизерта. Последняя стоянка». Это семейная хроника, хроника послереволюционной России. А главное — рассказ о трагической судьбе русского флота, который нашел причал у берегов Туниса, и судьбах тех людей, которые пытались его спасти. <...>

Всё было очень сложно на той жестокой Гражданской войне. И у тех, и у других была своя правда, и каждая казалась им самой верной и самой неизбежной. Но сила и стойкость и тех, и других вызывают глубочайшее уважение».

Я обратил внимание, что она охотно делится впечатлениями своего детства, жизни на кораблях и даже довоенной жизнью в Германии.

Очень трогательно она вспоминала свою малую Родину — Лисичанск и своё родовое имение — село Рубежное. Тогда это была часть Российской империи, сегодня её родина опять раздираема Гражданской войной, как тогда, 100 лет назад. Рубежное навсегда

осталось для неё Россией, в то время как сегодня в силу политических процессов 1991 года — это другая страна. Время, прожитое в Рубежном, стало самым значительным светлым детским воспоминанием её жизни, потом был трудный длительный и болезненный переход по штормовому морю, жизнь и учёба на корабле и взрослая самостоятельная жизнь в Тунисе, сопряжённая с борьбой за выживание. «Незабываемые картины детства! Как живо вставали они предо мной на чужбине, когда я позже начала читать книги наших писателей и поэтов, которых так любила моя мама».

Её мама привила Анастасии интерес к русской культуре, истории и литературе, которые стали для детей единственным богатством на чужбине. «Мама открыла мне волшебный мир книг. Она мне часто читала и по моей просьбе перечитывала сказки, одни названия которых до сих пор навевают радостные воспоминания: «Конёк-Горбунок» Ершова, «Золотая рыбка» Пушкина, сказки Перро, Андерсена, братьев Гримм...».

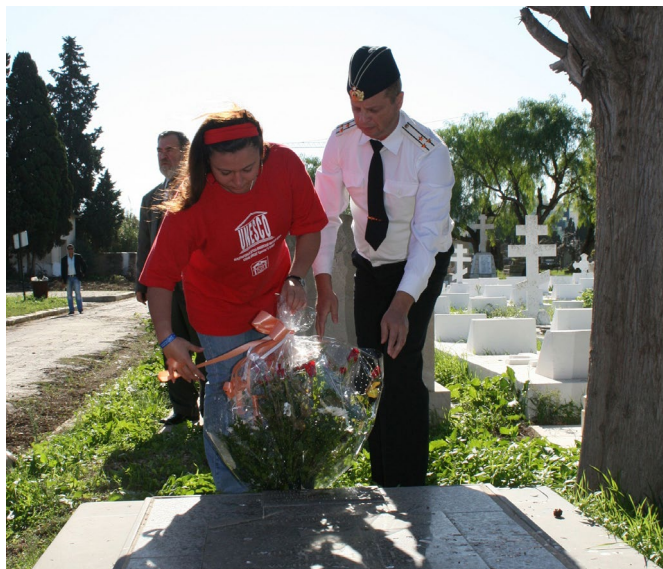
Детство Анастасии прошло на кораблях. «Жили на старом броненосце «Георгии Победоносце», который превратился в плавучий город для семей военных», — рассказывала А. А. Ширинская.

«Мне часто снился наш старый броненосец — странные картины запутанных металлических помещений, таинственных коридоров, просторных и пустынных машинных отделений... Это всё картины наших запретных походов, о которых наши родители и не подозревали. Мы знали «Георгий» от глубоких трюмов до верхушек мачт. Поднимаясь по железным поручням внутри мачты, мы устраивались на марсах, чтобы «царить над миром». Мы знали скрытую душу корабля...».

Она вспоминала балы на «Георгии Победоносце», которые глубоко запали в память и душу девочки-подростка. И как её пригласил на танец командующий эскадрой адмирал Михаил Андреевич Беренс!

Особенно тяжёлое впечатление на меня произвел рассказ о том, как не встретились два родных брата адмирала. В 1924 году, после установления дипломатических отношений СССР и Франции, эскадра была расформирована. Вскоре в Тунис прибыла советская комиссия с целью возвращения кораблей на Родину. В составе делегации был и советский красный адмирал Евгений Андреевич Беренс, но, по официальной версии, встреча братьев так и не состоялась... Белый адмирал Михаил Андреевич Беренс не мог допустить, чтобы сослуживцы заподозрили его в каких-либо связях и компромиссе с Советами...

Гражданская война не пощадила никого и оставила кровоточащие сердечные раны. Когда в 2000-х годах я служил в Главном штабе ВМФ, то наш отдел был закреплён за могилами советских флотоводцев на Новодевичьем кладбище, которые мы приводили в порядок накануне Дня ВМФ и других военных праздников. Среди могил, за которыми ухаживали офицеры ГШ ВМФ, была и могила командующего Рабоче-Крестьянским Красным Флотом Евгения Андреевича Беренса (1896–1928). И вот, спустя несколько лет, вместе с делегацией молодёжных клубов ЮНЕСКО я возлагаю венок к могиле его родного брата — командующего Русской эскадрой в изгнании контр-адмирала Михаила Андреевича Беренса на французском кладбище Боржель Туниса (столица). Михаил пережил своего брата — красного командира — на 15 лет и умер в возрасте 64 лет в Тунисе в годы Второй мировой войны в 1943 году.

Рис. 28. Возложение цветов на могилу М. А. Беренса

Анастасия Александровна неохотно вспоминала период Второй мировой (для нас — Великой Отечественной) войны. Тему Второй мировой она не хотела затрагивать, была какая-то недоговорённость об этом эпизоде её жизни, тяжесть... Кроме невзгод и духовного опустошения, депрессии для оставшихся в Тунисе представителей эскадр и их семей, в эти годы ничего не было. Выживали...

Она очень переживала, что в годы войны, когда немцы пришли в Африку, и её семья в 1942 году вынуждена была покинуть дом в занятой немцами Бизерте, пропал старый семейный альбом с фотографиями её предков. На них была отражена история Донбасса и России — красивые места в бассейне реки Донец, её дедушка генерал Насветевич на русско-турецкой войне, снимки других известных членов семьи.

Но вдруг она сказала: «Только Советский Союз, руководимый Сталиным, мог разгромить фашистского агрессора». Так и сказала, несмотря на психологическую детскую травму в результате трагического исхода и жизни на чужбине.

Она вспомнила о своих родителях и других участниках Великого исхода 1920 года.

Радость может быть скорбная.
Не думать о родителях! Они не дожили.
Всему приходит своё время.
Всему... но не для всех.

Слушая её рассказ, я в очередной раз задумывался над историей России, но ещё больше — над судьбами людей, покинувших её. И каждый раз, когда думаешь об этом, щемит сердце. Как должно быть больно оказаться на чужбине и никогда больше не увидеть

Рис. 29. А. А. Ширинская вспоминает

своих родных и близких, свою Родину. А ведь такая участь постигла сотни тысяч людей всех сословий: офицеров и их семьи, рядовой состав, казаков... Многие жили надеждой вернуться на родину. «Я прожила долгие годы вдали от моей страны, без всякой надежды её увидеть. Но увидела в свои преклонные годы и счастлива! Теперь не страшно и умирать... <...> Я ведь всегда и всем говорю: что бы ни случилось, надо крепиться. Не жаловаться и не скулить. Надеяться...»

Во время нашей встречи она прочла свои стихи «Я вернусь...», написанные в 1987 году. Стихи о любви к своей Родине.

Белый дом и белые колонны
Двести лет на берегу Донца.
В старом парке прячутся вороны
И алеют розы около крыльца.

Белый дом и белые колонны...
Старый парк в сиянии Донца...
Страстный голос соловья в сирени,
Его трели плачут, плачут без конца.
В светлом зале музыка и пенье,
У рояля — молодой кадет.
Из-под пальцев льется вдохновенье,
И танцует в зале кто-то менуэт.

В моём сердце — в парке вечно лето,
Блеск Донца, черемуха, сирень...
В этом доме, сотканном из света,
Никогда не пробегает тень.

Как вернуться в старую усадьбу?
Как дорогу в детство мне найти?
Как попасть мне к соловью на свадьбу,
Где сирень не может отцвести?
Я вернусь, и в зарослях сирени
Заливаться будет соловей;
Я вернусь, чтоб встретить в парке тени
Дорогих и близких мне людей...

Я вернусь, и будут цвести розы
В старом парке около крыльца.
Я вернусь! Иль это только грезы?
Нет усадьбы больше у Донца...

Поражает сила духа этой внешне хрупкой женщины, которая, оставшись в Тунисе, не теряла силу духа и сохраняла морские и духовные реликвии Русской эскадры (в последние годы – практически в одиночестве).

Она не уставала повторять: «Знание прошлого, своих корней, культуры своего народа – такая это сила в тяжёлых испытаниях!» И это не случайно, именно сопричастность к судьбе своей великой страны помогла ей выжить на чужбине. И не просто выжить, а стать знаменитой русской женщиной Северной Африки⁷³ [3].

После смерти Анастасии Александровны Манштейн-Ширинской появилась идея создать в Бизерте музей Русской эскадры. Этот проект реализует Фонд сохранения исторического и культурного наследия имени А. А. Манштейн-Ширинской.

Обратный путь лежал через Мальту, где также сохранились свидетельства пребывания русских моряков и их захоронения, Грецию и далее – на Родину.

Одной из программ экспедиции стала вахтовая работа молодёжного морского отряда по увековечиванию памяти 180 русских офицеров и моряков, похороненных на русском кладбище в Бизерте (ребята помогли в уходе за надгробиями, облагораживании территории некрополя).

Экспедиция была комплексной и способствовала решению целого ряда важных задач. Удалось привлечь внимание общественности к истории нашего государства и российского флота, к пропаганде истории флота и отечественных морских традиций, в том числе связанных с русской морской эмиграцией, актуализировать поиск и публикацию архивных документов.

Мероприятия по увековечиванию памяти русских моряков, похороненных на русском кладбище в Бизерте (работа по восстановлению надгробий, установке памятных знаков, облагораживанию территории кладбища), популяризация среди подростков и молодёжи воинской службы в частях, соединениях, на кораблях Военно-морского Флота Российской Федерации.

Каждый участник похода выполнял свою судовую роль и обязанности согласно корабельным расписаниям, школьники вместе с опытными наставниками несли ходовую вахту и дежурство по камбузу. При заходе в порты иностранных государств молодёжный ансамбль «Колокол» давал концерты патриотической песни.

---

⁷³ *Мозговой С. А.* Легенда Русской Африки. // «Нептун», 2016. № 1. С. 94–97.

Во время похода на борту яхты со школьниками проводились регулярные занятия по морскому делу и истории флота. При проходе памятных мест участники экспедиции — экипаж яхты отдавал воинские почести погибшим морякам.

Рис. 30. Концерт художественной самодеятельности в походе

Рис. 31. Дежурство по камбузу. Приготовление пищи

Рис. 32. Купание в открытом море

Рис. 33. Спортивное плавание

На греческом острове Лемнос, благодаря народной дипломатии и выступлению на местном островном радио, нам удалось установить дружеские контакты с местными жителями и нашими соотечественниками последней волны эмиграции, которые выразили готовность оказать помощь в поиске реликвий, оставшихся от пребывания здесь казачьих частей русской армии.

Следует особо отметить большую помощь Министерства иностранных дел России, дипломатических представительств за рубежом, прежде всего посольств России в Турции, Греции, Тунисе и Мальты, Генерального консульства России в Одессе и др.

Это была нелёгкая с морской точки зрения и полная сюрпризов экспедиция, наполненная сильными штормами (особенно на обратном пути), опасностями и незабываемыми встречами. За время похода юные моряки окрепли и возмужали, освоили азы морской практики, никто из участников не заболел. Мне до сих пор звонят родители ребят и благодарят, что дети вернулись живыми, здоровыми и повзрослевшими. После похода стали серьёзно относиться ко многим жизненным проблемам, успешно закончили школу и вузы, добросовестно трудятся в разных отраслях народного хозяйства, включая морское дело.

Опыт морского похода по следам Русской эскадры в Тунис и обратно может быть полезен при подготовке и осуществлении других подобных акций, связанных с историей российского флота, а также средиземноморской цивилизации. Так, находясь в порту Чанаккале, мы организовали экскурсию к древней Трое, где наблюдали за продолжающимися там археологическими раскопками интернациональным коллективом учёных.

Подготовка и ход экспедиции широко освещался в СМИ (Первый канал, программа «Утро», телерадиокомпания «Мир»)⁷⁴ [7], радио «Россия», газеты «Красная звезда», «Московский комсомолец»⁷⁵ [8] и др. Был снят фильм.

Литература

Мозговой С. А. О некоторых проблемах изучения и сохранения морского наследия России за рубежом // «Проблемы изучения и сохранения морского наследия России». Материалы Первой международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 27–30 октября 2010 г. — Калининград, 2010. — С. 426–432.

---

⁷⁴ См.: Школьники и студенты пройдут под парусами по маршруту последней Русской эскадры и соберут средства на роспись православного храма в Тунисе. // Портал-Credo. Ru. 04.07.2007 г. URL: <https://credo.press/83381/> (дата обращения: 25.08.2020 г.).

⁷⁵ Близниченко С. С. Практическое плавание гардемарин на Тихом океане в 1917–1918 годах // Морской сборник. 2015. №7. С. 75–85.

- Мозговой С. А.* Через пять морей. Морская парусная экспедиция в Тунис «По следам Русской эскадры» // «Проблемы изучения и сохранения морского наследия России». Материалы Первой международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 27–30 октября 2010 г. — Калининград, 2010. — С. 166–168.
- Мозговой С. А.* Легенда Русской Африки. // «Нептун», 2016. № 1. С. 93.
- Гавриленко А.* Через пять морей. Газета «Красная звезда», 13 июля 2007 г. URL: http://old.redstar.ru/2007/07/13_07/1_02.html (дата обращения: 25.08.2020 г.).
- Ширинская А. А.* Бизерта. Последняя стоянка / Анастасия Ширинская. Изд. 2-е, испр. и доп. Санкт-Петербург : Фонд «Отечество», 2006. — 386 с. : ил.
- Приказ Главнокомандующего Военно-Морским Флотом № 310 от 19 декабря 1986 г. «Об объявлении памятных мест славных побед и героической гибели кораблей русского и советского флота и отдании воинских почестей». — М., 1986.
- Школьники и студенты пройдут под парусами по маршруту последней Русской эскадры и соберут средства на роспись православного храма в Тунисе. Портал Credo. Ru, 04.07.2007 г. URL: <https://credo.press/83381/> (дата обращения: 25.08.2020 г.).
- Добрин Д.* Кухонные страсти по-флотски. Море учит и со штормом бороться, и борщ варить // «Московский комсомолец», 05.08.2007 г. URL: <https://www.mk.ru/editions/daily/article/2007/08/05/89046-kuhonnyie-strasti-poflotski.html> (дата обращения: 25.08.2020 г.).

Фото из архива С. А. Мозгового.

К. Б. Назаренко

ПОСЛЕДНИЕ ГАРДЕМАРИНЫ

Рис. 1. К. Б. Назаренко

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00081А «“Старое” русское морское офицерство после 1917 г. : Сплошное просопографическое исследование».

The reported study was funded by RFBR, project number 19-09-00081A.

Во время Первой мировой войны термин «гардемарины» применялся, в основном, к лицам, которые обучались в военно-морских учебных заведениях или имели высшее образование и готовились к сдаче экзаменов на чин кадрового офицера флота (строевого, инженер-механика или кораблестроителя). Лица, имевшие среднее или мореходное образование и обучавшиеся или готовившиеся к экзаменам на чин офицера запаса именовались вольноопределяющимися. Существовало единственное исключение — лица, обучавшиеся в Школе прапорщиков по адмиралтейству (Школа мичманов военного времени берегового состава) также именовались

гардемаринами, хотя должны были получить чин офицера запаса. Такое исключение объяснялось привилегированным характером этого учебного заведения.

После закрытия Морского училища (МУ) и Отдельных гардемаринских классов (ОГК) часть учащихся, находившихся в практическом плавании на крейсере «Орёл» в Тихом океане, встала в ряды белого движения и продолжила обучение во Владивостокском морском училище⁷⁶. Им была посвящена недавняя фотовыставка в Доме русского зарубежья имени А. Солженицына⁷⁷. Часть кадетов общих классов Морского корпуса оказалась в годы Гражданской войны в Севастопольском морском корпусе, продолжавшем свою деятельности и в эмиграции. Им посвящены воспоминания В. В. фон Берга (1879–1963)⁷⁸. С. А. Шрамченко (1893–1958)⁷⁹ затронул тему Курсов гардемарин флота (КГФ). Отметим, что широко бытующие списки выпускников МУ 1918 года, составленные эмигрантами⁸⁰, содержат немало ошибок, в частности, в них смешиваются выпускники старшего специального класса (получившие полное офицерское образование) и младшего специального класса (окончившие курс, аналогичный курсу сухопутных кадетских корпусов, и не имевших права на офицерский чин).

Представляется важным выделить особую категорию «последних» гардемарин дооктябрьского флота — то есть тех, кто стал гардемаринами до 25 октября (7 ноября) 1917 года, получил полное офицерское образование, но не был произведён в офицерский чин из-за отмены чинов. Среди мемуарного наследия представителей этой категории можно указать на дневник И. П. Розова (1897 — после 1931 года)⁸¹.

---

⁷⁶ *Близишченко С. С.* Практическое плавание гардемарин на Тихом океане в 1917–1918 годах // Морской сборник. 2015. №7. С. 75–85.

⁷⁷ Последние гардемаринны. Петроград — Владивосток — Севастополь — Бизерта. 1918–1925. 8 декабря 2018 г. — 31 января 2019 г. [Эл. док.] // Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына URL: http://www.domrz.ru/exhibition/6941_poslednie_gardemarinny_petrograd_vladivostok_sevastopol_bizerta_1918_1925/ (дата обращения: 20.08.2020 г.).

⁷⁸ *Берг В. В., фон.* Последние гардемаринны. Париж, 1931.

⁷⁹ *Шрамченко С. А.* Гардемарины флота // Морские записки [Нью-Йорк]. 1954. №1. С. 34–41.

⁸⁰ См., напр.: Морской кадетский корпус // Офицеры РИА [Эл. док.] URL: <https://www.ria1914.info/index.php> (дата обращения: 20.08.2020 г.).

⁸¹ [Розов И. П.] Дневник мичмана Ивана Петровича Розова, гардемарина третьей роты Отдельных гардемаринских классов. 1916–1918

Основным учебным заведением, готовившим строевых офицеров флота до революции, был Морской кадетский корпус (МКК). Срок обучения в МКК был шестилетний, причём основная часть военно-морской подготовки падала на три последних года, которые именовались специальными классами МКК. Три первых года — общие классы МКК — давали образование, аналогичное сухопутным кадетским корпусам. Приём в специальные классы в 1917 году не производился, поскольку ранее было принято решение о разделении общих и специальных классов. Общие классы МКК должны были быть переведены в Севастополь, а специальные — слиты с Отдельными Гардемаринскими классами в единое учебное заведение. В связи с этим в сентябре 1916 года специальные классы МКК были переименованы в МУ.

В 1914 году состоялось два выпуска из МКК — нормальный (в апреле) и ускоренный (в ноябре). Выпускники ускоренного выпуска 1914 года должны были закончить МКК весной 1915 года. После этого МКК перешёл на ускоренную подготовку офицеров. Выпущенные в 1915 году должны были окончить корпус в нормальных условиях в 1916 году, выпущенные в 1916 — в 1917, а выпущенные в 1917 — в 1918 году. Таким образом, вместо 32 месяцев выпуски 1915–1917 годов обучались в специальных классах около 22 месяцев.

Поскольку в МУ в 1917 году приёма не было, в нём продолжали учиться лишь гардемарины набора 1916 года (большинство из которых поступило в младший общий класс в 1913 году). Они были выпущены 24 февраля (9 марта) 1918 года, без производства в офицерский чин, их было 164 человека. Среди выпускников этого выпуска были известные морские писатели Сергей Адамович Колбасьев (1899–1937/38) и Леонид Сергеевич Соболев (1898–1971). В эмигрантской среде выпуск получил ироничное прозвище «ленинского». Эти последние гардемарины МУ проучились около 18 месяцев — всего на 4 месяца меньше, чем выпускники 1915–1917 годов, поэтому они считались получившими полное офицерское образование.

Некоторые из выпускников, воевавшие за белых, были произведены в офицеры позднее, со старшинством с даты выпуска (иногда считаемой по старому, а иногда — по новому стилю). Так Александр Ильич Сакович (1897–1936) был произведён

[Эл. док.] // URL: <https://ru.calameo.com/books/002208645edaf407ffb86> (дата обращения: 20.08.2020 г.).

в мичманы А. И. Деникиным со старшинством с 9 марта 1918 года, а Пётр Михайлович Рукша (1898–1928) — с 24 февраля того же года⁸². Их однокашники, служившие в Рабоче-Крестьянском Красном флоте (РККФ), также считались полноценными офицерами — например, братья-близнецы князя Владимир (1897–1972) и Николай (1897–1973) Иосифовичи Мещерские⁸³.

Ещё летом 1917 года гардемарины младшего специального класса были переведены в ОГК, поскольку было принято решение о слиянии МУ и ОГК⁸⁴.

Другим учебным заведением, готовившим строевых офицеров, были ОГК, созданные в июле 1914 года. Первый их выпуск состоялся 25 марта 1917 года и получил официальное название «Первый выпуск мичманов свободной России»⁸⁵. 20 февраля (5 марта) 1918 года ОГК были закрыты, из них было выпущено 197 человек набора 1915 года на тех же условиях, что и из МУ⁸⁶. Они успели проучиться в ОГК около 18 мес. В документах РККФ эти выпускники считались имевшими полноценное образование — например, Валерий Карлович Володзько (1897 – после 1946)⁸⁷, причём срок обучения в ОГК с 7 ноября 1917 по 20 февраля 1918 года был засчитан ему в счёт выслуги для награждения орденом Ленина в 1945 году⁸⁸.

Инженер-механиков флота и кораблестроителей готовило Морское инженерное училище императора Николая I (МИУ). Оно, также как и МКК, перешло с началом войны на ускоренный выпуск механиков, а кораблестроители продолжали получать образование в обычные сроки. Последние офицеры были выпущены из МИУ в июле 1917 года. Поскольку МИУ продолжало функционировать после закрытия МУ и ОГК, в июле 1918 года состоялся

---

⁸² *Лобыцын В. В.* Мартиролог русской военно-морской эмиграции...

⁸³ Список личного состава Рабоче-Крестьянского Красного флота по состоянию на 1 февраля 1924 г. Л. : 1924. С. 164.

⁸⁴ *Щетинский Б. А.* Рота его высочества Морского е. и. в. наследника цесаревича кадетского корпуса // Военная быль. №117. 1972. Июль. С. 36–38.

⁸⁵ Формулировка согласно приказу по флоту и морскому ведомству от 1917 г. №76.

⁸⁶ Подсчитано нами по: РГА ВМФ. Ф. 436. Оп. 1. Д. 1. Л. 66 об. – 89.

⁸⁷ Список личного состава РККФ... С. 64.

⁸⁸ Наградной лист на В. К. Володзько // Подвиг народа [Эл. док.] URL: <http://podvignaroda.ru/?#id=51029839&tab=navDetailDocument> (дата обращения: 20.08.2020 г.).

выпуск 7 кораблестроителей (набора 1914 года). После этого МИУ вернулось к довоенной программе, поэтому 39 инженер-механиков и 6 кораблестроителей (набора 1915 года)⁸⁹ были выпущены в мае 1919 года.

Лица, учившиеся, но не окончившие училище, тем не менее указывали это в своих анкетах. Так Борис Ильич Александров (1900 – после 1945) указал, что не окончил МИУ, тем не менее он занимал в 1922–1924 годах должность котельного механика линкора «Парижская коммуна»⁹⁰.

С 1914 года гардемаринами флота (или гардемаринами флота по механической или кораблестроительной части) именовались бывшие юнкера флота, имевшие высшее образование, тогда как не имевшие его получили название вольноопределяющихся флота. Как гардемарины флота, так и вольноопределяющиеся должны были самостоятельно готовиться к экзаменам — первые на корабельного гардемарина (с перспективой производства в мичманы или подпоручики корпуса корабельных инженеров), а вторые — на прапорщика запаса.

Самостоятельная подготовка к экзаменам на чин офицера во время Первой мировой войны показала недостаточную эффективность. Поэтому с декабря 1916 года были организованы Временные краткие курсы для гардемарин флота в Петрограде (КГФ) с морским, механическим, гидрографическим и кораблестроительным отделениями. 17 декабря 1916 года на курсы были зачислены 106 человек для подготовки по морской части, через два дня — ещё 20 человек по механической и 19 — по кораблестроительной части.

К 10 февраля 1917 года на флоте было 217 гардемарин, которые числились на КГФ⁹¹. Далеко не все из них действительно учились там, поскольку курс, обучавшийся весной 1917 года, насчитывал лишь 140 человек⁹². Вероятно, те, кто не вошёл в последнее число, находились в разных частях и на кораблях флота.

28 марта 1918 года было объявлено о закрытии КГФ, при сохранении гидрографического отделения, переименованного в Класс гидрографов военного флота (существовал до июля 1918 года), а также механического и кораблестроительного отделений, переименованных в Краткосрочные курсы военного кораблестроения (существовали до 1 августа 1918 года) По другим данным, послед-

---

⁸⁹ Подсчитано нами по: РГА ВМФ. Ф. 434. Оп. 1. Д. 1362.

⁹⁰ Список личного состава РККФ... С. 30.

⁹¹ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 3. Д. 3853. Л. 37.

⁹² Там же. Л. 76–77.

ний выпуск КГФ состоялся в апреле 1918 года⁹³. Нами были обнаружены документы, которые свидетельствуют о том, что расформирование КГФ произошло не ранее марта 1919 года⁹⁴. С. А. Шрамченко писал: «Большевики думали, что из этих, действительно последних в Петрограде старых гардемарин, выйдет командный состав для их тогдашнего “рабоче-крестьянского флота”, но, на более чем 85 процентов, ошиблись»⁹⁵. С. А. Шрамченко имел в виду, прежде всего, его товарищей по производству в офицеры 5 июня 1917 года, которых было 43 человека. В общей же сложности на КГФ училось 372 человека. К 24 июля 1918 года на КГФ числилось 252 гардемарина, в том числе 3 человека, поступивших на службу в 1915 году, 37 — в 1916 году и 212 — в 1917 году⁹⁶. Несомненно, что значительная часть окончивших КГФ летом 1918 года хотя бы на какое-то время оказалась в РККФ. Поскольку у всех гардемарин КГФ было гражданское высшее образование, в том числе у многих — инженерное, они могли достаточно быстро быть демобилизованы для работы в народном хозяйстве. В настоящее время можно констатировать, что судьба большинства гардемарин КГФ нам неизвестна. Сколько гардемарин КГФ успели окончить курс и сдать экзамены, но не были произведены в чин мичмана? Таких было, по нашим подсчетам, 84 человека, преимущественно, инженер-механики.

Служба на КГФ считалась действительной кадровыми органами РККФ. Пример — наградной лист на Алексея Платоновича Травиничева (1892–1960-е) к ордену Ленина за 25 лет службы. Там указано, что с 7 ноября 1917 по февраль 1918 года он служил в составе КГФ⁹⁷.

Впоследствии КГФ зачастую путали с ОГК. Например, в списке командного состава РККФ 1924 года указано, что Яков Иванович Беляев (1891 — после 1924) окончил в 1918 году «Отдельн[ый] Гардемар[инский] Класс, по Гидрографич[ескому] Отделению⁹⁸», тогда как в действительности он закончил КГФ, а в составе ОГК не было гидрографического отделения.

⁹³ Шрамченко С. А. Гардемарины флота. С. 34–36.

⁹⁴ Наградной лист на Амелина Н. И. // Подвиг народа [Эл. док.] URL: <http://podvignaroda.ru/?#id=50193824&tab=navDetailDocument> (дата обращения: 20.08.2020 г.).

⁹⁵ Шрамченко С. А. Последние гардемарины... С. 36.

⁹⁶ РГА ВМФ. Ф. 434. Оп. 1. Д. 145. Л. 105–118.

⁹⁷ Наградной лист на Травиничева А. П. // Подвиг народа [Эл. док.] URL: <http://podvignaroda.ru/?#id=50822694&tab=navDetailDocument> (дата обращения: 10.11.2019 г.).

⁹⁸ Список личного состава РККФ... С. 43.

Таблица 1. Численность лиц, имевших право, но не произведённых в офицеры флота в 1918–1919 гг. по учебным заведениям

Учебное заведение	Выпущено в феврале–марте 1918 г. и летом 1919 г. с полным офицерским образованием
МУ	164
ОГК	197
МИУ	52
КГФ	84
Всего	497

Представляется важным вопрос о политическом выборе этих выпускников во время Гражданской войны. В принципе, мы считаем возможным в ближайшем будущем подробно ответить на этот вопрос⁹⁹. Пока можно сообщить предварительные данные.

Таблица 2. Результаты выборочного анализа (выборка 10 %) биографий лиц, имевших право, но не произведённых в офицеры флота в 1918–1919 гг.

	От общего числа	МУ	МИУ	ОГК	КГФ
Воевали на стороне красных	30 %	40 %	60 %	20-25 %	
Воевали на стороне белых	30 %	40 %		40 %	
Жертвы красного террора	3-4 %	10-15 %			
Оказались на иностранной службе	1-2 %	5-10 %			
Судьба не установлена	35 %		40 %	35 %	100 %

В анализе 10 % выборки выпускников обращает на себя внимание, что наши знания о судьбах выпускников неравномерны по

---

⁹⁹ Важнейшим инструментом просопографического анализа является общедоступная база данных «Офицеры флота» ([URL: офицерыфлота. рф](http://URL:офицерыфлота.рф)).

учебным заведениям. Лучше всего известны судьбы выпускников МУ, значительно хуже — МИУ и ОГК, о выпускниках КГФ сведений практически не имеется. Это подчёркивает тесный характер корпоративных связей учащихся МУ и практически полное отсутствие этих связей на КГФ. Изучаемый контингент разделился между красными и белыми практически поровну. Мы полагаем, что те, чья судьба не установлена, в большинстве своем уклонились от участия в Гражданской войне.

Нельзя не отметить, что если около 40 % выпускников МУ воевали на стороне белых, то число выпускников МИУ, выбравших этот же путь, стремится к нулю. Это лишний раз свидетельствует о том, что МУ и ОГК сохраняли более привилегированный характер, чем МИУ — если в первых двух сословные ограничения были отменены лишь в феврале 1917 года, то в последнем это случилось ещё в 1907 году¹⁰⁰.

Последний вывод можно конкретизировать, изучив выпуск МИУ 1919 г., набранный в 1915 году. Это был последний выпуск МИУ, ещё сохранявшего дореволюционный облик. Ни один из инженер-механиков выпуска 1919 года не оказался на стороне белых. Из них 22 человека участвовали в Гражданской войне в составе РККФ (3 погибли), возможно, их число надо увеличить ещё на 5, поскольку эти пятеро проживали в СССР в 20–30-е гг. Судьба 12 выпускников неизвестна, но следует обратить внимание, что среди них 6 человек были эстонцами и латышами (судя по фамилиям) и, вероятно, приняли эстонское или латвийское подданство. Подтверждён такой факт в отношении Генриха (Генриха-Августа) Карловича Нормана (1898 – после 1936), который стал офицером эстонского флота¹⁰¹.

Отметим, что Г. К. Норман не попал в 10 % выборку, которую мы анализировали. Это обстоятельство лишний раз подчёркивает принципиальную ограниченность метода анализа случайной выборки. Если в таблице 2, приведённой выше, ячейка пуста, это не означает полного отсутствия соответствующих случаев в реальности.

На первый взгляд кажется парадоксальным, что на стороне красных воевали 40 % выпускников МУ, но лишь 20–25 % выпускников ОГК, хотя МУ пользовалось славой более монархически настроенного учебного заведения. Возможно, ответ кроется в том,

---

¹⁰⁰ Подробнее см.: *Назаренко К. Б.* Закат царского флота: Морские офицеры Первой мировой войны. М.: 2018.

¹⁰¹ Ohvitserideadmekogu. [Эл. док.] URL: <http://prosopos.esm.ee/index.aspx?type=1&id=22530> (дата обращения: 20.08.2020 г.).

что установлена судьба практически всех выпускников МУ, тогда как о 35 % выпускников ОГК сведения отсутствуют. Рискнём предположить, что когда удастся установить судьбу всех выпускников ОГК, процент воевавших в Гражданской войне за красных станет больше.

Также обращает на себя внимание то обстоятельство, что красный террор был направлен против выпускников МУ в значительно большей мере, чем против выпускников других военно-морских учебных заведений. Очевидно, это связано с монархической репутацией МУ.

В будущем мы планируем провести детальный количественный анализ биографий «старого» морского офицерства.

МЕДИЦИНСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ МАССОВОЙ ЭВАКУАЦИИ БЕЖЕНЦЕВ ИЗ КРЫМА В БИЗЕРТУ В 1920 ГОДУ

В создавшейся военно-политической обстановке к середине ноября 1920 года все исправные корабли, вспомогательные и транспортные суда Российского Черноморского флота, числом 149 единиц, имея на фор-стенге¹⁰² французский флаг, ушли из портов Крыма в Турцию. Из них 43 корабля несли Андреевский флаг, остальные — торговый, трёхцветный.

В состав этой армады вошли: 1 новейший линейный корабль, 1 старый броненосец, 2 крейсера, 10 эсминцев, 4 подводные лодки, 12 тральщиков, 119 транспортов и вспомогательных судов. На них находилось 145 693 человека, из которых 116 758 составили военные и 28 935 — гражданские лица. Среди них раненых и больных — около 7 000 человек. Севастопольский морской госпиталь эвакуировался всем личным составом на плавмастерской «Кронштадт», переоборудованной в транспорт [1, с. 3–9].

Эвакуация происходила из нескольких портов. Солдаты и офицеры врангелевской армии уходили в приказном порядке, имея «законное право» на место на корабле. Несколько сложнее приходилось гражданским лицам. Исходя из дислокации Русской армии, из Ялты эвакуированы 13 000 человек, Евпатории — 8 000, Феодосии — 30 000, остальные — из Керчи и Севастополя.

11 ноября 1920 года командующий войсками Юга России генерал Врангель отдал свой последний приказ по армии и Крыму.

ПРИКАЗ

**Правителя Юга России и главнокомандующего Русской армией
Севастополь 29 октября 1920 г.**

Русские люди!

Оставшаяся одна в борьбе с насильниками, Русская армия ведёт неравный бой, защищая последний клочок русской земли, где существуют право и правда. В сознании лежащей на мне ответственности я обязан заблаговременно предвидеть все случайности.

---

¹⁰² Фор-стенга — надставка над передней мачтой для крепления сигнальных флагов.

По моему приказанию уже приступлено к эвакуации и посадке на суда в портах Крыма всех, кто разделил с Армией её крестный путь, семей военнотружущих, чинов гражданского ведомства с их семьями и отдельных лиц, которым могла бы грозить опасность в случае прихода врага.

Армия прикроет посадку, памятуя, что необходимые для её эвакуации суда стоят в полной готовности в портах согласно установленному расписанию. Для выполнения долга перед армией и населением сделано всё, что в пределах сил человеческих.

Дальнейшие пути наши полны неизвестности. Другой земли, кроме Крыма, у нас нет. Нет и государственной казны. Откровенно, как всегда, предупреждаю всех о том, что их ожидает.

Да ниспошлет Господь всем сил и разума одолеть и пережить русское лихолетие.

Генерал Врангель

Здесь следует отметить, что после продолжительных переговоров командующего войсками Юга России барона Врангеля с представителями Антанты было подписано обязательство: «Отдавая себе отчёт в том, что Франция — единственная держава, признающая правительство Юга России и оказавшая ему материальную и моральную помощь, я отдаю мою армию и мой флот и всех, кто за мной последовал, под её (Франции) покровительство. Я рассматриваю также эти корабли как залог в уплату тех издержек, кои предстоят для оказания первой помощи, вызываемой текущими событиями». То есть Российский Черноморский Флот становился заложником французских властей.

Врангель считал, что эвакуация из Крыма прошла в образцовом порядке. Правда, были и потери. Хотя без них при проведении столь крупномасштабных операций обойтись невозможно.

21 ноября 1920 года флот был реорганизован в Русскую эскадру. Ею командовал вице-адмирал М. А. Кедров. Эскадра, хотя и испытывала недостаток в личном составе, вооружении, топливе, воде и продовольствии, всё же представляла собой внушительную силу. Задача французских властей сводилась к обеспечению минимума расходов на содержание эскадры и в то же время к сохранению военных кораблей в боеготовности для их дальнейшего использования в своих интересах.

Рис. 1. Дмитрий Белокин. Белая Россия. Исход

Медицинское обеспечение исхода русских частей и кораблей из Крыма возлагалось на Санитарную часть военных контингентов Русской армии Юга России. Обеспечение складывалось из четырёх периодов:

1. Подготовительного,
2. Перехода кораблей,
3. Промежуточной стоянки,
4. Окончательного базирования.

Медицинские мероприятия проводились по двум основным направлениям: санитарно-гигиеническому (противоэпидемическому) и лечебно-профилактическому.

В подготовительном периоде на большинстве кораблей и судов были проведены дезинсекционные и дератизационные мероприятия. Дело в том, что на всех кораблях было очень много тараканов и крыс. В условиях военной неразберихи их количество выросло многократно. Они являлись разносчиками многочисленных инфекционных болезней. Тараканов травили дымовыми пашками, дустом. Крыс вытравливали пищевыми приманками с ядом, вылавливали самыми различными петлями и ловушками.

Большое внимание уделялось хлорированию пресной воды, заливаемой в питьевые цистерны. При загрузке на борт кораблей провизии особого выбора не было. В основном это были мука, крупы, овощи, консервы. Гражданские беженцы приносили с собой клетки с живыми курицами, яйца, сало, вяленую рыбу, сухари, сахар, варенье, мёд.

Никакого диспансерного предподоходного медицинского обследования членов экипажей, а тем более беженцев, не проводилось.

Рис. 2. Массовая посадка белогвардейцев на корабли

Во время перехода кораблей и судов возникли исключительно сложные проблемы с размещением беженцев, их питанием, водоснабжением, обеспечением туалетами (гальюнами), хранением имущества [2, с. 162–168]. Беженцев размещали во всех пригодных для пребывания людей помещениях по типу плацкартных вагонов. Спали по очереди. Никакого постельного белья не было. На корабельных (судовых) камбузах велось круглосуточное приготовление пищи. Экипаж питался в первую очередь, затем, в несколько смен, беженцы. Паёк беженцев состоял из миски похлёбки или каши и куска хлеба, как правило, два раза в сутки. Пользование ватерклозетами из-за большой скученности людей было крайне затруднено. Поэтому на большинстве судов из подручных средств сооружались забортные гальюны, по типу «скворечников» на садовых участках.

Раненых и больных размещали в штатных корабельных лазаретах и смежных кубриках команды. Медицинская помощь оказывалась как штатными медиками, так и медроботниками из числа беженцев. Набор лекарственных средств был крайне ограничен.

В сочетании со скудностью пищевого рациона это приводило к затяжному течению болезней, длительному заживлению ран.

И вообще путь исхода эскадры был достаточно плотно испещрѐн белыми кулями завѐрнутых в полотняные простыни тел погибших беженцев, опущенных в кильватерную струю кораблей.

В период промежуточных стоянок Управление санитарной частью первоначально располагалось в Константинополе, а с конца 1921 года — в Софии в Болгарии. Ему принадлежала руководящая роль в установлении ближайших задач и потребностей момента. Выполнение этих задач на кораблях и судах, стоящих на рейде, проводилось, как и во время переходов, штатными медиками команд и медработниками из числа беженцев. В беженских лагерях медицинская помощь осуществлялась учреждениями Российского Красного Креста, Всероссийского Земского Союза и Союза Городов при тесном содействии со стороны французского военного командования и Американского Красного Креста.

Рис. 3. Карта-схема эвакуации беженцев из Крыма

Первые суда с русскими беженцами, эвакуированными из Крыма, появились на константинопольском рейде 12 ноября 1920 года. Пребывание беженцев на судах, стоявших на рейде, становилось невыносимо тяжѐлым во всех отношениях. Не хватало пресной воды и продовольствия, чистого белья и медикаментов. Начались вспышки заразных (инфекционных) заболеваний. Французское командование стало перед необходимостью безотлагательного переселения беженцев с судов в лагерь.

Почти одновременное прибытие на Константинопольский рейд громадного количества кораблей и судов (а именно — 126) потребовало огромных материальных и финансовых средств, чего в действительности не оказалось. Лагеря для беженцев оказались в значительной степени не подготовленными, несмотря на весомую помощь французского военного командования. Большинство из них требовали капитального ремонта, финансовых вложений. Это задерживало спуск пассажиров с судов, на которых русские беженцы продолжали жить по две и более недели, вместо ожидаемых 2–3 дней. Жизнь на судах становилась всё более тяжёлой и невыносимой. Вода и продовольствие подвозились не регулярно. С судов начались побег.

Командующий французской эскадрой в восточной части Средиземного моря адмирал Де Бон 20 ноября 1920 года отдал приказ о скорейшем свозе с судов раненых и больных. Для этого были обращены в плавучие госпитали и оставались временно под ранеными пароходы «Ялта» на 1500 человек, «Цесаревич Георгий» на 1000 человек и «Румянцев» на 300 человек. Остальных (от 4 до 5 тысяч раненых и больных) было предложено свезти в береговые госпитали в Ильдиз, Мальтепе, Терапия, Зейтин-Бурну, Жиффар, Румели-Гиссар, Харбие и при русском посольстве в Константинополе.

Турецкие власти не позволили пришвартоваться кораблям Русской эскадры в Константинополе (Стамбуле). Для разных кораблей Русской эскадры различными оказались и конечные пункты эвакуации. На остров Лемнос на пароходах «Владимир», «Дон», «Лазарев» направлялось 15 400 человек из состава Кубанских частей. В Галлиполи на пароходах «Херсон», «Саратов», «Моряк», «Русь», «Крым», «№ 412», «Сарыч», «Корнилов», «Херсонес», «Инкерман», «Самара», «Аскольд», «Пандия» и «Казбек» — 32 300 человек из состава донских армейских частей.

Здесь начинается период медицинского обеспечения промежуточной стоянки.

В Константинополе непосредственно Русскому Красному Кресту принадлежали госпитали святого Николая на территории русского посольства (со штатной вместимостью 180 коек в 5-ти отделениях) и Ильдиз (на 300 коек). Действовали приёмные покои Красного Креста в лагерях Тузла, Буюк-Дере, на острове Халки, амбулатории в Константинополе, санатории на берегу Босфора, детский пансионат-санаторий в Бебеке. Последний занимался сложной деятельностью по выхаживанию детей грудного возраста, родившихся в тяжелейших условиях эмиграции или брошенных своими родителями.

В октябре 1921 года в Константинополе и его окрестностях, не считая военных лагерей, находилось более двух тысяч инвалидов. Из них утративших свыше 40 % трудоспособности (по ныне действующим критериям инвалидов 2-й группы) — 1400, а из числа нуждающихся в постоянном уходе (инвалиды 1-й группы) — 840 человек. Инвалидные дома Красного Креста оказывали помощь 300-м увечным. Инвалидный дом в Арнаут-Кей располагал пятью мастерскими: столярной, сапожной, портняжной, переплётной и художественной. В них инвалиды проходили медико-социальную реабилитацию, приобщались к общественному труду.

Российскому Красному Кресту совместно с другими общественными организациями практически без подготовки удалось организовать гуманитарную помощь, способствующую первичной адаптации выходцев из России в Турции, куда многие прибыли без средств к существованию.

Санитарная часть имела своих представителей-врачей во всех военных лагерях в Турции, Сербии и Болгарии. Среди них находились военные и гражданские врачи Севастопольского морского госпиталя, частей и кораблей Черноморского флота. Указанные врачи занимались:

- санитарно-гигиеническими мероприятиями, такими как борьба с возникшими в лагерях инфекционными заболеваниями и предупреждением развития новых, открытие бактериологических лабораторий в Галлиполи и на Лемносе;
- организацией оказания врачебной помощи по всем специальностям;
- устройством домов инвалидов;
- обеспечением военных контингентов лагерей медицинским персоналом, бельём, одеждой, оборудованием, хирургическими инструментами;
- организацией дополнительного и диетического питания больных, особенно туберкулёзом.

На этих же врачей-представителей возлагалась забота о детях. В военных лагерях на Лемносе и в Галлиполе были открыты детские приюты.

Общее число больничных коек в медицинских учреждениях военных лагерей в январе 1921 года составило 5000.

В это число входили:

- в Галлиполи 5 госпиталей (больниц) в лагерях беженцев, не считая лазаретов и приёмных покоев с числом коек менее 25. Туберкулёзный санаторий на 50 коек. Дом инвалидов на 30 коек.

- на Лемносе 3 госпиталя (больницы) и туберкулёзный санаторий на 40 коек. Дом инвалидов на 40 коек.

- в Чаладже до конца марта 1921 года, т. е. до времени переброски частей беженцев на Лемнос — 4 госпиталя — по одному на каждый из 4-х лагерей.

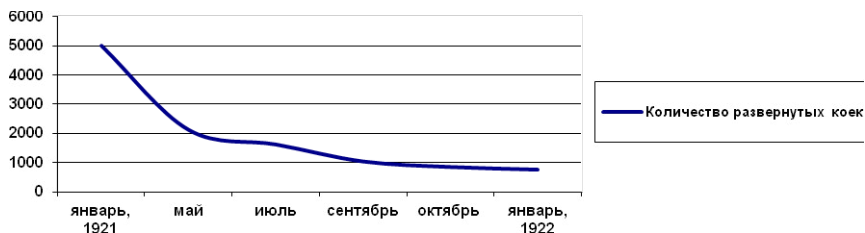
- в других местах расселения:

- в Сербии 2 лазарета — в Гевгели и Бранской Бане,

- в Болгарии 2 госпиталя — на 150 коек в Тирнове и Старой Загоре, 1 на 100 коек в Свщеве.

Кроме того при каждой части или училище были небольшие лазареты на 5–25 коек.

В последующее время, в течение одного года, в связи с переселением беженцев в славянские страны и уменьшением численности больных в лагерях, количество больничных коек стремительно снижается за год до 765.

Рис. 4. Количество развёрнутых коек

Только в 1921 году в госпиталях, лазаретах и приёмных покоях (в последних лечились только легкораненые и больные) прошли стационарное лечение 21 361 человек. Ими проведено 235 000 койко-дней. Средняя продолжительность госпитализации составила 11 суток. Амбулаторное лечение получили больные при 183 714 обращениях. Стоматологическую помощь получили более 10 000 человек.

В структуре заболеваний преобладали инфекционные болезни — 13 208 случаев, перемежающаяся лихорадка — 1275 случаев, острые желудочные заболевания — 1140, туберкулёз — 783.

За год зарегистрировано 166 родов. Проведено свыше 1000 операций.

Число умерших в госпиталях в 1921 году составило 327 человек. Из них инфекционные больные — 168, туберкулёз — 79, острые желудочные — 15.

На санитарную часть были возложены задачи по медицинскому освидетельствованию:

- состояния здоровья военных чинов на предмет определения годности перевода их в боевые части;
- всех беженцев на предмет утраты ими трудоспособности для получения ими пособий, бесплатного питания, мест в общежитии, лечения;
- переосвидетельствования инвалидов.

За 1921 год было освидетельствовано более 12 000 человек.

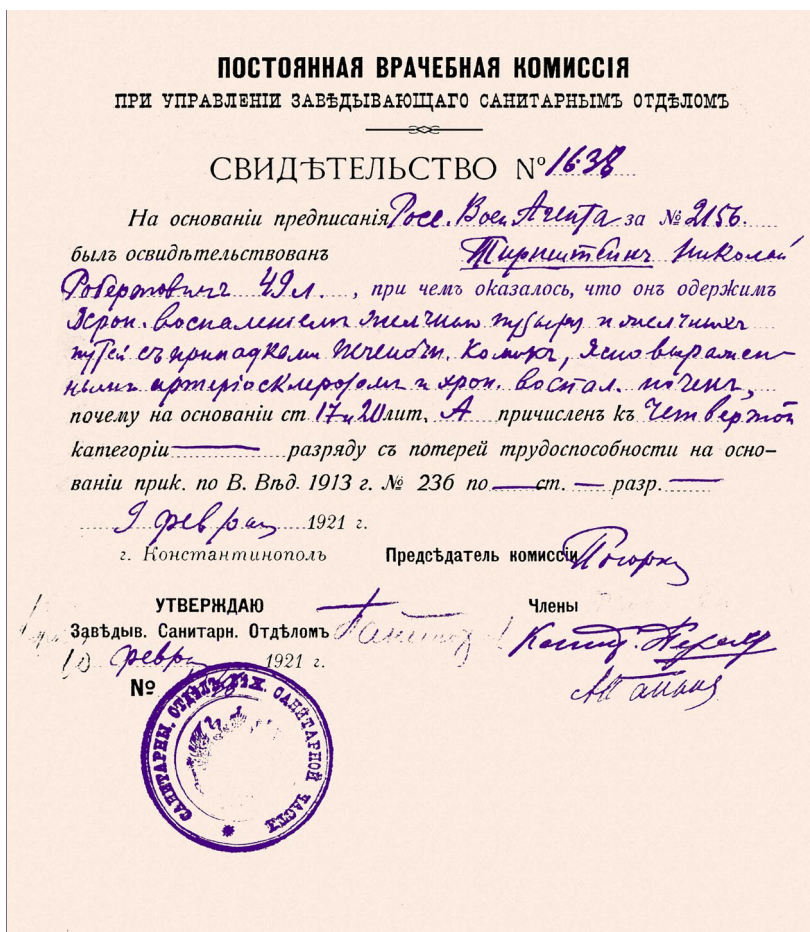

Рис. 5. Заключение медицинского освидетельствования. 1921 г.

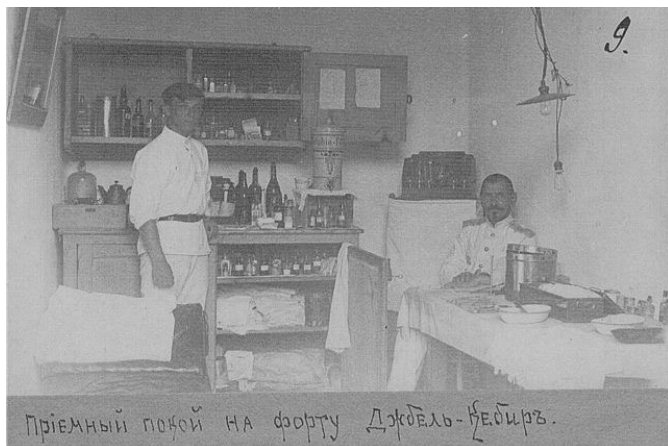
О масштабах задач, стоящих перед Санитарной частью, можно судить хотя бы по тому, что она занималась устройством в зарубежные университеты для продолжения образования значительного числа (около 300) студентов-медиков и зауряд-врачей, вывезенных с частями армии из Крыма. В медицинских представительствах формировались научные и справочные библиотеки.

Ввиду недостатка фельдшерского персонала Санитарной частью были открыты три фельдшерские школы в Галлиполи, на Ламносе и Тузле. Из них после соответствующих экзаменов выпущено 64 фельдшера.

В деятельности медицинских чинов Черноморского флота, прибывших в Константинополь в составе беженцев из России, и находившихся там представителей зарубежных национальных обществ Красного Креста по оказанию помощи российским эмигрантам значительную роль играли общечеловеческие, а не классовые соображения. Врачи работали в тесном контакте с православными священниками [3, с. 21–24].

К окончательной стоянке в порт Бизерта (Тунис) после 1200-мильного нелёгкого перехода в декабре 1920 года прибыло 34 корабля и судна. На их бортах находилось около 5000 человек, из которых 700 офицеров, 2000 членов экипажей (команды) и 250 членов семей — жён и детей.

Прибывший флот сумел обеспечить достаточно высокое медицинское обслуживание не только своей колонии, но и местного населения. Так русскими врачами оказывалась помощь в военных

Рис. 6. Приёмный покой лазарета в форту Джбелль-Кебир

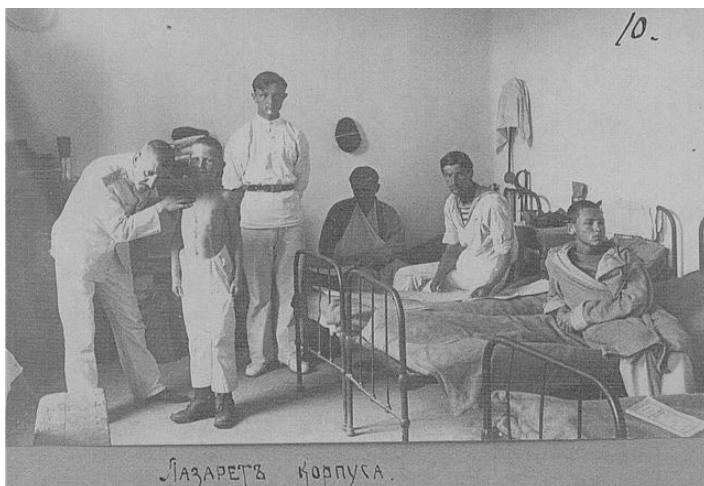
лазаретах в Сиди Абдалл и Карубе до весны 1922 года. В лагере Руми был организован лазарет силами Красного Креста с русским медицинским персоналом. До осени 1922 года на морском транспорте (плавбаза подводных лодок) «Добыча» функционировала операционная.

Одна из первых женщин-врачей, прикомандированных к Морскому ведомству — Людмила Сергеевна Монастырёва. Коренная москвичка. Оказалась в составе Русской эскадры. Во время Первой мировой войны — врач госпитального судна Черноморского флота «Пётр Великий». С 1920 года в эмиграции в Тунисе. Врач на большом линейном корабле «Георгий Победоносец». Основательница поликлиники для неимущих в Тунисском г. Табарка [4, с. 243–257].

*Рис. 7. Л. С. Монастырёва —
врач линейного корабля «Георгий Победоносец»*

В июле 1921 года на самом современном судне — плавмастерской «Кронштадт» — вспыхнула вспышка бубонной чумы. Всех членов экипажа и пассажиров высадили на берег. Больных отправили в госпиталь в Сиди-Абдалла. Там умерло 8 больных чумой. Под предлогом дезинфекции судно увели в Тулон. Больше в состав Русской эскадры оно не вернулось.

Рис. 8. Лазарет кадетского корпуса

Приказом Командующего Русской эскадрой флагманским врачом в Бизерте был назначен Владимир Иванович Бологовский. [5, с. 243–257].

Под его руководством работал коллектив медицинских чинов морского ведомства, прибывший в составе эскадры, в количестве 28 человек.

Рис. 9. Флагманский врач Бизертской эскадры В. И. Бологовский

Доктор В. И. Бологовский – участник Русско-японской войны (1904–1905 гг.). С 1912 по 1917 годы работал в Кронштадтском морском госпитале. Умер в Бизерте в 1950 году. Похоронен на Христианском кладбище Боржель в Бизерте (Тунис).

*Рис. 10. Бологовский В. И. (1870–1950).
Христианское кладбище Боржель. Бизерта (Тунис)*

Беженцы из России и тунисцы боготворили флотских медиков за высокое качество медицинской помощи, благородство, человеколюбие и самоотверженность. Качество оказания медицинской помощи в сложившихся условиях следует признать вполне удовлетворительным.

**СПИСОК ВРАЧЕЙ МОРСКОГО ВЕДОМСТВА в БИЗЕРТЕ
на 25.03.1921 г.¹⁰³**

1. Александров Константин, зауряд-врач¹⁰⁴
2. Альгин Сергей, лекарь¹⁰⁵
3. Аристов Василий, действительный статский советник
4. Бобкова Елена, зубной врач
5. Бологовский Владимир, коллежский советник
6. Бычков Пётр, коллежский асессор
7. Галеко Алексей, лекарь
8. Гаранин Пётр, лекарь
9. Гребницкий Вячеслав, лекарь
10. Дорошевский Николай, лекарь
11. Жуков Сергей, коллежский асессор
12. Золотилов Борис, коллежский советник
13. Кожин Александр, действительный статский советник
14. Кораблёв Борис, действительный статский советник
15. Марков Николай, статский советник
16. Миллер Николай, лекарь
17. Миронов Анатолий, статский советник
18. Монастырёва Людмила, врач
19. Мурзин Михаил, коллежский советник
20. Петров Николай, провизор
21. Розендорф Анатолий, коллежский асессор
22. Ростовцев Сергей, лекарь
23. Сакович Сергей, коллежский советник
24. Снятиновский Алексей, зауряд-врач
25. Соловьёв Пётр, коллежский асессор
26. Тихомиров Дмитрий, коллежский асессор
27. Чернай Фёдор, надворный советник
28. Хомиченко Елена, зубной врач
29. Яловигов Илья, надворный советник

---

¹⁰³ Бизертский Морской Сборник. 1921–1923. Избранные страницы. Москва : «Согласие», 2003. С. 521. (ГА РФ, ф.–р. — 5903, оп. 1, д. 606).

¹⁰⁴ Зауряд-врач — звание лиц без высшего медицинского образования, допущенных к врачебной деятельности во время войны.

¹⁰⁵ Лекарь — звание, получаемое по завершении высшего медицинского образования, считавшееся также первой ученой степенью в медицине.

В октябре 1924 года французское правительство официально признало СССР. Военно-морской префект Бизерты адмирал Эксельманс собрал на борту эскадренного миноносца «Дерзкий» всех офицеров и гардемарин Русской эскадры. Его выступление было кратким. Он сообщил распоряжение правительства Франции — «...на Российских кораблях спустить Андреевские флаги, а экипажам сойти на берег».

Рис. 11. Сергей Пен. Спуск Андреевского флага

Не только у моряков, но и у всех русских людей дрогнуло сердце, когда 29 октября 1924 года в 17 часов 25 минут с заходом солнца на всех кораблях Бизертской эскадры раздалась команда: «На флаг и гюйс», а спустя минуту — «Флаг и гюйс спустить». Так перестала существовать Русская эскадра в Бизерте.

В сложный исторический период формирования Советского государства в 20-е — 30-е годы прошлого века, в период электрификации и индустриализации всей страны, по причине классовой борьбы и нетерпимости, своевременно не был проанализирован опыт организации уникальной по масштабам эвакуации 150 тысяч военнослужащих и гражданского населения морским путём в другие государства. Как не были проанализированы и медицинские аспекты обеспечения огромного количества беженцев.

Рис. 12. Епископ Кронштадтский Назарий (Лавриненко) и профессор Евгений Никитин на конференции в Центральном военно-морском музее. 21 ноября 2019 г.

Это привело к тому, что к началу Великой Отечественной войны на Черноморском флоте не было научно обоснованной программы мобилизации кораблей и судов для массовой эвакуации населения и воинских контингентов. Не были решены и вопросы эвакуации раненых и больных с помощью госпитальных судов. Что в свою очередь привело к неоправданно высоким уровням боевых и санитарных потерь.

Опыт медицинских организационных мероприятий при массовой эвакуации из Крыма военнослужащих и беженцев в 20-х годах прошлого столетия может быть во многом востребован, учтён и полезен и в нынешнее время.

Литература

История Русской эскадры в Северной Африке. Церковь и флот. (Под ред. проф. Никитина Е. А.). — Санкт-Петербург : Издательство Александро-Невской Лавры, 2009. — С. 3–9 [Nikitin E. A. The story of Russia squadron in North Africa. Church and Navy. Publishing house of the Alexander Nevskiy Lavra. St. Petersburg. 2009. pp. 3–9 (in Russ.)].

- Ширинская А. А.* Бизерта. Последняя стоянка. — Санкт-Петербург : Издательство Фонд содействия флоту «Отечество», 2003. — С. 162–168 [Shirinskaya A. A. Bizerte. Last parking. St. Petersburg. Publishing House Fleet Assistance Foundation «Fatherland». 2003. pp. 162–168 (in Russ.)].
- Шкаровский М. В.* Русское Православие в Тунисе. — Санкт-Петербург : Издательство Александро-Невской Лавры, 2012. — С. 21–24 [Shirinskaya A. A. Bizerte. Last parking. St. Petersburg. Publishing house of the Alexander Nevskiy Lavra. St. Petersburg. 2012. pp. 21–24 (in Russ.)].
- Науменко П. И.* Семья Монастырёвых. — Вестник морского врача. № 3 (3). — Севастополь, 2007. — С. 243–257 [Naumenko P. I. Monastirev family. Bulletin of the marine doctor. No. 3 (3). Sevastopol. 2007. pp. 243–257 (in Russ.)].
- Осадчий А. С., Зубарев А. А.* Верность клятве Гиппократ (Деятельность медицинских чинов Черноморского флота, Санитарной части и РОКК в 1920–1925 годах). — Вестник морского врача. № 3 (3). — Севастополь, 2007. — С. 208–218 [Osadchy A. S., Zubarev A. A. Loyalty to the oath of Hippocrates (The activities of medical officers of the Black Sea Fleet, the Sanitary Unit and the RCSC in 1920–1925). Bulletin of the marine doctor. No. 3 (3). Sevastopol. 2007. pp. 208–218 (in Russ.)].

И. М. Павлова

МУЗЫКАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ БИЗЕРТЫ

*Рассеяны, но не расторгнуты
(девиз кадетов в эмиграции)*

«Беженцы, потерявшие всё, порой даже уважение к самим себе, обретали чувство собственного достоинства перед Богом, когда начинали петь русские песни...» — из воспоминаний А. А. Манштейн-Ширинской.

В год 100-летия «Русского исхода» особенную важность приобретает история сохранения русского музыкального наследия за рубежом.

Тема музыки в эмигрантской колонии, в частности, в Тунисе (Бизерта), является малоизученной, но открывает широкие возможности для исследований.

Несмотря на образцовую организацию эвакуации генералом П. Врангелем, расставание с Россией для Русской эскадры имело экстраординарный характер и происходило в сложнейших условиях. И всё же военные вывезли с собой не только семьи, но и частицы духовного и культурного наследия Родины.

Так, характерными чертами этой колонии был высокий уровень образования и культуры — «тут вполне уместно будет слово “интеллигенция”» — пишет К. В. Махров в своих воспоминаниях.

Частные уроки

Когда беженцы освоились со своим новым положением, нужно было пополнять ресурсы, кормить семью — и музыка «кормила».

Музыкант и композитор И. М. Шадрин днём играл в кафе с оркестром, а вечером — в кинотеатре за плату 750 франков в месяц. «Играя в кафе, я незамедлительно нашёл уроки на пианино, а к первому октября был приглашён в частную женскую школу профессором музыки».

Отец и сын Плотто вспоминали: «...когда я приходил домой, мама, которая давала уроки пианино, убегала и бегала по частным урокам к школьникам, которые к тому времени освобождались от занятий... зарабатывать нужно было всё время, всё время работать... мама и другие музыканты были тапёрами в немом кинематографе». (Речь о дочери генерал-губернатора С. К. Кульстрема, первой жене В. А. Плотто.) «Худенькая и слабенькая на вид, она

обладала исключительной энергией. Чтобы воспитывать двоих детей, она давала до семнадцати получасовых уроков пианино. Каждый вечер и даже в воскресенье она играла в оркестре кинотеатра “Ампир”. В антрактах она засыпала на несколько минут на коврик за занавесью. Веребочка, привязанная за щиколотку, давала возможность... её будить, если она засыпала над клавиатурой».

На протяжении существования колонии с 1924–1960-х годов Союз русских офицеров, Союз ветеранов, а позднее приходской совет, были «инициаторы большинства начинаний и мероприятий, благодаря которым жизнь русской колонии приобрела характерную окраску: отмечались памятные события, дни рождения, проводились религиозные праздники, балы, новогодние ёлки, музыкальные концерты, благотворительные продажи, действовала четверговая школа. Некоторые из этих мероприятий были чисто русскими, как, например, религиозные праздники...» (К. В. Махров). Православные праздники начали отмечать сразу по прибытию в Тунис.

Русские песни, русские молитвы

«Наша Русская эскадра < ...> прибыла в Бизерту 3 января 1921 года, за три дня до нашего русского праздника Рождества Христова все высшие французские представители армии, флота и городского управления посетили наш флагманский крейсер “Генерал Корнилов”. В этот день эскадренный оркестр в составе 48 музыкантов под моим управлением впервые официально выступил за границей и имел заслуженный успех у иностранцев. После этого оркестр сразу начали приглашать для участия в разных празднествах французских организаций...

Приближалась Пасха. Своей церкви у нас ещё не было, службы совершались в столовой кооператива. Я впервые организовал церковный хор, который радостно пропел на Светлой Христовой Заутрени “Христос Воскресе!” С этого времени наша русская церковь стала иметь свой хор», — так вспоминает эти праздники музыкант Шадрин.

Иван Михайлович Шадрин (1878–1970)

Уроженец Санкт-Петербурга, выпускник Санкт-Петербургской консерватории, служил в Императорской придворной капелле. Прибыл в Бизерту на крейсере «Генерал Корнилов».

Вклад Шадрина в музыкальную жизнь Туниса поистине огромен. Помимо церковного хора он создал цыганский хор, балалаечный оркестр, организовал русский смешанный хор под названием «Русская капелла», состоявший из 52 хористов.

23 февраля 1929 года «Русская капелла» дала свой первый концерт в Тунисе в итальянском зале Dante Alighieri, который был переполнен. Концерт имел заслуженный успех. «Отзывы прессы были восторженными, а русские исполнители горды, что смогли преподнести иностранцам русскую музыку во всей её красе».

Для популяризации, «защиты» и изучения классической музыки Шадрин организовал музыкальную школу, а для поддержания школы — Музыкально-художественное общество.

В 1931 году Иван Михайлович создаёт муниципальный арабский духовой оркестр Harmonie Soussienne. Выступая с хорами и симфоническими оркестрами, он познакомил зрителей Туниса, Алжира, Марокко и Франции с русской классической музыкой. В залах звучали произведения Глинки, Даргомыжского, Бородина, Мусоргского, Чайковского, Лядова, Калининкова и других великих русских композиторов.

Кадеты, как они пели!

Из воспоминаний А. А. Манштейн-Ширинской: «На “Георгии” пели и мальчики, и девочки. Среди старших кадетов были прекрасные голоса. У Коли Полетаева был очень приятный голос, к тому же он хорошо знал русские песни. Летом, когда спадала жара, когда воды темнели и широкое небо покрывалось звёздами, мы устраивались на корме между двумя люками прямо на палубе и разговорам нашим не было конца. О чём только мы не рассуждали! Да, и о России тоже... И конечно, пели! Пели “Бородино”, пели “Великий 12-й год”. Хотелось плакать — так сильно переживали мы эти “напевы победы”, но это не полагалось. Можно было только петь. Петь, как поётся всё остальное, и часто даже кто-нибудь задорно переходил на веселый, модный Cake walk...»

Наш оркестр приглашали принять участие в церемонии, и русская мелодия “Коль славен” сопровождала в эти годы торжественное шествие. Везде в Тунисе, где русские обосновывались, зарождался хор: в городах, в лагерях...».

Мне кажется, музыка всегда сопровождала и жила в сердцах этих поистине отважных и сильных духом людей.

Уехав из Крыма, корабли эскадры увезли часть русской культуры, православную веру и свой язык. И эти люди рассеялись по миру и создали много очагов культуры, передав наследие и память своим потомкам.

В. К. Поликарпов

**МОРЯК, ВЕРНЫЙ ТРАДИЦИЯМ
МОРСКОГО КОРПУСА, КОНТР-АДМИРАЛ
НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ МАШУКОВ**

К 130-летию со дня рождения

Николай Николаевич Машуков — потомственный дворянин Херсонской губернии, русский, православный, родился в г. Одесса (1889). Он был одарён от природы большими способностями, что в сочетании с воспитанным в нём чувством долга и энергичным характером позволяло добиваться решения поставленных жизненных задач.

Эти качества он унаследовал от своего отца, Машукова Николая Дмитриевича. Не случайно 110 лет спустя после его смерти, в 2014 году о нём опубликована в России обширная историческая статья, характеризующая его с самой наилучшей стороны. Именно такие люди в конце XIX века обеспечили мощный экономический подъём России.

Николай Дмитриевич Машуков родился в дворянской семье 17 января 1853 года. После окончания курса наук в Императорском училище правоведения с сентября 1875 года он был принят на службу в Министерство юстиции в чине губернского секретаря.

С августа 1880 года началась его самостоятельная работа в Одесской конторе Государственного банка в должности старшего секретаря. Добросовестное отношение к своим обязанностям не осталось незамеченным, и уже в декабре 1880 года Николай Дмитриевич был представлен к ордену Святого Станислава 3-й степени, а через три года — к ордену Святой Анны 3-й степени. В конце трудовой деятельности он был удостоен орденом Святой Анны 2-й степени.

В 1899 году приказом по ведомству Государственного банка № 10 от 19 февраля Н. Д. Машуков был переведён на должность управляющего Владивостокским отделением Государственного банка. В первых числах марта Николай Дмитриевич прибыл во Владивосток и приступил к своим обязанностям, которые исполнял с присущими ему добросовестностью и усердием.

3 февраля 1904 года Николай Дмитриевич Машуков, управляющий Владивостокским отделением Государственного банка, действительный статский советник, скончался на 51-м году жизни.

Его сын, кадет Петербургского Морского корпуса Николай Николаевич Машуков остался круглым сиротой. Опекун над ним взяла его тётя Юлия Михайловна, проживавшая в Петербурге. Во время обучения в Морском корпусе его успехи шли по возрастающей линии. Он от года к году получал всё более высокие оценки по учёбе. В старшем классе оценки по всем предметам были от 10 до 12. В 1907 году приказом по Морскому корпусу он был произведён в младшие унтер-офицеры.

В архиве имеется его аттестационная характеристика, составленная в Морском корпусе его ротным командиром: «...Очень хороший, спокойный и воспитанный юноша; довольно способный и очень прилежный, усидчивый в занятиях, благодаря чему сильно повышает свои успехи в науках, поведения безукоризненного, религиозный и нравственный. Любит физические упражнения, игры, а также и чтение. Правила и требования службы исполняет внимательно и охотно, и любит своё дело. К товарищам относится хорошо и любим ими. Лейтенант фон Берг. 1 мая 1907 г.»

За период обучения Н. Н. Машуков принимал участие в морских кампаниях 1904–1907 годов. При этом его аттестации всегда были в превосходной форме: «...Очень способен к морской службе, исполнение служебных обязанностей — очень исправен, поведение — отличное, оценки в основном 11–12».

В корабельные гардемарины был произведён 6 мая 1908 года. Во время плавания на линкоре «Цесаревич» под командой капитана 1-го ранга Любимова участвовал в спасательных работах по ликвидации последствий землетрясения в Мессине. Был награждён медалью «За спасение жителей Мессины». После окончания Морского корпуса в чине лейтенанта служил на разных кораблях Балтийского флота. Сначала вахтенным начальником эсминца «Деятельный» с 3 июня 1908 года по 24 марта 1909 года, затем исполняющим должности старшего штурмана минного заградителя «Амур» с 17 апреля 1909 года по 23 июля 1910 года.

На всех должностях Н. Н. Машуков проявлял лучшие качества морского офицера. Это не оставалось незамеченным руководством флота. Поэтому были созданы условия для его профессионального роста. 13 июля 1911 года он закончил штурманский офицерский класс 2-го разряда и служил исполняющим должности флагманского штурмана отряда заградителей с 24 июня 1911 года по 1 января 1912 года.

В 1913 году Н. Н. Машуков закончил курс офицерского артиллерийского класса и был направлен младшим штурманом линкора

«Император Александр II». В том же году он был помощником преподавателя артиллерийского класса и преподавателем класса гальванеров. С 17 июля 1914 года его назначили младшим артиллерийским офицером строившегося линкора «Гангут».

С августа 1914 года Н. Н. Машуков исполнял должность старшего артиллерийского офицера линкора «Петропавловск», а с февраля 1915 года служил вторым артиллерийским офицером того же корабля. Одновременно с декабря 1916 года он является помощником заведующего артиллерийским классом.

Из аттестации на 2-го артиллерийского офицера линейного корабля «Петропавловск» лейтенанта Н. Н. Машукова, составленной командиром корабля капитаном 1-го ранга В. К. Пилкиным: «...Очень хороший офицер, с развитым чувством долга, большим трудолюбием, отличным знанием своего дела. Исполнял 6 месяцев обязанности старшего артиллериста на корабле во время вооружения, и, благодаря его указаниям и настойчивости, была достигнута в назначенный срок боевая готовность артиллерии. Заслуживает поощрения и дальнейшего движения по службе. 25.08.1915».

В 1915 году он закончил курс офицерского артиллерийского класса 1-го разряда и был помощником преподавателя артиллерийского класса. Затем он был назначен наблюдающим по артиллерийской части за постройкой кораблей в Балтийском море. В своей деятельности он не ограничивался освоением и применением на практике теоретических знаний. Им было составлено подробное «Наставление...» по обслуживанию артиллерийских орудий (издано в Петрограде в 1916 году).

Имел награды: Св. Станислава 3 степени (06.12.1914 года, за усилия по введению линкора «Петропавловск» в строй), Св. Анны 3 степени с мечами и бантом (21.03.1916 года), Св. Станислава 2 степени с мечами (награждён командующим Черноморским флотом 30.07.1916 года). Указом Временного правительства «за отличие по службе» произведён в чин старшего лейтенанта.

В октябре 1917 года Николай Николаевич — слушатель Михайловской артиллерийской Академии. Октябрьскую революцию Н. Н. Машуков не принял и в 1918 году вернулся в родной город Одессу. Начался период активного участия в Гражданской войне. В конце 1918 года, после занятия французами Одессы, он был назначен адмиралом Д. В. Ненюковым — тогда начальником Управления военно-морской базы в Одессе — командиром тральщика «Ольга» и отряда судов с задачей доставить в Новороссийск для Добровольческой армии снаряды и патроны со складов на

острове Березань. Старший лейтенант Машуков выполнил этот приказ, погрузив с помощью набранных в Одессе офицеров-добровольцев свыше 50 000 снарядов и (не заходя, согласно секретному приказу адмирала Д. В. Ненюкова, в занятый союзниками Севастополь) доставил их в Новороссийск.

10 апреля 1919 года начальник Морского управления при Главнокомандующем ВСЮР адмирал А. М. Герасимов приказал старшему лейтенанту Машукову принять командование вспомогательным крейсером «Цесаревич Георгий» с задачей сопровождать транспорты для того, чтобы погрузить отступившую в Румынию из Одессы Добровольческую бригаду генерала Н. С. Тимановского, которую французы, покидая Одессу, отказались принять на свои суда.

В конце апреля старший лейтенант Н. Н. Машуков прибыл со своим отрядом в устье Дуная. Не дожидаясь разрешения от румынского командования, он погрузил в Тульче бригаду генерала Н. С. Тимановского на корабли и доставил её (более 3000 человек) в Новороссийск. 14 мая 1919 года главный командир портов на Чёрном море, адмирал М. П. Саблин, приказал старшему лейтенанту Н. Н. Машукову выйти с отрядом офицеров на «Цесаревиче Георгии» в сопровождении буксиров на остров Тендеру, где французы оставили канонерские лодки «Кубань», «Донец» и ряд транспортов. С большим трудом старший лейтенант Н. Н. Машуков привёл на буксирах канонерскую лодку «Кубань» и пять больших транспортов в Новороссийск. Приведённые транспорты легли в основу транспортного флота Морского управления при штабе ВСЮР. В июне 1919 года старший лейтенант Н. Н. Машуков на своём вспомогательном крейсере участвовал в обстреле Очакова и высадке десанта в устье Буга.

В обстановке напряжённой гражданской войны Н. Н. Машуков поднимает перед командованием вопрос о возрождении в Севастополе Морского корпуса. Верховное командование сначала не поддержало его. Но была моральная поддержка морских офицеров Черноморской эскадры и его преподавателя и воспитателя по Морскому корпусу капитана 2-го ранга В. В. фон Берга. Позже, уже будучи контр-адмиралом, Н. Н. Машуков вспоминал, что «...этот неожиданный двухчасовой контакт с капитаном 2-го ранга В. В. Бергом решил судьбу возникшего вновь в Севастополе Морского корпуса...» Ему удалось получить поддержку командования!

Н. Н. Машукова назначили председателем комиссии по анализу этого вопроса. И с этой минуты два с половиной месяца днём

и ночью, не покладая рук, работал Н. Н. Машуков, перемещаясь из Таганрога в Новороссийск, оттуда — в Севастополь, в Одессу, в Земский Союз, в Дамский комитет, в Красный Крест, прося, уговаривая, настаивая и требуя средств на пропитание, обмундирование и обучение будущих гардемарин и кадет.

Н. Н. Машуков был назначен заведующим делами Морского корпуса в Севастополе, с оставлением его в должности командира вспомогательного крейсера «Цесаревич Георгий». Машукову предлагали должность директора корпуса. Но он отказался, так как считал, что на этой должности должен быть уважаемый всеми и в более высоком чине человек. Директором был назначен контр-адмирал С. Н. Ворожейкин.

Для рассмотрения штатов морского корпуса назначается комиссия под председательством заведующего делами Морского корпуса старшего лейтенанта Машукова и членов: 1) капитан 2-го ранга Берг, 2) капитан 2-го ранга Воробьев. 3) коллежский советник Левитский, 4) казначей Штаба коллежский советник Васильев, при участии генерал-майора флота А. Е. Завалишина.

Н. Н. Машуков, облечённый широкими полномочиями, полученными кредитами, выделенными Главнокомандующим вооружёнными силами Юга России генерал-лейтенантом А. И. Деникиным, энергично включился в работу. В здании корпуса приступили к срочным ремонтным работам. Комплектовался преподавательский состав и коллектив офицеров-воспитателей. Заместитель директора капитан 2-го ранга В. В. Берг занимался поиском необходимого учебного оборудования, форменного обмундирования, белья и постельных принадлежностей. На растерзанной и разграбленной Гражданской войной территории юга России он с трудом находил необходимое оборудование для укомплектования и оснащения Морского корпуса. Помогали все, кто чем мог. На складах Юго-Западного фронта получили постельное и нижнее белье. Союз земств городов выделил корпусу столовую посуду и кухонную утварь. Из реальных училищ Севастополя пришлось, с извинениями, взять обратно мебель и учебные пособия, переданные туда в год закрытия Севастопольского Морского корпуса. Частными пожертвованиями сумели прекрасно укомплектовать корпусную библиотеку, насчитывающую 3500 томов. Английская союзническая военная база в Новороссийске выделила Морскому корпусу солдатское обмундирование, небольшое количество голландок и матросских брюк. Французы подарили воспитанникам партию роскошных армейских синих форменных брюк.

В корпусе в тот период отсутствовало электрическое освещение, не было банных помещений. Энергичный Н. Н. Машуков, получив предварительное разрешение начальства, пришвартовал к корпусной пристани крейсер «Память Меркурия». Корабль стал прекрасной учебной базой для практических занятий кадетов и несения на нём регулярных учебных вахт. Мощные же электроустановки крейсера стали снабжать электроэнергией все учебные и жилые помещения корпуса морского учебного заведения. Корабельные душевые и помывочные помещения крейсера также находились в полном распоряжении корпуса, и «банный вопрос» перестал беспокоить.

Севастопольский Морской корпус стал доступен абсолютно для всех юношей, желавших поступить в него. 6 сентября 1919 года о начале приёма воспитанников широко объявили в приказе по флоту и трижды — во всех газетах, издававшихся на территории, занятой вооружёнными силами Добровольческой армии Юга России. Приём в корпус производился по конкурсу аттестатов без каких-либо сословных ограничений. 6 сентября 1919 года в Севастопольский Морской кадетский корпус зачислили 130 молодых людей со средним образованием в возрасте от 16 до 18 лет — в гардемаринскую роту; и столько же, в возрасте от 12 до 14 лет, окончивших три класса гимназии или реального училища — в младшую кадетскую роту. При этом количество кадет и гардемарин Морского училища в рядах воспитанников корпуса оказалось минимальным, поскольку большую их часть, принимавшую участие в Гражданской войне, уже прозвели в офицеры в тех армиях и флотах, где они проходили службу.

14 октября 1919 года старший лейтенант Н. Н. Машуков был произведён в капитаны 2-го ранга за громадные труды, положенные им на открытие Морского корпуса, а благодарный Флот сделал его командиром крейсера «Алмаз». 22 февраля 1920 года он был уже в чине капитана 1-го ранга.

27 декабря 1919 года командующий Черноморским флотом адмирал Саблин отдал приказ о формировании 2-го отряда Черноморского флота под командой капитана 2-го ранга Н. Н. Машукова для взаимодействия с оборонявшим Крым корпусом генерала Я. А. Слащёва. Корабли отряда Машукова, и прежде всего канонерская лодка «Терец», сыграли большую роль в обороне Арабатской стрелки зимой 1920 года, что признавали и генерал Слащёв, и генерал Врангель. В марте 1920 года отряд произведённого в капитаны 1-го ранга Машукова участвовал в спасении войск ВСЮР и их переброске из Новороссийска, Геленджика и других

портов Кавказского побережья в Крым. В мае 1920 года отряд капитана 1-го ранга Машукова перевёз из Феодосии и высадил у Кирилловки в Азовском море корпус генерала Слащёва, который, таким образом, вышел в тыл 13-й Красной армии.

1 августа 1920 года отряд капитана 1-го ранга Н. Н. Машукова высадил в станице Приморско-Ахтырской на Кубани десант генерала Улагая. С прибытием адмирала М. А. Кедрова в Крым капитан 1-го ранга Машуков сдал командование 2-м отрядом Черноморского флота контр-адмиралу М. А. Беренсу.

17 октября 1920 г. в связи со смертью адмирала М. П. Саблина Н. Н. Машуков был утверждён в должности Начальника Штаба Флота и произведён в контр-адмиралы.

Морской корпус просуществовал один год. Успели провести выпуск морских офицеров, но настало время эвакуации армии и флота из Крыма. Тяжело было прощание отъезжающих и остающихся. Адмирал Кедров и контр-адмирал Н. Н. Машуков, как отмечает генерал П. Н. Врангель, проявили исключительную энергию и профессионализм при подготовке эвакуации из Крыма и сумели мобилизовать и использовать все плавучие средства.

После непродолжительной стоянки в Константинополе Русская эскадра ушла в порт Бизерта (Тунис). Из Константинополя ушло 33 корабля и около шести тысяч моряков и членов их семей.

Доведя свой флот до берегов Африки, вице-адмирал Кедров привёл его к «тихой пристани». В глубокой бухте Каруба за белым городом Бизертой, среди высоких гор и зелёных пальм установил он свои корабли на мёртвые бочки, якоря и швартовы, заселил нагорные крепости и лагеря спасёнными им русскими людьми и глубоко задумался, что делать ему дальше. Долг был исполнен. Непочатый край работы и недюжинной энергии не позволял ему сидеть сложа руки на «мёртвых якорях». Посоветовавшись со своим начальником штаба, контр-адмиралом Н. Н. Машуковым, М. А. Кедров сдал флот и командование контр-адмиралу М. А. Беренсу и, простившись с людьми и с кораблями, на французском крейсере «Эдгар Кинз» отбыл в далёкую Францию, в Париж. Он считал, что находясь в близкой связи с правящими кругами Франции, сможет помочь и заботиться о своём флоте и о беженцах во всей полноте и возможности. Действительно, после его отъезда в Париж, Русской эскадрой заинтересовались больше, питание и медицинская помощь улучшились, помощь французских врачей подавалась всем без отказа. Русская эскадра мирно трудилась, зная, что там, в далёкой столице, неусыпно следит за нею любящий глаз её адмирала.

После отъезда М. А. Кедрова Н. Н. Машуков опять проявил свои организаторские способности и преданность флоту и Морскому корпусу. Он организовал обслуживание кораблей и вторично в своей жизни приступил к воссозданию Морского корпуса на новом месте. Прежде всего, нужно было найти подходящее место. Дождаться решения этого вопроса в Париже времени не было. Ему удалось провести успешные переговоры с французским морским префектом адмиралом Варрней. В трёх километрах от Бизерты в старом французском форте Джебель-Кебир на горе Эль-Кебир разместились учебные и жилые помещения. Под руководством Н. Н. Машукова была проведена организационная работа по налаживанию учебного процесса. Корпус во второй раз был возрождён, благодаря инициативе Н. Н. Машукова! Авторитет контр-адмирала Н. Н. Машукова, любимца флота, ещё больше укрепился. Директором Морского корпуса был назначен вице-адмирал А. М. Герасимов. Второй раз Н. Н. Машуков был «забыт».

Деятельная натура Н. Н. Машукова не могла выдержать бездействия эскадры, его угнетала бесперспективность стояния кораблей на якорях. Он понимал, что ничего кардинального он предпринять не может. Поэтому он принимает решение круто изменить свою жизнь, так как считал, что сделал для эскадры всё, что было в его силах. К январю 1923 года он — в Париже.

В 1932 году закончил Франко-Бельгийский электротехнический институт. По окончании института, став профессором, Н. Н. Машуков занимался научной и преподавательской деятельностью в Высшем Техническом институте в Париже вплоть до выхода на пенсию в 1965 году.

Н. Н. Машуков не ограничивался работами по специальности. В Париже участвовал в деятельности объединений эмигрантов. Выступал с докладами в Объединении русских инженеров и техников, Союзе русских дипломированных инженеров, Объединённом комитете инженерных и технических организаций (ОКИТО) (1940-е). Был товарищем председателя ОКИТО (с 1948), членом приходского совета святого Александро-Невского собора в Париже, входил в состав Особого комитета по сбору средств на ремонт собора (1962). Был избран председателем суда чести Союза русских инженеров (с 1964), входил в Комиссию при Союзе по оказанию помощи русским зарубежным организациям, был членом Совета Российского зарубежного воинства. Он выступал с речами на собраниях памяти императора Николая II (1949), адмирала А. В. Колчака (1950), на собрании, посвящённом 40-летию начала Белой борьбы

(1957), на открытии в Париже Дома Белого воина (1959), на освящении и открытии памятника галлиполийцам на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа (1961). Он был сотрудником журнала «Военная быль». Является автором воспоминаний «Верным Родине и флоту» и «Спасённая армия» (в рукописи).

К 1967 году он — сотрудник журнала «Военная быль». Его личный фонд хранится в «Бехметьевском архиве» (отделе редких книг и рукописей библиотеки Колумбийского университета, Нью-Йорк)

Контр-адмирал Н. Н. Машуков от своего усердия пожертвовал в Парижский собор святого Александра Невского уникальную икону, изготовленную в виде несущегося по волнам корабля с тремя парусами, на которых изображены святые покровители флота святитель и чудотворец Николай архиепископ Мирликийский, апостол Андрей Первозванный и исповедник Павел Цареградский. В русской зарубежной печати время от времени появлялись его воспоминания о былом, о пережитом, о славном прошлом Флота России.

В середине 50-х годов состарившийся на чужбине русский офицер-моряк с горечью писал: «...Наша смерть унесёт в небытие все вековые традиции бывшего Морского корпуса — колыбель офицеров Императорского флота, жизни и воспитание целых поколений...» Однако в этом вопросе Н. Н. Машуков, к счастью, ошибался.

Новое поколение русских моряков, выросшее после 1917 года, возродило традиции Морского корпуса и достойно пронесло их через все тяготы Великой Отечественной войны и успешно развивает и укрепляет их в настоящее время.

Николай Николаевич прожил жизнь, наполненную событиями исторической важности. В период жизни, связанный с его профессорской деятельностью, он не ограничивался преподаванием. Вёл научно-исследовательскую работу. Времени на создание семьи, как видно, у него не было. Он был одинок.

Много внимания он уделял изучению мемуарной и исторической литературы. С присущей ему тщательностью он не просто читал, а перерабатывал прочитанное. Сохранились в Парижском архиве книги с его пометками в тексте и соответствующими рукописными замечаниями. Они отражают мнение Н. Н. Машукова на те или иные исторические события, связанные с Первой мировой войной, революцией и Белым движением. Широта его взглядов и глубокое знание истории позволяло ему приходиться к правильным заключениям, соответствующим современным историческим представлениям.

Судя по сохранившимся его запискам, он не ограничивался исследованиями исторических событий, в которых он участвовал. Он следил за жизнью Русской Православной Церкви, анализировал её взаимодействие с Зарубежной Православной Церковью, тяжело переживая возникающие между ними трения.

Свои замечательные качества человека, гражданина и русского моряка Н. Н. Машуков проявлял на протяжении всей своей жизни. Однако одна черта его натуры осталась не изученной. Он любил выражать свои мысли в стихотворной форме. Сохранилось одно шуточное стихотворение, посвящённое И. В. Неловицкому — товарищу по службе в далёком 1920 году, написанное им за год до своей кончины.

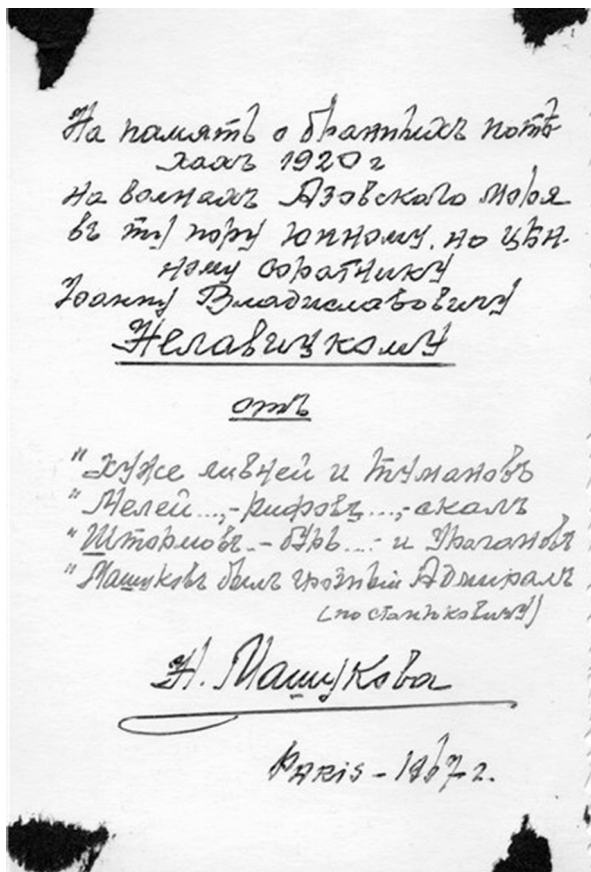

Рис. 1. Стихотворение, посвящённое И. В. Неловицкому

18 октября 1968 года после продолжительной болезни в «Русском доме» для престарелых в Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем скончался последний Начальник Штаба Императорского Черноморского флота. Могила его сохранилась на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Проект памятника выполнил архитектор Лисенко Владимир Александрович.

Так завершилась жизнь талантливого моряка, патриота России, энтузиаста Морского корпуса Николая Николаевича Машукова.

Благодарности

Сотрудникам РГАВМФ: Алексею Юрьевичу Емелину — за консультации и оказание реальной помощи в сборе материалов; Елене Викторовне Никандровой — за неоценимые советы и помощь в изучении архивных данных.

Особая благодарность семье Лукиных — Ольге Николаевне и Павлу Дмитриевичу, гражданам Франции, потомкам русских моряков, за предоставленные фотографии и биографию Н. Н. Машукова из архива АН Франции.

Литература

1. 120 лет — Амурскому Центробанку, Россия, газета «Амурская правда», 22 июля 2014 года.
2. РГАВМФ. Ф. 873. Оп. 12. Д. 198.
3. РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 54483.
4. РГАВМФ Ф. 432. Оп. 2. Д. 1334.
5. РГАВМФ Ф. 2246. Оп. 1. Д. 182.
6. РГАВМФ Ф. 417. Оп. 5. Д. 3119, 3120.
7. *Берг В. В.* Последние гардемарины. — Париж, 1931.
8. Биография Н. Н. Машукова из фондов библиотеки АН Франции.
9. Журнал «Кадетская перекличка» № 15, 1976.

М. М. Рудковская

ДОКУМЕНТЫ РУССКОЙ ЭСКАДРЫ ВО ФРАНЦУЗСКИХ АРХИВАХ

Настоящая публикация является продолжением выступления автора на международной научно-просветительской конференции Центрального военно-морского музея г. Санкт-Петербурга «Русская эскадра: люди и судьбы», которая проходила 21 ноября 2019 года.

Подготовленные материалы представляют собой иллюстрации к шестилетним изысканиям автора в разных государственных архивах Франции в рамках научной работы по теме «Русские морские офицеры на юге Франции в 1920–1930-е годы: этапы адаптации и интеграции в изгнании, индивидуальное и коллективное».

1. Документы Русской эскадры в Военно-историческом отделе Министерства обороны: Тулон и Венсен.

Военно-исторический отдел Министерства обороны в Тулоне¹⁰⁶ — тематический центр архивов по истории французского флота в Средиземном море и Индийском океане. Коллекция документов по истории Русской эскадры 1920–1922 годов представляет собой отдельные досье в составе различных фондов. Однако нам удалось выявить в общей сложности 75 дел, содержащих интересующие нас документы.

Наибольший интерес представляют:

- серии 56, 57, 58 фонда С «Эскадра Леванта и Сирии. Документы штаба»;

- серия 2 фонда А «Канцелярия Морского Префекта. Секретно. Тулон»;

- серия 2 фонда D «Приказы. Кабинет Морского Префекта. Тулон»;

- серия 1–2 фонда G «Арсенал. Тулон».

Основные вопросы и проблемы, которые освещаются в данных документах: социально-политический контекст по прибытии русских кораблей в Константинополь, вопросы политического и юридического статуса кораблей и беженцев, пребывание кораблей в Константинополе, судьба кораблей военного флота, подготовка

---

¹⁰⁶ URL: <https://www.servicehistorique.sga.defense.gouv.fr/centres-shd/toulon-division-sud-est-du-departement-du-reseau-territorial-du-shd> (дата обращения: 25.08.2020 г.).

к отправке в Бизерту, профессиональная интеграция русских моряков в период их пребывания в Константинополе и Тулоне.

Военно-исторический отдел министерства обороны в Венсене¹⁰⁷ — центральный архив Министерства обороны Франции, где на хранении находится 450 км архивов, 1 млн. печ. изданий, 18 млн. фотографий, 50 000 карт, доступных для научной работы исследователей. Подробно о коллекции документов, связанных с историей Русской эскадры, было рассказано в нашей публикации в журнале «Новейшая история России»¹⁰⁸.

Самый значительный документальный комплекс сосредоточен в серии GG4 «Фонд Врангеля»: документы штаба Черноморской эскадры и Дунайской флотилии, период до Крымской эвакуации, документы о деятельности штаба эскадры в период пребывания в Константинополе, документы штаба Русской эскадры в период пребывания в Бизерте. Также представляет интерес серия 6R, где собраны послужные списки личного состава. Отдельные документы, связанные с историей эскадры находятся в составе серий VB и SS: переписка русского и французского штабов (1VB3), переписка военно-морского агента; личные дела русских офицеров-моряков, желающих поступить на службу во французский флот (1VB7), досье о Крымской эвакуации (1VB8), переписка вице-адмирала Ле-Бон, командующего французской эскадрой в Средиземном море с Министром внутренних дел по «русскому вопросу» (SSA).

2. «Русская коллекция» в архиве Офиса по делам русских беженцев и апатридов¹⁰⁹ содержит личные дела русских беженцев и членов их семей, которые могут дать ценную и полезную информацию о социально-профессиональном статусе эмигрантов, регионе проживания, составе семьи. Также архив располагает небольшой коллекцией документов с информацией об отдельных кораблях Русской эскадры. Документы не котированы, справочно-библиографический аппарат отсутствует.

3. «Фонд Савельев» в научной библиотеке «Современность»¹¹⁰ (прежнее название — Библиотека современной международной

---

¹⁰⁷ URL: <https://www.servicehistorique.sga.defense.gouv.fr/> (дата обращения: 25.08.2020 г.).

¹⁰⁸ Рудковская М. М. Русская эскадра в 1920–1924 гг. : люди и судьбы в документах Военно-исторического архива в Венсене // Новейшая история России. №1. 2019. С. 133–143.

¹⁰⁹ URL: <https://ofpra.gouv.fr/fr/histoire-archives/archives/presentation-des-fonds/les-fonds-d-archives> (дата обращения: 25.08.2020 г.).

¹¹⁰ URL: <http://www.lacontemporaine.fr/> (дата обращения: 25.08.2020 г.).

документации) представляет собой частную коллекцию документов, принадлежавшую Сергею Савельеву, бизертинскому гардемарину 1922 года выпуска, который в 1950–1960-е года принимал активное участие в деятельности Морского собрания в Париже. Основной массив документов: информационные бюллетени о деятельности и мероприятиях Морского собрания в Париже, сведения о выпуске гардемарин 1922 года.

Документы из архива Военно-исторического отдела Министерства обороны, Тулон

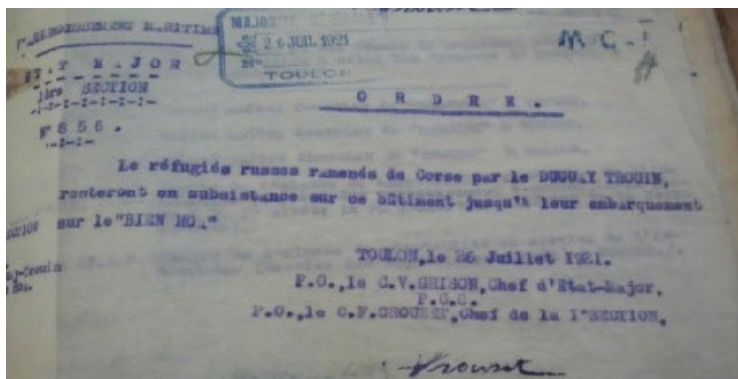

Рис. 1: Приказ о переводе русских беженцев с госпитального судна «Дюгай-Труин» на «Бен-Хоа», порт Тулона, 26 июля 1921 г.

10	Hydra	150	12 hommes de famille			
4	Korymbos		12 hommes de famille			
48	Polistiki	100	12 hommes de famille			
33	Sainte Helene	50	12 hommes de famille	✓ 9/13	5	12 hommes de famille
10	Olga					MSB
10	Olga					MSB
36	Zata Morgana		12 hommes de famille			MSB
10	Orlik		12 hommes de famille			MSB
10	Lebedi	150	12 hommes de famille	✓ 28/11		MSB
10	Nidoria		12 hommes de famille			MSB
10	55		12 hommes de famille			MSB

Рис. 2. Отчёт французской комиссии об обязательной инспекции русских кораблей, порт Константинополь, ноябрь 1920 г.

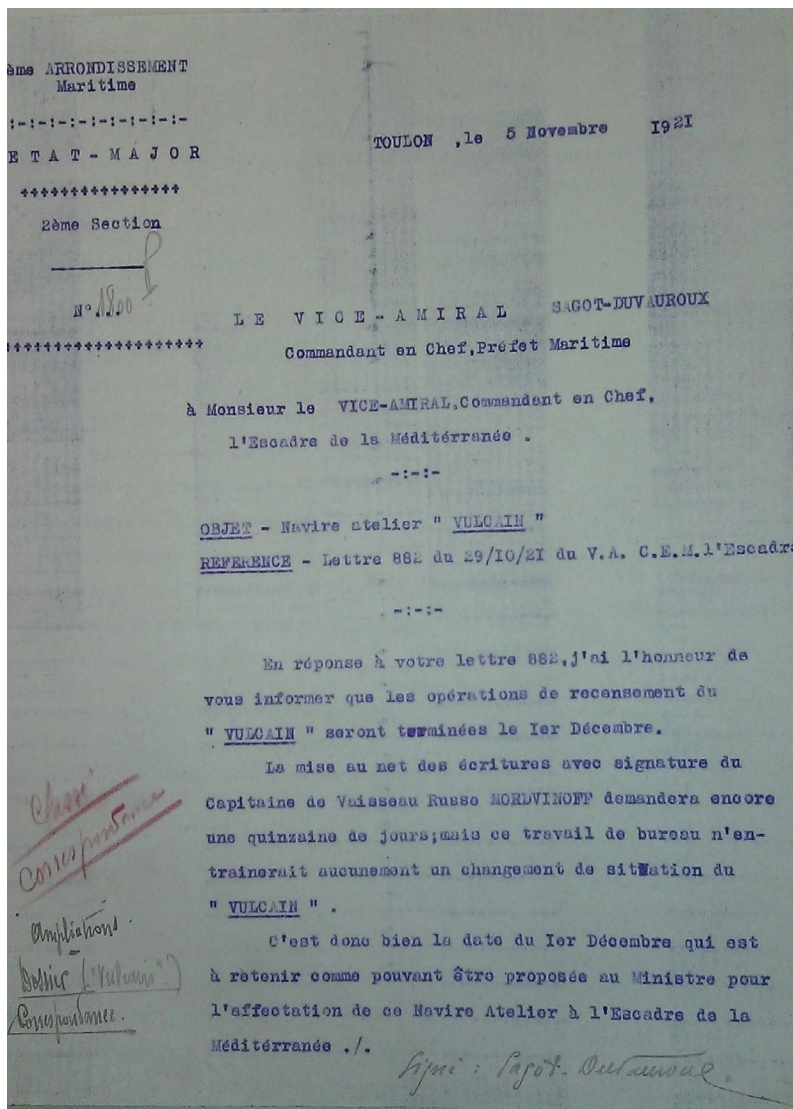

Рис. 3. Служебная записка Морского Префекта Тулона о проведении описи на борту реквизированного транспорта-мастерской «Кронштадт» («Вулкан»), 5 ноября 1921 г.

Документы из архива Военно-исторического отдела
Министерства обороны, Венсен

SERVICE
DIRECTION DU RECRUTEMENT FRANÇAISE.
MILITAIRE DE LA FLOTTE
BUREAU de l'Etat-Major
RESERVE DE L'ARMÉE DE MER.
MODELE I.
Arrêté ministériel
du 17 décembre 1897,
circulaire du 11 juin 1908.

CORPS: *Officiers de Navire*

Bulletin de mutation concernant l'officier de réserve du Bureau maritime de recrutement
de *Toulon*

NOM ET PRÉNOMS	GRADE.	MUTATION : (NOMINATION, RADIATION, MISE HORS CADRES, SUSPENSION DE GRADE, CHANGEMENT DE DOMICILE, MARIAGE, DÉCÈS, ETC.) Indiquer très exactement les dates.
<i>Afanaciev, Grigorie</i>	<i>Enseigne de Navire de 1ère classe de Réserve</i>	<i>nommé dans la Réserve de l'armée de mer le 7 septembre 1939 - ici le 7 juin 1901 à Sébastopol (Russie) Famille à Paris - 68 avenue Léon Fauré (19) 10e arr.</i>

A Paris, le 10 septembre 1939.
Le Chef du Bureau
de l'Etat-Major de la Flotte
Ularov

Marine. — N° 1470. — Réserve et mobil. (E. M.) — 1929. (1753 Éco 665 n. J. 34761.)

Рис. 4. Листок по учёту кадров о поступлении на службу резервистом
Григория Афанасьева, Бюро службы резервистов флота,
Тулон, 10 сентября 1939 г.

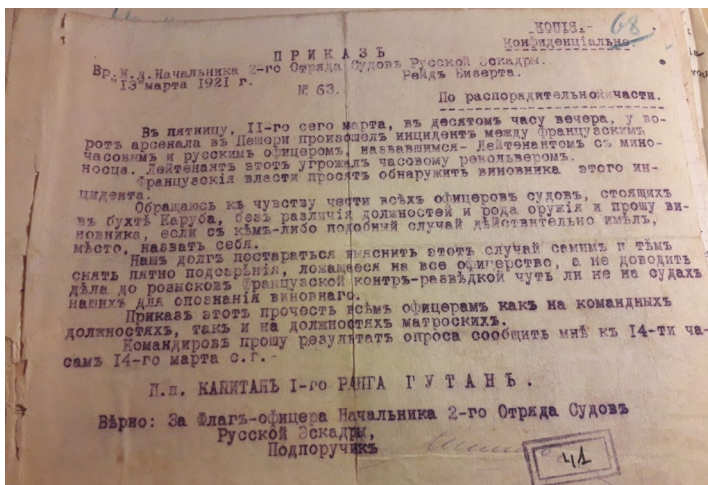

Рис. 5. Приказ № 63 по распорядительной части от 13 марта 1921 года о происшествии на эскадре

Документы из архива Офиса по делам русских беженцев и апатридов

Рис. 6: Временный вид на жительство, выданный Офисом по делам русских беженцев и апатридов на имя Бориса Казмичева, 9 июня 1961 г.

Etat des Russes

N°	Nom	Régiment ou le Bataillon	Portance (Poids) en grammes	Qualification	Fonction	Tours et jours de navigation	Le tour de la navigation		Autres indications
							Longueur	Largeur	
3	Suff. Planché	Camp. Marin	178, 21	3 officiers	3 officiers	10 000 000 000	10 000 000 000	10 000 000 000	Coast. fr. - 1800
4	Capitaine	de navigation	17, 42	1 officier	1 officier	10 000 000 000	10 000 000 000	10 000 000 000	Le tour de la navigation de la mer de Chine
5	Maitre	à 80 jours et	10, 10	1 officier	1 officier	10 000 000 000	10 000 000 000	10 000 000 000	Coast. fr. - 1800
6	Maitre	de navigation		1 officier	1 officier	10 000 000 000	10 000 000 000	10 000 000 000	Le tour de la navigation de la mer de Chine
7	Maitre	de navigation		1 officier	1 officier	10 000 000 000	10 000 000 000	10 000 000 000	Le tour de la navigation de la mer de Chine
8	Maitre	de navigation		1 officier	1 officier	10 000 000 000	10 000 000 000	10 000 000 000	Le tour de la navigation de la mer de Chine
9	Maitre	de navigation		1 officier	1 officier	10 000 000 000	10 000 000 000	10 000 000 000	Le tour de la navigation de la mer de Chine
10	Maitre	de navigation		1 officier	1 officier	10 000 000 000	10 000 000 000	10 000 000 000	Le tour de la navigation de la mer de Chine
11	Maitre	de navigation		1 officier	1 officier	10 000 000 000	10 000 000 000	10 000 000 000	Le tour de la navigation de la mer de Chine
12	Maitre	de navigation		1 officier	1 officier	10 000 000 000	10 000 000 000	10 000 000 000	Le tour de la navigation de la mer de Chine
13	Maitre	de navigation		1 officier	1 officier	10 000 000 000	10 000 000 000	10 000 000 000	Le tour de la navigation de la mer de Chine
14	Maitre	de navigation		1 officier	1 officier	10 000 000 000	10 000 000 000	10 000 000 000	Le tour de la navigation de la mer de Chine
15	Maitre	de navigation		1 officier	1 officier	10 000 000 000	10 000 000 000	10 000 000 000	Le tour de la navigation de la mer de Chine
16	Maitre	de navigation		1 officier	1 officier	10 000 000 000	10 000 000 000	10 000 000 000	Le tour de la navigation de la mer de Chine
17	Maitre	de navigation		1 officier	1 officier	10 000 000 000	10 000 000 000	10 000 000 000	Le tour de la navigation de la mer de Chine
18	Maitre	de navigation		1 officier	1 officier	10 000 000 000	10 000 000 000	10 000 000 000	Le tour de la navigation de la mer de Chine
19	Maitre	de navigation		1 officier	1 officier	10 000 000 000	10 000 000 000	10 000 000 000	Le tour de la navigation de la mer de Chine
20	Maitre	de navigation		1 officier	1 officier	10 000 000 000	10 000 000 000	10 000 000 000	Le tour de la navigation de la mer de Chine
21	Maitre	de navigation		1 officier	1 officier	10 000 000 000	10 000 000 000	10 000 000 000	Le tour de la navigation de la mer de Chine
22	Maitre	de navigation		1 officier	1 officier	10 000 000 000	10 000 000 000	10 000 000 000	Le tour de la navigation de la mer de Chine

Рис. 7: Сведения об использовании русских кораблей, 1920–1921 гг.

Библиотека «Современность»

-5-

ВЫПУСК 5 ИЮЛЯ 1922 г.

Скончался

Фамилия, имя	Когда оконч.	Где похорон.	Семейное поз.
АФАНАСЬЕВ Григорий	24.5.1940	Во море	дочь, дочь Геройски погиб на эскадр. мин "Валдай", награжден посмертно орд. Почетного Легиона "в чин младше"
БОБРОВСКИЙ Константин	1928	Во Америке	холодовой Скончался ота колонизальной болезнью
ВАГИНЬ Борис	неизв.	неизв.	
ВАШЕНКО Николай	1941 ?	Париж	
ДАВЫДОВ Николай	1928 ?	Париж ?	холодовой
ДУРАЩЕВ Борис	Янг. 1941	Бриссэль	холодовой
ЕГОРЬЕВ Георгий	1962		
ЗВЯРЕВ Роман	1958	С. Жан-де Буа	холодовой
КАРЛСОН Рудольф	1961	Париж	жена
КОТЯКОВ Владимир	1955	Уилд-Марокко	холодовой (умер от туберкулеза)
КУАЯЕКО-КОРЕЦКИЙ Григ.	7.2.1948	Визикур	жена
ЛЯКОВИЧ Николай	1928	Вилг. Вост.	холодовой Африка (умер будучи штурманом на больш. пароходе от солнечного удара)
ПАСКИН Константин	1948 ?	Марокко ?	умер от разрыва сердца от усталости, выскочил из грузов автомобиль (Марокко).
ПУТИЛИН Леонид	1941	Бриссэль	холодовой (умер от несчастного случая в Бриссэле)
РОДИНЬ Михаил	1927	Центр. Африка	холодовой " умер от колонизальной болезни)
РОЖДЕСТВЕНСКИЙ Борис		Марокко	холодовой (умер от туберкулеза)
СВЯТОЗАРСКИЙ Георгий	1927	неизвестно	холодовой
СУШКО Владимир	1935	Лион	жена, 2 сына
СУХАНОВ Георгий		С. Жан-де Буа	жена, дочь
ТОМАШЕВСКИЙ Иосиф			
ШИРОКИЙ ПЕТР			после, дочь парохода
УШАКОВ Георгий			холодовой

Сообщил П. К о р н и с е н к о .

Рис. 8: Сведения о гардемаринах Морского корпуса в Бизерте выпуска 1922 г., середина 1950-х гг.

ОНИ ЖИЛИ НАДЕЖДОЙ ВОЗВРАЩЕНИЯ

Мне, внучке В. Ф. Песляка, мичмана Русской эскадры в Тунисе, посчастливилось ознакомиться с подлинными документами этой эскадры. На их основании можно представить, что происходило в тот исторический момент с Черноморским флотом. Мнение у людей нашего времени о тех событиях может быть разное: был сложный период в политической истории нашего государства.

Шел 1920 год. Тридцать три военных корабля с более шестью тысячами человек пришли из Крыма через Константинополь в Тунисский город Бизерта, самую северную точку Африки. Среди них были: офицеры, матросы, гардемарины, кадеты, духовенство, женщины и дети, медицинский персонал, больные, раненые офицеры и солдаты из госпиталей Крыма. Так образовалась русская колония в Тунисе. Среди её обитателей были те, кто всеми силами стремился сохранить на чужбине не просто память об оставленной родине, но её культуру и традиции, насколько это было возможно.

В мае 1997 года я впервые прилетела в г. Тунис. В Бизерте меня сопровождал настоятель двух русских православных храмов от Московской Патриархии — отец Димитрий Нецветаев с матушкой Фотинией. Там я познакомилась с дочерью ст. лейтенанта Александра Сергеевича Манштейна, командира миноносца «Жаркий» — Анастасией Александровной Шириной. Она почти всю свою жизнь прожила в Бизерте и была очевидцем исторических событий. Анастасия Александровна мне сразу понравилась. Небольшого роста, хрупкая, очень приветливая, милая женщина с тонким чувством юмора и необыкновенной эрудицией. От неё исходила потрясающая энергия и жизнерадостность.

Анастасия Александровна сохранила очень важные свидетельства того времени, отражённые в служебных и личных документах, связанных с исходом. Некоторые из них Шириная отдала мне, и они были использованы в моей книге.

Помощь Анастасии Александровны сподвигла меня к дальнейшему поиску сведений о Русской эскадре в Тунисе, обратиться в Государственные военно-морской и исторический архивы г. Санкт-Петербурга.

Трагические события прошлого века коснулись и нашего рода. Благодаря А. А. Шириной, её друзьям и знакомым, я узнала о жизни моего деда в Тунисе, побывала в квартире, в которой он жил

последние двадцать лет после смерти бабушки. Я разыскала и привела в порядок захоронения своих родных. Мне удалось восстановить исчезнувшую могилу Полтева А. М. на кладбище Боржель в г. Тунисе, разыскать могилу командира подводной лодки «Утка» Монастырёва в г. Табарка, его дом и мастерскую.

По личной просьбе Анастасии Александровны я принимала участие в уточнении списков прибывших в Бизерту моряков и членов их семей — эти сведения были необходимы К. В. Махрову для книги «Русская колония в Тунисе. 1920–2000».

Мой дед по отцовской линии — мичман Виктор Францевич Песляк, как и многие русские моряки, верные раз и навсегда данной им присяге, ушёл с Русской эскадрой из Севастополя в Бизерту. Его судьбу на чужбине разделила и моя бабушка Валентина Ивановна Песляк.

Рис. 1. На золотой свадьбе у Потапьевых. 20 октября 1957 года. Сидят: В. Ф. Песляк, М. А. Потапьев, В. А. Потапьев (капитан 1-го ранга, командир крейсера «Генерал Корнилов»), Е. О. Потапьева (урожд. Голуб), внучка Ольга, И. А. Потапьева (урожд. Жаворонкова). Стоят: В. И. Песляк, капитан 1-го ранга командир крейсера «Алмаз» В. А. Григорков

Они, как и многие другие, надеялись вернуться в Россию — здесь, на горячо любимой ими родине, остался их единственный сын Олег.

Виктор Францевич Песляк принадлежит к старинному польскому роду. В дворянских книгах Литовской и Витебской губернии о происхождении рода благородных Песляков при описании герба было написано, что предки сего рода пользовались Дворянским преимуществом. В 1739 году Роман Матеушович Песляк был Его Королевского Величества Генерал, и у него было четыре сына. Таковы истоки нашего рода. Одна из ветвей его в России внесена в первую часть родословной книги дворян Киевской губернии.

Виктор Францевич Песляк родился 10 октября 1896 года в г. Курске, православный, имел жительство в Рязанской губернии (почтовое отделение Напольное).

16 августа 1914 года в Петрограде на Васильевском острове по адресу: Большой пр., д. № 92 были открыты «Отдельные гардемаринские классы», для пополнения флота морскими офицерами. В сентябре 1915 года Виктор Францевич поступил в Отдельные гардемаринские классы в Петрограде. В его судьбе принимал участие шталмейстер Высочайшего Двора Владимир Яковлевич фон Сиверс и супруга генерала-майора Петра Петровича Орлова,

*Рис. 2. Один из вытусков гардемарин
Отдельных гардемаринских классов*

командира лейб-гвардии Казачьего полка госпожа Наталья Григорьевна Орлова, ур. Спечинская (в их доме дедушка жил как родственник до поступления в Отдельные гардемаринские классы).

В октябре этого же года Виктор Песляк был приведён к присяге на верность службы Царю и Отечеству. В марте 1917 года ему было присвоено звание старшего гардемарина, а в выпускной 1918-й год — 22 февраля — он по собственному желанию был отчислен от гардемаринских классов согласно Декрету Совета народных Комиссаров от 14.02.1918 года и вернулся в г. Курск.

В этом же году Виктор Францевич женился на моей бабушке Валентине Ивановне Соколовой. 10 апреля 1919 года у Песляков родился сын Олег.

14 октября 1919 года приказом за № 488 Главнокомандующего вооружёнными силами на Юге России в Севастополе генерал-лейтенанта барона Врангеля В. Ф. Песляк был назначен на эсминец «Безпокойный». В Севастополе он заболел тифом и Валентина Ивановна, оставив восьмимесячного сына на попечение своих родителей, выехала к мужу в Крым. Вернуться назад домой к сыну она не смогла из-за сложившихся политических событий на Юге России.

29 марта 1920 года приказом № 16 Виктор Песляк был произведён в мичманы за оборону Каркинитского залива. В ноябре 1920-го года с Императорским флотом двадцатичетырёхлетний мичман Песляк с двадцатилетней супругой покинули Севастополь, Россию...

Виктору Францевичу и Валентине Ивановне Песляк пришлось остаться в эмиграции в Тунисе навсегда. Там, на кладбище «Боржель» (русский участок, могила № 100), обрели они и свой последний приют.

Их сын (мой отец) Олег Викторович Песляк был усыновлен крёстной матерью, замечательной женщиной — Евдокией Яковлевной Сапуновой.

Он носил фамилию приёмной матери, просил и меня сохранить эту фамилию в память о женщине, спасшей его. Благодаря Евдокии Яковлевне мой отец получил прекрасное образование, окончив 31.01.1940 года досрочно с отличием по первому разряду Ленинградское ордена Ленина Краснознамённое военно-инженерное училище (училище располагалось в Михайловском замке), стал кадровым офицером.

Олег Викторович Сапунов — участник советско-финской и Великой Отечественной войн, не раз был ранен в боях, прокладывал «Дорогу жизни» для блокадного Ленинграда, награждён двумя орденами Красной Звезды и девятью медалями.

Рис. 3. Евдокия Яковлевна, папа, Мария Яковлевна Сапуновы

27 июня 1979 года отца не стало, и моя мама, Зоя Николаевна, пыталась разыскать его ближайших родственников за границей, чтобы сообщить им об этом трагическом событии. Она писала письма в различные инстанции, но безрезультатно.

Помощь пришла лишь через десять лет — из Бизерты от Анастасии Александровны Ширинской.

Уже нет в живых моей мамы Зои Николаевны — она скончалась 27 декабря 1994 года. Осталось письмо Анастасии Александровны Ширинской, обращённое к ней, из которого я впервые узнала о судьбе родных моего отца:

«Многоуважаемая Зоя Николаевна!

Евгений Анатольевич Желтов передал мне Ваше письмо и я спешу Вам сообщить, что знаю.

В дни эвакуации Севастополя мне было 8 лет, а беженцев было около 15 000. Я, конечно, не могла всех знать. Моряки были направлены в Бизерту и из тех семей, которые остались на всю жизнь в Республике Тунис, я знала многих.

Ваш beaux-parents, Виктор Францевич и Валентина Ивановна Песляк, обосновались в городе Тунис. Я их знала, но увы, как Вы предполагаете, их уже нет в живых. Детей у них больше никогда не было.

Для Вас (а может и для Ваших детей) хочу восстановить истину, как я о ней слышала: Валентина Ивановна всю свою жизнь очень

тосковала о сыне и скончалась она уже давно (кажется, скоро после войны 39–45), Виктор Францевич скончался в Тунисе в середине 80-х годов, похоронен на кладбище Боржелъ. Перед смертью, года за 2 или 1, он узнал о кончине сына. Ко мне приезжал советский консул Виктор Гавристов узнать адрес В. Ф.: они встретились у Полины Степановны Суходольской в Тунисе и смогли переговорить. Вскоре после этого консул скоропостижно скончался, что, как видно, помешало дальнейшему ходу дела.

А потом скончался и Виктор Францевич. Я знаю, что и отец, и мать, делали всё возможное, но, что было возможно в те страшные годы?

Искренне Ваша А. Ширинская-Маништейн»⁵

Наша переписка с Анастасией Александровной продолжалась в течение многих лет. Привожу некоторые из писем:

«Дорогая Валентина Олеговна!

Спасибо, дорогая, за подарки; какой весёлый, солнечный платочек! Я думала, что окончив книгу по-русски, я покончила с работой. Но мы ещё работали с Л. А. Николая, а сейчас она в Тунисе, работает (днём и ночью) с Ирочкой Калмыковой, которая печатает на компьютере, и всё ещё появляется что-то новое. Все, кто имел дело с книгой, это знают!

Я ещё не смогла просмотреть архивы Берлинской эпохи 1922 г., но найду способ их передать Вам. Надежда Константиновна Кравченко собирает списки захоронений для мраморных досок (морских). Она приехала с Л. Николая. У меня были (и которые пошлю Кириллу Махрову).

После их отъезда, освободившись от своей книги, начну искать дальше о Вашем дедушке <...> Даю Вам адрес, указанный мне историком Донбасса, найти сведения о моей прабабушке Марии Насветевич: Ленинградский городской, областной архив, улица Псковская: в нём имеется 108 дел, касающихся обществ в Лисичанске: Акционерное общество Ливинговских Стекольных и Пробочных заводов; и подписанных Марией Насветевич. Всё возможное узнать о ней (Петровна? Васильевна? Киреевская?).

Даю Вам «сумбурные» сведения. Возможно, что надо искать в двух местах?

- 1) Центральный исторический архив;
- 2) Ленинградский областной (Акционерное общество Александро-Димитревских копий).

Пока, дорогая Валентина Олеговна, целую Вас крепко.

Ваша Анастасия Ширинская».

«14.09.1998 г.

Дорогая Валентина Олеговна!

Несколько слов, т. к. Аня Львова только что приехала и сразу уезжает <...>

Спасибо людям из Военно-морского архива: я хочу им послать освещение контр-адмиралом Кононовым “Тултского инцидента”, о котором было сказано много лжи.

Кому Вы посылали в Париж списки прибывших в Тунис? Их очень просит Кирилл Васильевич Махров (о нём я Вам говорила). Напоминаю его адрес: < ...>.

Целую Вас крепко. Спасибо за всё.

А. Ширинская».

«г. Санкт-Петербург

01.06.2000 г.

Здравствуйте, дорогие Анастасия Александровна, Серёжа!

Любимая Анастасия Александровна, извините меня за столь долгое молчание.

Только с января месяца 2000 года в РГИА (архив, что на набережной) открылся фонд № 1343, и я несколько месяцев работала там с документами. Мне посчастливилось найти все данные о роде благородных Песляков с 84 именами его родословной по мужской линии и именами их жён, детей. Начало рода упоминается в летописи при правлении польского короля Августа II: “Роман Матеушович Песляк Его Королевского Величества Генерал”. Царская корона есть и в гербе рода. Мне очень жаль, что не могу Вам всё это показать в ближайшее время, т. к. приехать в Тунис не могу. Поездка в Тунис стала в 5 раз дороже. Бог даст, приеду, я мечтаю об этом.

Любимая Анастасия Александровна!

Вашу просьбу, что касается данных о Марии Насветевич, я выполнила. Вот, что мне удалось отыскать (с самых поздних документов я начинаю, самые ранние я описываю в конце, так, как они подшиты в папке):

Фонд № 1343, опись 36, часть 2, год 1901, № дела 17018. Насветевич Александр Александрович, Генерал-майор царской армии 54 пехотного Минского полка.

15.11.1901 года он написал прошение в Правительственный Сенат, департамент Геральдии об утверждении его, сына его — Мирона Александровича и его дочери — Анастасии Александровны, в замужестве Кононович (жена капитана Лейб-Гвардии Гренадёрского полка), к дворянству.

Дворянство числилось за матерью его — Марией Петровной Насветевич. В Бахмутском уезде за ней числилось 998 десятин земли.

Миرونу в 1901 году было 25 лет, и был он женат на дочери инженера Софьи Леонарда. Мирон родился 04.02.1876 г., а 21.03.1876 г. был крещён. Его родители: Его Императорского Величества Флигель-Адъютант, Лейб-Гвардии Егерского полка полковник Александр Александрович Насветевич... Его воспитателями были генерал-лейтенант Пётр Александрович Степанов и жена отставного подполковника — Мария Николаевна Гавловская.

В церковной книге Лейб-Гвардии Егерского полка за № 1864 под № 182 записано: 18.10.1864 родилась дочь Анастасия у штабс-капитана Лейб-Гвардии Гатчинского полка. При крещении её воспитателями были: Лейб-Гвардии Литовского полка полковник Владимир Александрович Насветевич и жена полковника, командира Камского пехотного полка Софья Александровна Эллис.

Крепко целую. Валентина Олеговна Сапунова-Песляк».

«Бизерта. 22.06.1999 г.

Дорогая Валентина Олеговна.

Передаю с оказией это коротенькое письмо: не хватает времени и к тому же что-то нездоровится. Спасибо за все собранные Вами сведения. Я продолжаю надеяться что-нибудь найти о Викторе Францевиче.

Пожалуйста, передайте господину Е. А. Макаренко, что я, может быть, смогу послать ему мою книгу, которую обещают издать этим летом в Москве (Министерство обороны). Может, ещё раз приеду в Россию! Дал бы Бог здоровья! Совсем раскисла!

Целую крепко. Ваша Анастасия Ширинская».

«Бизерта. 26.06.2000 г.

Дорогая Валентина Олеговна.

Спасибо за всё то, что Вы с таким умением разыскали. Как всё это интересно! Август II (1670–1733) правил Польшей с 1697 г. после Яна Собеского. Его временно сместил шведский король Карл XII, но он был остановлен Петром после Полтавской битвы (1709 г.). Что касается Насветевич, то Вы даёте мне новые возможности. Я попробую ещё обратиться в Бахмут. Очень жалко, что в русских бумагах для женщин не упоминают фамилию отца (а только мужа).

Дорогая Валентина Олеговна, когда Вы найдете выгодный дорожный билет, то приезжайте, не беспокоясь о пребывании

в Бизерте: я Вас устрою, “кров и стол”, который ничего не будет стоить, конечно, для наших скромных вкусов. Приготовимся Вас встретить.

Пока крепко целую, Ваша Анастасия Ширинская».

Надпись на книге «Бизерта. Последняя стоянка»:

«Дорогой Валентине Олеговне Песляк-Сапуновой. Эти страницы, в которых ещё живёт “старая” Бизерта. С годами наш “Русский мир” становится мне всё ближе и ближе. Очень живо вспоминаю Ваших дедушку и бабушку.

Искренне Ваша. Анастасия Ширинская.

Бизерта. 6.12.2006.

Крепко обнимаю».

Судьба свела меня с Александром Михайловичем Пожарским, которого тоже интересовала история Русской эскадры в Тунисе. Благодаря ему я узнала о старшем сыне кавалера Георгиевского креста — Георгии Сергеевиче Лебедеве.

Рис. 4. Семья Георгия Лебедева

В Тунисе его семья дружила с моими родственниками. Георгий выслал мне фотографии, на которых я впервые увидела дедушку с бабушкой, а также их друзей.

Рис. 5. На именинах Валентины Ивановны Песляк. 23 февраля 1927 г.
1. Л. Д. Чеботарев; 2. В. Ф. Футлин; 3. В. И. Песляк; 4. Ф. М. Лапшинский;
5. В. А. Чеботарева; 6. А. И. Булычев; 7. Г. А. Борисов; 8. С. Н. Лебедев;
9. М. Д. Дебольская; 10. М. Г. Лебедева; 11. В. Ф. Медведева;
12. В. А. Брыскин; 13. М. Г. Ромушкевич; 14. Л. А. Борисова

Рис. 6. Валентина Ивановна Песляк с Тамарой. Тунис, 1926 г.

Рис. 7. Валентина Ивановна Песляк, Светлана, Тамара, Мария Георгиевна Ромушкевич. Тунис, 1934 г.

Рис. 8. Валентина Ивановна Песляк, Ольга и Алёша Медведевы. Тунис, 1938 г.

Его отец — Сергей Николаевич Лебедев (15.06.1900, Петроград — 29.09.1969, Тунис) — окончил Петроградскую немецкую гимназию Питершулле. В 17 лет добровольцем ушёл на фронт — в Белую армию под командованием А. И. Деникина, награждён солдатским Георгиевским крестом. С частями армии эвакуировался из Крыма. Вступил во Французский легион, воевал в Сирии и Алжире. Затем обосновался в Тунисе. В 1929 году С. Н. Лебедев принял французское гражданство, как французский подданный служил в сапёрной части. Принимал участие в боях в Эльзасе и Германии. Хорошо владел французским, немецким, арабским языками. Художник-любитель, работал карандашом, писал акварелью, маслом, в основном — пейзажи. Сын запомнил отца скромным, не разговорчивым человеком.

9 декабря в Бизерте ежегодно с 1921 по 1923 год (пока существовала Русская эскадра) проводились праздники в честь Георгиевских кавалеров, получивших самую высокую награду родины — России.

На героизме предков, их благородстве и любви к своему Отечеству держится любая нация. Этому учит нас история России.

В 2008 году у нас на родине был создан Фонд сохранения исторического и культурного наследия имени А. А. Манштейн-Ширинской, председателем правления которого стал епископ Кронштадский Назарий, викарий Санкт-Петербургской епархии, наместник Александро-Невской лавры, а президентом — Эльвира Владимировна Гудова.

Благодаря усилиям Фонда, ещё при жизни Анастасии Александровны рядом с храмом св. А. Невского в Бизерте был открыт Дом-музей имени А. А. Ширинской. Сегодня этот дом является не только музеем, но и центром для сбора и исследования материалов по истории Русской эскадры.

Усилиями Фонда одна из площадей г. Бизерта (перед русским православным храмом) названа именем А. А. Ширинской, а в храме св. Александра Невского в г. Бизерта открыта мемориальная доска в честь неё.

К основным задачам Фонда можно отнести: сохранение культурных памятников и мемориалов в г. Бизерта, издательскую деятельность. Только за последние четыре года изданы книги: «Автографы Бизерты», «Тунисские открытки» А. Шугаева, «Под небом Бизерты», «Вдали от икон» Э. Бюрне (перевод с французского А. Серебрянниковой), «Русская эскадра. Прощание с Императорским флотом» А. Ю. Емелина, Н. А. Кузнецова, «Люди Русской Эскадры» А. В. Плотто, «Про детство на кораблях» Е. Борисовой. Переиздана книга А. А. Ширинской «Бизерта. Последняя стоянка». Созданы документальные фильмы: «Жива в сердцах Россия», авт. К. А. Кудрявцев, О. А. Суркова, «Больше, чем дом». Постоянно устраиваются историко-художественные выставки.

В Санкт-Петербурге с 2009 года существует и активно работает клуб «Бизерта», объединивший потомков моряков Русского Императорского флота и людей, интересующихся его историей. Клуб ведёт работу в рамках основной деятельности Фонда.

В. А. Саранов

ДНЕВНИК КАДЕТА

7-й роты Севастопольского Морского кадетского корпуса за 1920–1921 г. История нахождения дневника Сергиева Сергея Александровича — кадета Севастопольского Морского кадетского корпуса 1920-го года

С Юлией Викторовной мы познакомились осенью 2015 года, хотя живём в соседних домах 10 лет. Можно сказать, что нас познакомила моя собака — шотландский сеттер по кличке Блэйк, который очень понравился Юлии Викторовне, и всё дальнейшее произошло именно благодаря моему псу. С тех пор Юлия Викторовна стала иногда гулять с Блэйком во время наших отъездов, а мы — всей семьёй бывать у неё в гостях. Юлия Викторовна попала в Калининград в 1969 году после окончания Севастопольского приборостроительного института, я — на 16 лет позже и также по распределению из Ленинграда, наши профессии были связаны с морским промыслом, в ту пору очень популярным занятием среди калининградцев, поэтому общих тем для воспоминаний всегда находилось немало.

9 марта 2016 года был днём одного из таких походов в гости к Юлии Викторовне: поздравления с прошедшим праздником, чай с вареньем с собственной дачи хозяйки, рассмотрение крымских фотоальбомов 60–70-х, — студенткой Юлия Викторовна была очень похожа на героиню фильма «Кавказская пленница», а её муж был опытным фотолюбителем. Помню, что я тогда сразу обратил внимание, что рядом с фотоальбомами лежит большой зелёный конверт. Когда фотоальбомы один за другим были просмотрены и отложены в сторону, на столе остался лежать только этот конверт из плотной почтовой бумаги. В какой-то момент Юлия Викторовна заметила, что я смотрю на этот конверт, вдруг замолчала и, тоже взглянув на конверт, спросила, как я отношусь к Севастополю и Крыму. Это было довольно неожиданно и походило на проверку на лояльность, которую я, видимо, в конечном итоге прошёл, сообщив, что в 1985 году принимал присягу на Севастопольской военной базе, и что ещё тогда мы искренне считали, что отпечатанные на украинском языке буклеты о Севастополе и Крыме были следствием типографской ошибки. Тогда Юлия Викторовна вдруг просто отдала мне эту папку «почитать», добавив, что это записки «мальчика-юнга». Так эта папка оказалась у меня.

Тем же вечером я открыл одну из тетрадей — сильно пожелтевшую и иссохшую, исписанную карандашом детским почерком тетрадь, и на первой же странице которой стояла дата начала записей — «29 октября 1920 г.», и дальше сразу текст: «29 октября 1920 Морской корпус начал эвакуироваться. Вещи были погружены на баржу и отправлены на “Генерал Алексеев”. Я с первой баржей не успел, да и меня не приняли бы...». Вторая тетрадь была украшена нарисованным детской рукой морским якорем с надписью «Морской корпус», внизу имя владельца тетради — «Сергея Сергеева, уч. IV кл.». Стало понятно, что это за «мальчик-юнга» и о чём его записи — это дневник кадета Севастопольского морского кадетского корпуса (СМКК), начатый в день эвакуации СМКК из Севастополя и русского исхода из Крыма в 1920 году. Напомним другое, возможно, более известное название здания СМКК — «Севастопольская Голландия».

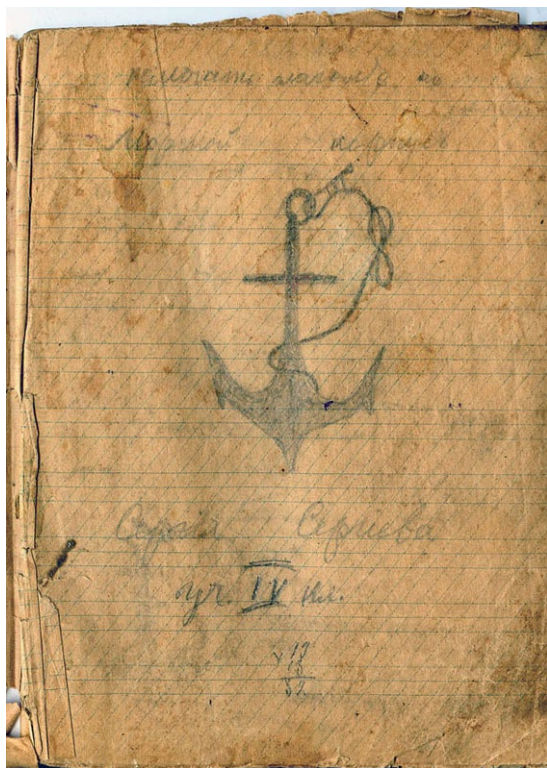

Рис. 1. Обложка дневника Сергеева С. А., 1920 г. Скан 2016 г.

Позднее оказалось, что это «почитать» было с «нагрузкой», — Юлия Викторовна таким необычным образом попросила меня решить вопрос о дальнейшей судьбе этих дневников, причём любые коммерческие операции с этими тетрадями были ею категорически запрещены. Так я стал очередным хранителем дневника Сергея Сергиева в длинной цепочке людей, которые, несмотря ни на что, понимали его значение — этот дневник нельзя ни выбросить, ни продать, ни передать безразличному к Русскому исходу 1920 года хранителю.

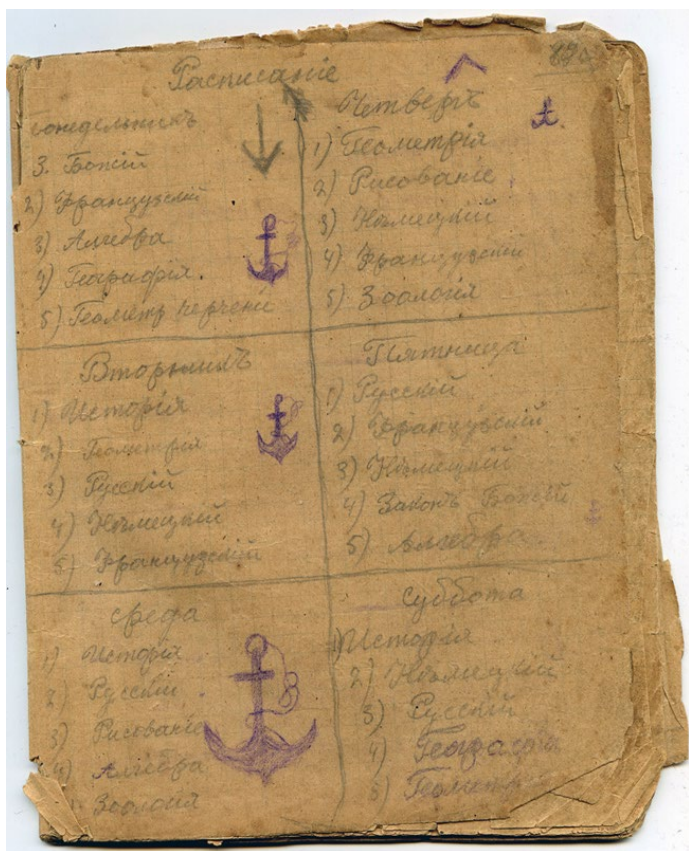

Рис. 2. Расписание занятий в СМКК, 1920 г. Скан 2016 г.

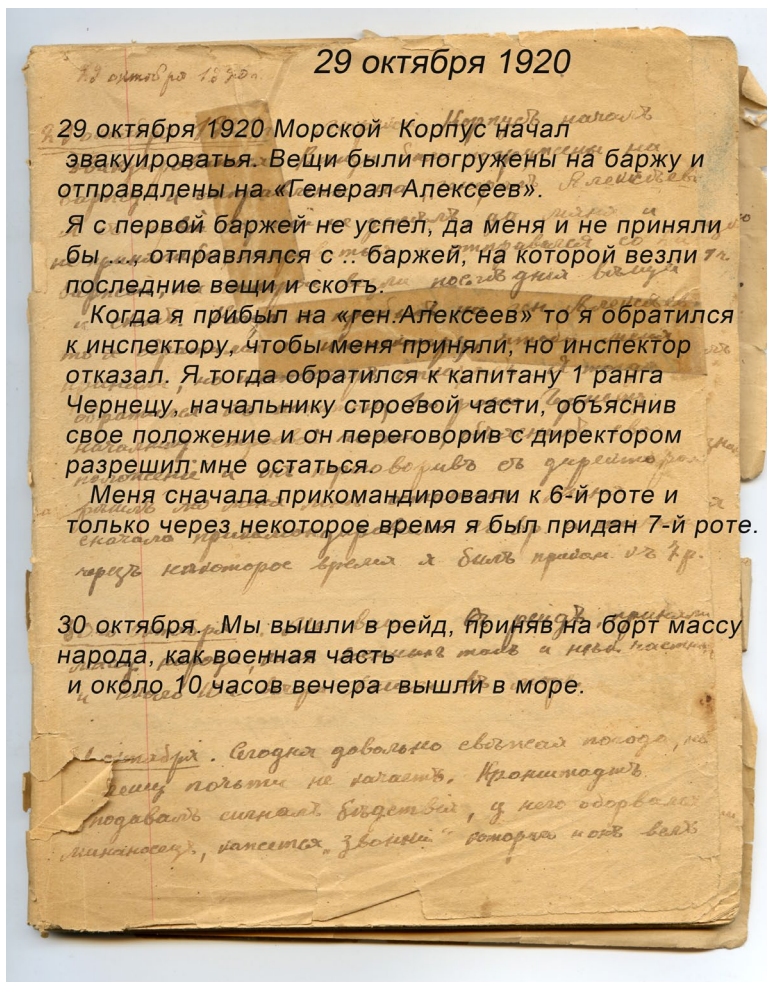

Рис. 3. Первая страница дневника с нанесенным поверх скана текстом

Судьба дневника кадета СМКК 1920-го года, март–декабрь 2016 г. Калининград — Севастополь

В первую очередь следовало попытаться найти современных родственников автора дневника. Желающие помочь в поисках родственников кадета СМКК из 1920 года нашлись среди выпускников Севастопольского Высшего Военного Морского Инженерного

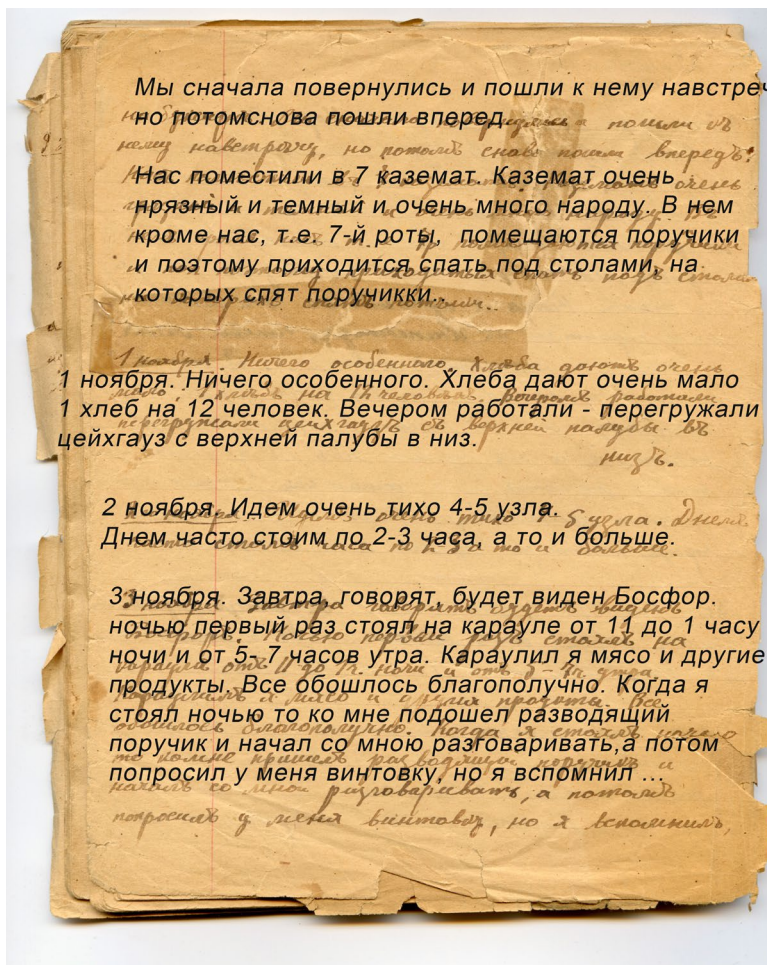

Рис. 4. Страница дневника с нанесенным поверх скана текстом, записи за 30 октября — 3 ноября 1920 г.

Училища (СВВМИУ), которое располагалось на территории бывшего СМКК с 1951 по 1991 год. С помощью бывших военных моряков были отправлены запросы в различные профильные учреждения: Морское собрание Франции, Дом русского зарубежья и др. Несмотря на искреннее желание многих людей помочь, более поздних следов Сергея Сергиева найти не удалось. Основную инфор-

мацию о существовании этого кадета и его полное имя помог установить историк СМКК и выпускник СВВМИУ Сергей Акиндинов (г. Рига, Латвия).

Поскольку родственников Сергея Сергиева найти не удалось, стала необходимость определения дальнейшей судьбы дневников, о чём и просила Юлия Викторовна. Вскоре стало ясно, что существует 2 варианта, первый — связан с историей самого СМКК — «Севастопольской Голландии», второй — с историей Русской эскадры, на кораблях которой корпус был эвакуирован в Бизерту. На передаче дневников в архив фонда «Бизерта» имени Анастасии Ширинской-Манштейн настаивала председатель клуба «Бизерта» Алла Юрьевна Манштейн-Серебрянникова. Но затем Алла Юрьевна всё же согласилась, что дневники одного из первых кадетов «Голландии» должны вернуться домой — в Севастопольский Морской кадетский корпус, где они были начаты в день эвакуации корпуса на линкор «Генерал Алексеев». Т. е. в этом случайно возникшем противостоянии между клубом «Бизерта» и «Севастопольской Голландией» победила последняя, поэтому впервые представить дневники «Севастопольской Голландии» я попросил клуб «Бизерта».

Соответственно, местом для дальнейшего хранения дневников стал музей Севастопольского Высшего Военного Морского Инженерного училища (СВВМИУ), располагавшегося в «Севастопольской Голландии» с 1951 по 1991 годы. В мае я получил официальное приглашение на юбилейные мероприятия, посвящённые 65-летию СВВМИУ, от председателя комитета выпускников училища Олега Гриднева. Выпускники СВВМИУ являются хранителями традиций «Севастопольской Голландии», заложенными в СМКК, и в программу юбилейных мероприятий была включена передача дневников 1920-года. Судьба дневников одного из первых кадетов «Севастопольской Голландии» таким образом была решена, но калининградская страница в истории дневников на этом не закончилась. 29 июля 2016 года, на день Военно-Морского Флота, дневники Сергея Сергиева впервые были официально представлены на выставке в военно-морском центре Музея Мирового океана в Калининграде. Полностью выставка называлась «Героические страницы Российского Императорского флота за 200 лет», основные экспонаты были из Санкт-Петербурга, дневник кадета СМКК можно рассматривать как одну из последних её страниц.

Выставку в качестве почётного гостя открывала председатель клуба «Бизерта» Алла Юрьевна Серебрянникова (урождённая

Манштейн, двоюродная сестра Анастасии Манштейн-Ширинской). На открытие выставки собралось в тот день много известных гостей, но звездой праздника стала Алла Юрьевна, в качестве продолжения триумфа «Бизерты» в Калининграде на следующий день Алла Юрьевна была почётным гостем командующего Балтийским флотом на военном-морском параде в г. Балтийске. В Музее Мирового океана в связи с этим прошло выездное собрание клуба «Бизерта».

17 декабря 2016 года в присутствии нескольких сотен выпускников «Голландии» дневники были переданы ректору расположенного там института. Так в день 65-летия СВВМИУ документы одного из первых кадетов вернулись в Севастопольский Морской кадетский корпус...

Современное значение дневников Сергея Сергиева, кадета СМКК 1920 г.

Рукописей очевидцев «Русского исхода» из Крыма 1920 года опубликовано немало, в т. ч. изданных клубом «Бизерта». Чем же сегодня более всего важен для современника дневник 14-летнего подростка, поступившего в кадетский корпус после окончания 3 класса Мариупольского реального училища (Сергей называет его в записях «мариупольский реал»)? В первую очередь именно тем, что эти ежедневные записи сделаны оторванным от дома подростком, не испорченным политическими страстями своего времени. В дневнике содержатся только чистые детские впечатления. В них широко известные и неоднократно представленные в книгах и фильмах события выглядят совсем иначе. И само понимание Гражданской войны предстаёт другим... Была ли эта война действительно войной или просто попыткой основной части населения пережить смуту и как-то восстановить порядок? При этом Сергей Сергиев, возможно, и является самым юным автором, чьи записи о «Русском исходе» из Крыма и жизни в Бизерте дошли до нас.

Сам дневник со всеми его деталями может быть интересен для историков и всех, интересующихся 100-летием «Русского исхода» из Крыма 1920 года. В дневниках можно почувствовать отношение автора к офицерам корпуса, хотя конкретно о них Сергей почти ничего не пишет, но их образ и влияние на кадетов отражается на каждой странице. Самое сильное впечатление производит то искренне детское удивление всей 7-й роты, когда сбежавшим на берег в Константинополе и потом задержанным несколькими кадетам «ничего не было». А на следующий же день в корпусе возобновились занятия и стали проводиться службы. Впечатление произ-

водит и описание встречи Нового 1921-го года в корпусе, подарки кадетам, угощения фруктами (апельсины, мандарины) и многие другие сцены из детства в изгнании.

Другим событием, отражённым в дневнике, которое можно привести в качестве показательного примера, является отношение в корпусе к новости о Кронштадтском восстании 1921 года. Сергей пишет, как все начали радостно ожидать, когда из Бизерты можно будет наконец вернуться домой к родителям. Желание вернуться домой, выражаемое его автором в разных формах, вообще является главной темой всего дневника.

Очень хочется узнать дальнейшую судьбу Сергея Сергиева, последняя информация о котором заканчивается 1925-м годом, когда Сергей поступил на русскую секцию Политехнического института в Париже. Юлии Викторовне и её мужу эти дневники в конце 1980-х дал почитать один калининградский краевед, у которого записи оказались случайно... Возможно, следы автора дневников необходимо искать на его родине в Мариуполе, где Сергей был старшим ребенком в семье с 4-мя детьми. Хочется надеяться, что публикация, посвящённая обнаруженным в Калининграде дневникам Сергея Сергиева, поможет найти новые документы и установить его биографию.

А. Ю. Серебрянникова (Манштейн)

О СОЗДАНИИ И РАБОТЕ КЛУБА «БИЗЕРТА»

В своем выступлении я хотела бы остановиться на двух моментах.

Рассказать о судьбах некоторых беженцев, ушедших в 1920 году из Севастополя в Бизерту на кораблях Русской эскадры, а также о клубе «Бизерта», созданном потомками этих беженцев.

Наверное, следует начать с семьи моего дяди, Александра Сергеевича Манштейна, старшего лейтенанта флота, командира эсминца «Жаркий». Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что эта семья Манштейнов не имеет никакой связи со старинной дворянской фамилией Манштейнов, проживающей в Германии. Наши предки происходят из «ярославских немцев», переселенцев в правление Екатерины II, получивших сначала личное, и только 8 мая 1858 года — потомственное дворянство. Могилы наших предков находятся в г. Рыбинске.

В ноябре 1920 года старший лейтенант Александр Манштейн вместе с женой и тремя малолетними дочерьми покинул Севастополь на эсминце «Жаркий», который шёл на буксире за плавучей мастерской «Кронштадт». Переход был очень тяжёлым, при пересадке в бушующем море погиб багаж, семья оказалась разделённой, но в январе, уже в Бизерте, произошло воссоединение. Дальше началась трудная жизнь в чужой стране без денег, без необходимых вещей, а главное, с каждым днём, с каждым месяцем и годом таяла надежда на скорое возвращение на Родину, надежда, которая поддерживала и давала силы на выживание. В семье, где уже были три дочери — Анастасия, Александра и Ольга — родилась ещё одна девочка, Машенька, скончавшаяся в младенчестве. Александр Манштейн, морской офицер, всей душой преданный флоту, не был приспособлен к жизни на суше. Заботу о семье взяла на себя его жена, которой, как и многим дамам дворянского происхождения, приходилось зарабатывать на хлеб насущный работой горничных и служанок во французских домах. Положение таких семей и условия их жизни хорошо описаны в романе Этьена Бюрне «Вдали от икон» (М. : «Арт Волхонка», 2012).

По мере того, как время шло, его старшая дочь Анастасия взяла на себя заботу о семье, зарабатывая репетиторством по математике

и физике. В дальнейшем Анастасия Александровна всю жизнь работала учителем математики в единственной гимназии Бизерты. Неудивительно, что её знали и уважали в городе, я сама была свидетелем, как в 1996 году к ней подходили на улице незнакомые мужчины, здоровались и с почтением говорили: «Здравствуйте, Учитель! Вы меня помните, я учился у Вас...». Предыдущий посол Туниса в Москве, господин Али Гутали, тоже был её учеником. Отец внушил Анастасии, — Асте, как звали её родные, — беспредельную любовь к покинутой России, что заставило её отказаться от французского гражданства и всю жизнь прожить апатридкой. Это создавало большие трудности, в частности, и материального характера: зарплата была меньше, а пенсия — копеечной. И только вмешательство бывших учеников, уже занимавших в то время значительные государственные посты, помогло ей получить заслуженную пенсию.

Но время шло, сёстры (вышедшие замуж за членов русской колонии) и дети получили французское гражданство и уехали во Францию. Разъехались или умерли почти все члены колонии, а уезжая, они просили А. Ширинскую сохранить их бумаги, которые они не решались взять с собой. Так возник очень интересный архив, который почти весь находится сейчас в России, но в расплывлённом виде и полностью не описан.

В конце 1970-х, в начале 1980-х годов в Бизерте появились женщины, говорившие по-русски — жёны тунисцев, получивших образование в мусульманских республиках СССР. Они тянулись к милой и умной Анастасии Александровне, которая была к ним добра, приветлива и внимательна. Создался маленький «русский» клуб, вернее, клуб русскоговорящих. В Тунисе стали появляться советские специалисты, работавшие по контракту ГКЭС (Государственный комитет по экономическим связям). Они скучали по родине, по языку, многие приезжали без семей. Это были люди разных специальностей. Им настоятельно не рекомендовались контакты с «белоэмигрантами», это могло привести к досрочной высылке из страны с «волчьим билетом». Но одиночество заставляло рисковать, и всё больше «советских» стали заходить в гостеприимный и такой интересный дом Анастасии Александровны Ширинской (Манштейн). Она так много знала! Так интересно рассказывала о своём детстве в царской России! Так внимательно следила за развитием современных событий! И так любила Россию! Обычно они приходили к ней тайно от своих коллег, но семья врачей Богдановых ходила

постоянно и делала это всё более открыто. С середины 80-х годов эту дружбу можно уже было не скрывать. Юрий Богданов стал личным врачом Анастасии Александровны и не раз спасал её во время болезней.

Анастасия Александровна мечтала о поездке в Россию, но апатриды не имели права посещать страну исхода. Правда, в 1989 и в 1991 году, благодаря хлопотам многих друзей, она посетила нашу страну и познакомилась с членами своей семьи, проживавшими в Петербурге, в частности со своим дядей, моим отцом, Юрием Сергеевичем Манштейном, прошедшим Финскую кампанию и Великую Отечественную войну в танковых частях, получившим пять ранений и многочисленные награды, а затем много лет проработавшим заместителем директора по административно-хозяйственной части института имени Г. И. Турнера и осуществившим строительство и переезд института в город Пушкин. Но только в 1997 году исполнилась мечта всей жизни Анастасии Александровны: она получила в российском посольстве в Тунисе российский паспорт с двуглавым орлом.

Анастасия Александровна воспитала троих детей, у неё осталось двое внуков и шестеро правнуков. Они проживают во Франции.

Исполнилась и ещё одна мечта Анастасии Александровны: она написала прекрасную книгу воспоминаний «Бизерта. Последняя стоянка» (последнее издание: М.: «Арт Волхонка», 2012). Книга была написана на французском языке и издана во Франции и в Тунисе, а затем переведена Юрием Богдановым и автором на русский язык.

Гутан — фамилия морская. Рудольф Егорович Гутан (1848–1894), морской офицер, капитан парохода «Петербург», осенью 1890 года принял на борт своего корабля А. П. Чехова, возвращавшегося с Сахалина. Двое старших сыновей Р. Е. Гутана, Николай и Александр, окончили Морской кадетский корпус в Петербурге и были произведены сначала в гардемарины (1906) а затем в мичманы (1907). Николай плавал на Чёрном море, Александр — на Балтике. Они участвовали в Первой мировой войне, имели награды. Александр погиб в Гражданской войне (1919), а Николай, капитан 1-го ранга, командир эсминца «Дерзкий», ушёл с Русской эскадрой в Бизерту вместе со своей матерью Верой Августовной (урожденной Эбергард — родной сестрой адмирала Российского флота Андрея Августовича Эбергарда), сестрой Ольгой и женой Антониной

Адриановой. До 1924 года, до признания Францией СССР, они, как и все офицеры и их семьи, жили на кораблях в очень стеснённых условиях. Российскую эскадру содержала Франция и Красный Крест. После 1924 года, после спуска российского флага и уничтожения эскадры, все семьи офицеров оказались на берегу и были вынуждены искать хоть какую-то работу. Николай Рудольфович нашёл место клерка в порту г. Туниса. Вера Августовна и Николай Рудольфович похоронены на кладбище Боржель под г. Тунисом. Их внук, Александр Сергеевич Гутан, проживающий в Санкт-Петербурге, в 2009 году смог посетить их могилы, а в 2012 году, в составе делегации Фонда сохранения исторического и культурного наследия имени А. А. Манштейн-Ширинской, вторично побывал в Бизерте. Его оставшийся в России отец Сергей Рудольфович, младший брат моряков, архитектор, строитель и поэт, большую часть жизни проработал на Кировском, бывшем Путиловском, заводе, а во время Второй мировой войны — в Челябинске (в Танкограде).

Сестра морских офицеров, Ольга Рудольфовна Гутан, и вдова Николая Рудольфовича Гутана уехали во Францию (похоронены там же).

Трагичны судьбы людей, попавших в мясорубку Гражданской войны. Песляк Виктор Францевич, курский дворянин, окончил в 1918 году отдельные гардемаринские классы в Петрограде и был произведён в мичманы. В 1920 г. в составе Русской эскадры, вместе с женой Валентиной Ивановной (урожденной Соколовой) он ушёл в Бизерту на эсминце «Беспокойный», на котором служил с сентября 1919 года. По трагическому стечению обстоятельств их восьмимесячный сын Олег остался с бабушкой в России. После списания моряков и их семей на берег Виктор Францевич Песляк работал архитектором в г. Тунисе. Он скончался в 1983 году, его жена — в 1962 году. Оба похоронены на кладбище Боржель. Их внучка Валентина Олеговна Сапунова неоднократно ездила в Тунис и следит за состоянием могил.

Несколько иначе сложилась судьба семьи Тирнштейнов. Старший брат, Константин Робертович, инженер-механик, капитан 1-го ранга, и средний брат, Николай Робертович, ушли в эвакуацию в феврале 1920 года на танкере «Баку» сначала в Константинополь, с затем (в 1926 года) — в Бизерту. Семья Николая Робертовича оказалась разделённой: вместе с ним ушли в эвакуацию жена,

дочь и младший сын, тогда как двое старших мальчиков остались в Одесском кадетском корпусе. Остался в России и младший брат, Фёдор Робертович Тирнштейн.

В Тунисе семья претерпела много трудностей, поиски работы вынуждали её переезжать с места на место.

К. Р. и Н. Р. Тирнштейны похоронены на кладбище Боржель под г. Тунисом. Их потомки, как многие другие, обосновались на юге Франции, в Ницце.

Внучка Фёдора Робертовича, Камилла Эдуардовна Кузнецова, посетила могилы предков в Тунисе. Она тщательно хранит память семьи и много сделала для восстановления её истории.

Иван Сергеевич Рыков (17.09.1883–11.02.1954), из Смоленских дворян, капитан 2-го ранга.

Он представляет третье поколение моряков Рыковых. В 1918–1920 годах служил в Добровольческой армии и ВСЮР. Старший офицер линкора «Генерал Алексеев», в 1920 году он ушёл из Севастополя в Константинополь вместе женой Полиной Ивановной и семилетней дочерью Валентиной. Из Константинополя они отбыли в составе Русской эскадры в Тунис на вооружённом ледоколе «Илья Муромец», командиром которого был И. С. Рыков.

В Тунисе он прожил всю оставшуюся жизнь, не принимая иностранного гражданства.

После 1924 года И. С. Рыков работал землемером, геодезистом... Был членом Комитета по строительству (на средства, собранные беженцами) памятника Русской эскадре — храма св. Равноапостольного князя Александра Невского, освящённого в 1938 году.

Похоронен И. С. Рыков на русском участке кладбища Боржель.

Его дочь, Валентина Ивановна, большую часть жизни провела в Швейцарии, являясь гражданкой Франции. С помощью Анастасии Александровны она разыскала своих родных в Москве и в Петербурге и неоднократно к ним приезжала. Скончалась В. И. Рыкова в Женеве в возрасте ста одного года, но по завещанию её прах похоронен в Санкт-Петербурге на кладбище Новодевичьего монастыря, на семейном участке Рыковых. Валентина Ивановна на протяжении всей жизни была близкой подругой Анастасии Александровны Ширинской (Манштейн).

Монастырёв Нестор Александрович (16.11.1887–13.02.1957), георгиевский кавалер, капитан 2-го ранга, офицер-подводник,

командир подводной лодки «Утка», редактор «Морского сборника», первого в эмиграции военно-морского журнала, автор нескольких книг (изданы в современной России). За литературную деятельность награждён французским орденом «Пальм академик». В 1920 году Нестор Монастырёв ушёл на своей подводной лодке в Бизерту в составе Русской эскадры вместе с женой, Людмилой Сергеевной (Енишерловой), одной из первых русских женщин — морских врачей. Она была награждена тунисским орденом за борьбу с эпидемией в Тунисе.

Владимир Владимирович Николя — офицер Русского Императорского флота. Родился 11 декабря 1881 года в семье архитектора В. В. Николя, 1903 году окончил Морской кадетский корпус и в тот же год был произведён в мичманы, а 6 декабря 1906 года — в лейтенанты.

В 1908 году В. В. Николя окончил Минный класс с присвоением звания минного офицера 1-го разряда. Он произведён, — *«за отличие»*, — в 1912 году в старшие лейтенанты, в 1915 году — в капитаны 2-го ранга и в 1917 году — в капитаны 1-го ранга.

После Октябрьской революции В. В. Николя присоединился к белому движению. 12 июня 1920 года он произведён в контр-адмиралы и вместе с эскадрой эвакуировался из Севастополя в Тунис.

С 1921 года контр-адмирал В. В. Николя являлся председателем Комиссии по делам русских граждан в Северной Африке. Он умер 23 апреля 1923 года в Бизерте, похоронен там же. Жена Владимира Николя — Ольга Александровна (1866 — 6 июля 1922), также умерла в Бизерте. Детей они не имели.

И вот теперь о создании клуба.

7 декабря 2009 года Фонд сохранения исторического и культурного наследия имени А. А. Манштейн-Ширинской собрал родственников вышеперечисленных семей и предложил создать клуб, который должен был стать одним из направлений работы нового Фонда. Очень скоро в клуб, ставивший своей задачей объединение людей по интересам, начали входить те, кто живо интересовался малоизвестной историей исхода Русской эскадры. Но, как круги по воде, о существовании клуба стало узнавать всё больше наших граждан, в том числе и родственники тех, кто также ушёл из Севастополя в Бизерту. К нам присоединились родственники Запольских, Рыковых, Ермаковых, Емельянцева. Появились и зарубежные члены клуба.

Клуб проводит просветительскую и исследовательскую работу, сотрудничает с другими организациями, интересующимися смежными темами. Так, мы установили тесные связи с музеем бывшей мужской Николаевской гимназии в г. Пушкине (бывшее Царское село), многие выпускники которой стали видными морскими офицерами. Установлены связи с Музеем Мирового океана в Калининграде, куда мы отвезли набор книг, изданных Фондом; существуют тесные связи с филиалом ВММ в г. Балтийске и с Кронштадтским Морским музеем, а также с музеем-эминцем «Беспокойный» в Кронштадте.

Большое внимание клуб уделяет издательской работе, в результате которой появилась «Библиотека Фонда сохранения исторического и культурного наследия имени А. А. Манштейн-Ширинской», прекрасно изданная и оформленная издательством «Арт Волхонка». Особо можно отметить комментированное переиздание книги воспоминаний А. А. Манштейн-Ширинской «Бизерта. Последняя стоянка» (2012), «Автографы Бизерты» (2012), куда вошли комментированные дневники участников исхода, воспоминания родных и знакомых А. А. Манштейн и других членов русской колонии в Бизерте, а также подготовленное А. А. Шугаевым прекрасное издание открыток старой Бизерты, некоторые из которых с автографами русских отправителей (2012). В 2015 году вышла замечательная книга-альбом А. Ю. Емелина и Н. А. Кузнецова «Русская эскадра. Прощание с Императорским флотом», работа над которой потребовала много времени, поисков в архивах и прекрасного знания материала.

Клуб придает большое значение работе с молодёжью, хотя пока значительными достижениями похвастаться мы не можем.

Иногда к нам обращаются люди со всей страны и даже из-за рубежа, разыскивающие своих предков или сведения о них. Мы стараемся возможно полно отвечать на их запросы и очень рады, когда удаётся поделиться имеющимся материалом. Случаются и особые события: так из Калининграда мы получили от Виталия Саранова рукописный личный дневник Сергея Сергиева, четырнадцатилетнего мальчика, воспитанника Севастопольского кадетского корпуса, который он вёл почти ежедневно на протяжении 1920–1922 годов (полтора года). Этот источник является не только живой иллюстрацией к событиям той эпохи, но и даёт интересный фактический материал.

Через сайт Фонда нас нашла Елена Семина, родственница Ковалевской Елены Владимировны, соученицы и подруги Зинаиды, единственной сестры семи братьев Манштейнов (в числе которых и Александр Сергеевич Манштейн). Она переслала воспоминания своей бабушки, где содержатся очень интересные подробности жизни семьи Манштейнов в советское время.

И самое последнее приобретение. В январе 2019 года со мной связался Владимир Александрович Тарасов из Полтавы (Украина). Они выпустили книгу о воспитанницах Полтавского института благородных девиц, где упоминаются Анастасия и Александра Насветевичи, бабушка и мать Анастасии Александровны Манштейн (Ширинской). Продолжив архивные поиски, В. А. Тарасов, бывший моряк, составил подробное генеалогическое древо семьи Насветевичей — Манштейнов.

Особо нужно отметить работу Сапуновой Валентины Олеговны в архивах и составление ею списка ушедших в Бизерту, который является самым полным на сегодняшний день.

Безусловно, клуб имеет потенциал развития, и теперь наша задача состоит в том, чтобы искать новые направления и формы работы.

Н. А. Сологубовский

МОИ ВСТРЕЧИ С БАБУ

Рис. 1. Н. А. Сологубовский

Каждый год, 5 сентября, мы отмечаем день рождения Анастасии Александровны Манштейн-Ширинской. В течение многих лет я встречался с Бабу, как мы называли Анастасию Александровну, тунисцы её и сегодня уважительно называют «Анастасией Бизертской», и записывал её рассказы на магнитофон и на видеокамеру. Так был мной снят документальный фильм «Анастасия» (режиссер Виктор Лисакович) — фильм, который в 2009 году получил главную кинопремию «Ника» Российской киноакадемии как лучший неигровой фильм России. В 2012 году была издана моя документальная книга «Анастасия Александровна. Судьба и память», основанная на записях, с тремя DVD, на которых и другие фильмы, статьи, репортажи и книги о Русской эскадре в Бизерте и, конечно, о самой Бабу.

Помню первые встречи, которые начались с 1987 года. Помню, как однажды она угостила меня и Сергея Владимировича Филатова, корреспондента «Правды», омлетом, который сама изготовила с картошкой, переданной из Петербурга.

– Картошка из Петербурга! – повторила с гордостью Анастасия Александровна. – И очень вкусная!

И поверьте, омлет был действительно очень вкусным. Так, в скромном доме, который Бабу снимала в Бизерте на улице Пьера Кюри, протекали наши беседы о Русской эскадре, которая ушла из Крыма в 1920 году, о тысячах русских людей, которые не по своей воле оказались в изгнании и, конечно, о России, о её прошлом, настоящем и будущем.

Помню, как свою первую беседу с нами она начала с Андреевского флага, и память её хранит прошлое до мельчайших подробностей.

«Именно в Бизерте, куда в 1920 году после остановки в Стамбуле, а затем в Наваринской бухте, пришли русские корабли, – рассказывала нам Бабу, – был спущен Андреевский флаг, который когда-то поднял сам Пётр Первый. Непобедимый и непокорённый флаг, спущенный самими русскими офицерами! Это произошло 29 октября 1924 года...»

Позвольте процитировать слова Анастасии Александровны из моей книги: «Я хорошо помню эту церемонию последнего подъёма и спуска Андреевского флага, которая прошла на эсминце «Дерзком». Собрались все, кто ещё оставался на кораблях эскадры: офицеры, матросы, гардемарины. Были участники Первой мировой войны, были и моряки, пережившие Цусиму. И вот в 17 часов 25 минут прозвучала последняя команда: «На Флаг и гюйс!» И спустя минуту: «Флаг и гюйс спустить!» У многих на глазах были слезы...

Помню взгляд старого боцмана, смотрящего на молодого гардемарина, взгляд непонимающий. Никто не понимал, что происходит. Веришь ли ты, Великий Пётр, верите ли вы, Сенявин, Нахимов, Ушаков, что ваш флаг спускают? И французский адмирал переживал всё это вместе с нами... А недавно мне подарили картину, вот она, художника Сергея Пена, «Спуск Андреевского флага...»

Почему мне хочется особо остановиться на этой сцене?

Есть минуты, когда все слова ничтожны, чтобы передать трагедию происходящего, именно происходящего, потому что есть картины прошлого, которые всегда будут возникать перед нашими глазами... И это не воспоминание, это переживание сегодня того, что снова происходит сейчас, с нами, русскими, разбросанными по разным странам и весям...

Помню, в 1999 году в Бизерту пришел барк «Седов» с курсантами. И Бабу выпала честь совершить на барке подъем Андреевского флага... Три четверти века спустя... А в 2007 году в Бизерту пришёл

военный корабль «Перекоп». И моряки подняли Бабу на своих руках на борт корабля с Андреевским флагом. Слова Бабу: «Если бы могли это увидеть те, кто стоял в двадцать четвертом году на эсминце «Дерзкий», кто сражался на Перекопе в Крыму».

И вот ещё одна запись слов Бабу: «11 мая 2003 года, когда Петербург праздновал трёхсотлетие, раздался звонок и знакомый голос Бертрана Деланоэ, мэра Парижа, моего ученика, мне говорит: «Угадайте, откуда я вам звоню?» — «Из Парижа, конечно!» — отвечаю я. А он говорит: «Я стою перед Петропавловской крепостью, в Петербурге день солнечный, прекрасный, и над Адмиралтейством развивается Андреевский флаг!»

И я хочу написать о *reversibilite des temps*, эти французские слова можно образно перевести как «неизбежное повторение исторических эпох», написать о том, как закрывается один цикл времени и начинается новый. Новый, но который повторяет предыдущий... И вот в этот момент и бывают встречи или — я помню слова Пушкина — «странные сближенья»...

Время действительно всё необыкновенно меняет. Бабу прожила очень долгую жизнь и была так близка к Истории России, что стала свидетелем этих «странных сближений», о которых говорил Пушкин...

«Я хочу написать о новых временах! Когда пережито всё тяжёлое, когда можно увидеть, как великий народ начинает по-своему осваивать это пережитое... Потому что трудно уничтожить память народа! И народ рано или поздно начинает искать следы своего прошлого!»

Вот почему ко мне приходят люди. И они знают, я расскажу всё искренно. Для того, кто не делит Историю на «вчера» и «сегодня». И нет ничего более интересного, чем история своего народа».

Её книга воспоминаний «Бизерта. Последняя стоянка» вышла на русском и французском языках и выдержала уже несколько изданий. Это — волнующий рассказ о трагической судьбе русских моряков и русских кораблей, что нашли свой последний причал у берегов Туниса. За эту книгу Анастасии Александровне в августе 2005 года была вручена литературная премия «Александр Невский», учреждённая Союзом писателей России и «Центром гуманитарного и делового сотрудничества».

«Придёт время, когда тысячи русских людей станут искать следы народной истории на тунисской земле. Усилия наших отцов по их сохранению не были тщетны».

Эти слова Анастасия Александровна написала в 1999 году, готовя к печати первое издание своих воспоминаний на русском языке.

Одну книгу она послала В. В. Путину. И в ответ получила книгу «От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным» с надписью, сделанной рукой Президента России: «Анастасии Александровне Манштейн-Ширинской в благодарность и на добрую память. В. Путин. 23 декабря 2000».

В знак признательности к «Анастасии Бизертинской» за её огромный вклад в развитие тунисско-российских отношений тунисские власти приняли решение назвать площадь в Бизерте её именем. Площадь, на которой высится храм Александра Невского.

Её книга стала раритетом и стоит её переиздать снова на русском и французском языках и перевести на другие языки.

И для сохранения Истории и Памяти я предлагаю также издать отдельной книгой репортажи и интервью российских журналистов, открывших в 1987 году публикацией Сергея Владимировича Филатова, корреспондента газеты «Правда», историю Русской эскадры. Затем кинодокументалист Фарид Сейфуль-Мулюков снял первый фильм о русских в Бизерте. Анастасия Александровна при поддержке других православных прихожан написала письмо Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II с просьбой прислать в Тунис священника из России. В 1990 году в Тунис прибыл экзарх Патриарха Московского при Патриархе Александрийском и всея Африки архимандрит Феофан (Ашурков), и две церкви, построенные русскими моряками в Тунисе с согласия тунисцев — храм Александра Невского, освящённый 10 сентября 1938 года, и храм Воскресения Христова, открывшийся в 1956 году, перешли под юрисдикцию Московского Патриархата.

В новый сборник можно было бы включить репортажи о жизни русских в Бизерте и иностранных журналистов. Например, знаменитый писатель Антуан де Сент-Экзюпери образно называл колонию наших соотечественников в Бизерте «Русским Карфагеном». Так можно было бы озаглавить сам сборник. И затем издать его на других языках.

Стоит продолжить работу над новыми фильмами, основой которых могут послужить воспоминания, мои видеозаписи рассказов Бабу, а также историка Русской эскадры Александра Владимировича Плотто, который вместе с родителями жил в Бизерте, затем во Франции. Я работаю также над сценарием художественного фильма о судьбе двух братьев Беренс. Михаил Беренс

был последним командующим Русской эскадры в Бизерте и делал всё для сохранения русских кораблей и их возможного возвращения на Родину, а его брат Евгений Беренс создавал Красный флот Советской Республики.

Имя Анастасии Александровны, как вы знаете, носит одна из площадей в Бизерте, арабском, мусульманском городе. Так можно бы и в России увековечить её память?! И присвоить её имя одной из новых площадей в Севастополе, а имя Русской эскадры — одной из улиц этого города Русской Славы?

Не менее важен и вопрос о воссоединении русских, диаспоры которых разбросаны по многим странам. Что мешает сделать новые шаги друг к другу? Ведь вне России мы теряем молодые поколения, которые более восприимчивы к культурам стран, где они проживают, чем к русской культуре. Каждый, у кого есть русские корни, должен иметь возможность получить российский паспорт. Именно это было бы главной гарантией того, что связь времен и единство Русского Мира восстановлены, чего искренно желает, я уверен, каждый из участников нашей международной конференции. И такое правительственное решение было бы хорошим итогом 2020 года, года 100-летия Русского исхода из Крыма.

Отрывок из книги Николая Сологубовского «Анастасия Александровна. Судьба и память»

Миноносец «Жаркий».

Анастасия Александровна Манштейн-Ширинская вспоминает:
— В Новороссийске весной девятнадцатого года возродился Черноморский флот. Папа отремонтировал миноносец «Жаркий». О Новороссийске у меня осталось одно воспоминание: ветер! Ветер сумасшедшей силы и улицы, запруженные беженцами... Помню такой же ветер в ноябре 1920-го в Севастополе, когда начался исход из Крыма Белой армии... Я и сейчас вижу толпы людей, куда-то спешащих, в руках узлы, чемоданы, баулы... И маму с корзиной в руках, где были наши единственные ценности: иконы, старые фотографии и рукопись книги Христофора Германа Манштейна о России.

В ноябре двадцатого года «Жаркий» стал одним из кораблей Императорской эскадры, которая ушла с армией Врангеля и тысячами жителей Крыма на борту кораблей в Константинополь. Все моряки считали, что они вернутся в Севастополь, как только перевезут людей...

Почему я называю эскадру Императорской? Потому что до 1924 года на её кораблях поднимались Андреевские флаги, символ Русской империи. А ведь они были отменены ещё в 17-м году Временным правительством Керенского! Оно первым нанесло удар по традициям флота Петра Первого. А на эскадре в Бизерте сохранялись все традиции Российского Императорского флота и даже его морская форма. Кроме того, большинство офицеров, включая моего отца, никогда не присягали ни «временным», ни большевикам. Офицер присягает один раз в жизни, вы знаете это?

Помню, как миноносец «Жаркий» стоял пришвартованный недалеко от Графской пристани. Папа с матросами продолжал его ремонтировать, собирал машину. Кто-то сказал: «Маништейн сумасшедший!» А отец ответил: «Моряк не оставит свой корабль!» Корабли уходили один за другим, а его миноносец все ещё стоял у пристани. Так и не получилось у отца завести машину. И тогда к нам подошел буксир, к нему прицепили миноносец, и наш корабль двинулся от причала туда, где на рейде стоял огромный корабль «Кронштадт», плывущий завод с мастерскими.

Когда мы вышли в море, начался шторм! Буря! Тросы начали лопаться. Старый боцман, звали его Демьян Чмель, на вопрос: «Тросы будут держаться?» ответил: «Может, будут, а может, не будут». Он хорошо знал: с морем ничего заранее неизвестно...

Командиром «Кронштадта», на борту которого было около трёх тысяч человек, был Мордвинов. Он видел, как лопались тросы, как «Жаркий», тоже с людьми на борту, исчезал в тёмных волнах, он знал, что на «Кронштадте» мало угля, и его может не хватить до Константинополя. Но снова и снова «Кронштадт» разворачивался, искал «Жаркого»...

Анастасия Александровна замолчала. Наступила тишина. И только было слышно, как завывал ветер за окном её бизертинского дома. Как тот ветер, 84 года назад, в бушующем Чёрном море...

— И снова «Кронштадт» находил, снова матросы крепили тросы..., и снова огромный «Кронштадт» тащил маленького «Жаркого» на буксире, но Мордвинов сказал: «Если оторвётся, больше искать не будем!» И тогда нас ночью, с огромным трудом пересадили на «Кронштадт», а Демьян Чмель прибежал к последней мере... — Анастасия Александровна улыбнулась. — Он привязал икону Николая Угодника с миноносца «Жаркий» к верёвке и спустил её в воду. И «Кронштадт» шёл вперед, таща за собой «Жаркого», беспомощно, без машин, без матросов на борту, до самого Константинополя, на буксире и с верой старого боцмана в Николая Угодника...

Анастасия Александровна повернулась и посмотрела в угол комнаты. На икону Христа Спасителя.

– Эта икона тоже была на «Жарком». Папа спас её в девятнадцатом году во время эвакуации из Одессы, вырвал из рук грабителей Храма. А в двадцать четвертом году папа взял её домой. Когда кончилась судьба «Жаркого» и других кораблей, папа часто молился перед этой иконой. И я тоже. И чаще всего не за себя. А за других...

Мои ученики мне часто звонили и говорили: «Я буду держать экзамен. Вы за меня помолитесь!» И вот недавно звонит один тунисец, представляется и говорит: «Я ваш бывший ученик, я теперь выхожу на пенсию, я инспектор образования, но я помню и сейчас, как я попросил вас, когда пошел на экзамен, тогда, давно, я попросил вас помолиться за меня, и я сдал экзамен, и вот теперь я хочу поблагодарить вас...»

Мой правнук, он наполовину уже француз, но когда в 2003 году он приезжал в Бизерту, его крестили в православную веру в церкви, в честь моряков, чтобы он не забывал, что его бабушка — дочь моряка!

Как эскадра попала в Бизерту?

Из сообщения штаба русского флота:

«Из Константинополя в Бизерту [вышли корабли] с 6388 беженцами, из которых — 1000 офицеров и кадет, 4000 матросов, 13 священников, 90 докторов и фельдшеров и 1000 женщин и детей».

– О, это длинная история!.. Через полтора месяца после исхода из Севастополя, уже в декабре 1920 года, когда мы были в Константинополе, Франция принимает решение предоставить Русской эскадре под стоянку порт Бизерта в Тунисе, находившемся в то время под французским протекторатом. Правда, при этом было заявлено, что отныне эскадра «не принадлежит никакому государству, а находится под покровительством Франции».

Переход российских кораблей в Бизерту возглавил командир французского крейсера «Эдгар Кине» Бергасс Пти-Туар. Корабли плыли с французскими флагами на грот-мачтах, а на корме развевались Андреевские флаги.

Нас с мамой, как и других членов офицерских семей, доставил в Бизерту пассажирский пароход «Великий князь Константин».

Русские корабли плыли к стране древнего Карфагена. Эней когда-то плыл той же дорогой, и Одиссей — какой совпадение! — этой же дорогой доплыл до Джербы, острова лотофагов (этот остров,

современный курорт, находится на юге Туниса — авт.). Всё это впоследствии будет для меня тесно связано с историей Туниса, куда так неожиданно занесла нас судьба.

...Помню, 23 декабря 20 года мы увидели с палубы Бизерту, этот тунисский порт, в котором многим из нас предстояло прожить всю жизнь. Мы пришли одни из первых. Военные корабли стали прибывать группами уже вслед за нами.

Всего их было тридцать три, включая два линкора «Генерал Алексеев» и «Георгий Победоносец», крейсера «Генерал Корнилов» и «Алмаз», десять эскадренных миноносцев — среди них был и миноносец «Жаркий» под командованием моего отца, он пришел 2 января — а также канонерские и подводные лодки, ледоколы, буксиры, другие суда. Мы приветствовали появление каждого нового корабля. Праздником стал день 27 декабря, когда за волнорезом появились огромные башни линкора «Генерал Алексеев». Он доставил в Бизерту гардемаринов и кадетов Севастопольского морского корпуса.

«Жаркий» пришёл одним из последних. Бравый Демиан Логинович Чмель очень переживал вместе с нами отсутствие «Жаркого». Каждое утро, с восходом солнца, он уже был на палубе и обозревал горизонт. Он и увидел его первым!

2 января 1921 года мы проснулись от его стука в каюту. В утреннем тумане, на гладкой воде рейда, стоял маленький миноносец — наконец-то на якоре — и он... спал..., спал в настоящем смысле слова. Никого не было видно на палубе. Ничего на нём не двигалось. Люди проспали ещё долго, и мы поняли почему, когда услышали их рассказы о последнем переходе.

На чужом берегу

— То, что все корабли дошли до места назначения, кажется чудом! Чудом, которым мы обязаны нашим морякам и деятельной помощи французского флота!

Всего же на кораблях, ушедших из Константинополя, было перевезено в Тунис более шести тысяч человек. Так на земле Туниса, под синим небом «Африки моей» — помните эти слова Пушкина? — среди пальм и минаретов, возникла небольшая русская колония!

Но на землю эту мы вступили не сразу. Вначале был долгий карантин, французы боялись «красной чумы», они в каждом русском матросе видели большевика. Корабли стали на якоря у южного берега Бизертского канала и в бухте Каруба. Наши офицеры и матросы сдали своё оружие сразу же по прибытию в Бизерту; и теперь корабли на рейде охранялись тунисскими часовыми.

Потом нам не мешали сходить на берег, — продолжила свой рассказ Анастасия Александровна. — Мы могли спуститься сколько угодно. Но денег ни у кого не было, покупать мы ничего не могли, мы никого не знали... Так что жизнь, особенно для детей, шла на корабле. Это был наш особенный мир. У нас была школа, была церковь. Вся жизнь протекала по старым русским обычаям. Русские праздники праздновались.

«Надо признать, что длительное пребывание Русской эскадры в стране протектората было связано для Франции с очень большими трудностями. Но какой бы ни была политика правительства, зависящая от складывающихся в данный момент обстоятельств, всегда за ней стоят люди. В эти 1920–1925 годы, когда решалась судьба русского флота, французское военно-морское командование в Тунисе сделало всё, чтобы помочь своим бывшим союзникам. Адмиралы Варней, Гранклеман оставили в памяти эмигрантов светлое воспоминание»[1].

— Французы осознали, что эти русские останутся в Тунисе надолго, — продолжила свой рассказ Анастасия Александровна, — поэтому и приняли решение создать для них лагерь беженцев. Не всё же время людям жить на борту кораблей! И вот в Бизерте, Табарке, Монастире и ещё нескольких городах организовали семь лагерей.

«Капитан 2-го ранга Н. Монастырёв, бывший среди эмигрантов, вспоминал в книге «В Чёрном море», изданной в Париже: «Лишь начались работы по строительству лагерей, многие отправились на берег, несмотря на то, что зарплату предлагали маленькую... Власти озаботились поисками работы для беженцев, а те искали её со своей стороны, поскольку в самих лагерях жизнь им не нравилась. Быстро эти лагеря опустели, и вскоре остались в них лишь женщины, дети да инвалиды».

— А что же было делать? — задаёт вопрос Анастасия Александровна. — Французы брали русских на предприятия и в учреждения: на железные дороги, на почту, в школы и даже в медицинские ведомства. Очень много русских работало на тунисских дорогах. Русские работали там, где никто не хотел. На юге, в Сахаре, например. А туда сообщение было трудное — машин никто не имел, автобусы ходили очень редко. Мой двоюродный брат два года пробыл на юге, в пустыне и научился местным языкам — знал диалекты, берберский язык.

Морской корпус

В те времена в Тунисе, как рассказала Анастасия Александровна, ходила такая фраза: «Если вы видите палатку на краю дороги или убежище под дубами Айн-Драхамы, вам может пригодиться знание русского языка: один шанс на два, что этот землемер или лесник — русский».

Если беженцы из числа гражданских думали о хлебе насущном и о том, как устроить свою новую, далеко не лёгкую жизнь, то часть морских офицеров, не теряя духа, решила воссоздать в Бизерте Морской корпус.

Несколько слов об истории Морского корпуса. Он был создан Петром I в 1701 году сначала в Москве под названием Школа математических наук и навигации, а затем в Петербурге уже как чисто морское училище. Его слушателей именовали гардемарини. Со временем учебное заведение получило имя Морского корпуса.

..До сих пор на горе Кебир, в трёх километрах от центра Бизерты видны остатки старого форта, где в двадцатые годы разместились учебные классы Морского корпуса. Рядом разбили лагерь Сфаят — для персонала и складов. С 1921 года началась подготовка младших офицеров и гардемарин. Под руководством директора училища адмирала А. Герасимова программы занятий были преобразованы для подготовки воспитанников в высшие учебные заведения во Франции и в других странах.

Директор, говоря о своих подопечных, подчёркивал, что они «готовились стать полезными деятелями для возрождения России». До конца дней продолжал Александр Михайлович переписку со многими из своих воспитанников, сохранив в их сердцах благодарную память.

Морской корпус просуществовал до мая 1925 года.

Поразила нас ещё одна деталь, связанная с историей Морского корпуса, в воспоминаниях о тех днях контр-адмирала Пелтиера, бывшего курсанта Морского корпуса в Бизерте, публиковавшихся в 1967 году в «Морском сборнике», издававшемся во Франции: «Дозволено думать, что бывшие ученики Морского корпуса с интересом, а возможно, и с ностальгией следят за прогрессом морского дела в России, от которого они отрезаны и которое в ленинградском училище, носящем имя Фрунзе, возродилось в стенах, где прежде Санкт-Петербургская школа готовила офицеров. Каков бы не был политический режим, военные моряки остаются самими собой...».

... А когда Германия захватила Тунис в годы Второй мировой войны, то русские военные моряки и их дети на чужбине воевали

с фашизмом. Их имена — на мраморной доске в русской церкви Воскресения Христова в Тунисе.

Два брата

— Мы ещё продолжали жить на «Георгии», когда в Бизерту прибыла советская комиссия по приёмке кораблей Русской эскадры. Возглавлял комиссию известный учёный, академик Крылов. Был среди её членов и бывший главнокомандующий Красным Флотом Евгений Беренс, старший брат адмирала Михаила Андреевича Беренса, последнего командующего последней русской эскадры под Андреевским флагом.

Два брата, которые могли протянуть друг другу руки...

На период осмотра кораблей советскими экспертами Михаил Андреевич уехал из Бизерты в столицу. Братья, которые не виделись столько лет, так и не встретились! Почему? Разгадку нашли потом в французских архивах: французы взяли с членов советской комиссии подписку, что у них не будет никаких контактов ни с русскими офицерами, ни с тунисцами!

Комиссия ни до чего не договорилась с французами. Флот, покровителем которого в своё время объявила себя Франция, стал предметом торга. Франция соглашалась передать военные корабли только в том случае, если Советский Союз признает дореволюционные долги России Франции....

Комиссия уехала из Бизерты ни с чем. Переговоры длились годами, русские корабли так и стояли в озере и в арсенале Ферривиль. Все матросы и офицеры вынуждены были покинуть корабли. После спуска Андреевского флага это уже не была территория России. И мы становились просто беженцами, и с паспортом беженца, я не отказалась от российского гражданства, я прожила все эти годы...

«В начале тридцатых годов корабли все ещё стояли в военном порту Сиди-Абдаля. Мой старинный друг Делаборд, назначенный в те годы в Бизерту, был так поражён их призрачными силуэтами, что по сей день он говорит о них, будто они все ещё у него перед глазами:

«Я бродил по пустынной набережной Сиди-Абдаля вдоль ряда судов без экипажей, нашедших здесь покой в грустной тишине, — целая армада, застывшая в безмолвии и неподвижности. Старый броненосец со славным именем «Георгий Победоносец»; другой — «Генерал Корнилов», совсем новый ещё линейный корабль водоизмещением 7000 тонн; учебные суда «Свобода», «Алмаз»; пять

миноносцев... чуть слышен плеск волн меж серыми бортами да шаги часовых «бахариа» в форме с синими воротничками и в красных шешьях с болтающимися помпонами».

Эти корабли тогда ещё хранили свою душу, часть нашей души».

Старожилы Бизерты помнят эти призрачные силуэты русских кораблей, застывших безжизненно и одиноко под африканским солнцем. Можно ли найти более печальную картину?!

... Франция начала продавать корабли на металлолом. В 1922 году первыми были «Дон» и «Баку». К концу года подобная участь постигла корабли «Добыча», «Илья Муромец», «Гайдамак», «Голанд», «Китобой», «Всадник», «Якут» и «Джигит». Все они были проданы Францией в Италию, Польшу и Эстонию. Огромный «Кронштадт» был переименован в «Вулкан» и отдан французскому флоту.

Постепенно и другие корабли были проданы на слом: «Георгий Победоносец», «Кагул» («Генерал Корнилов»), «Алмаз», «Звонкий», «Капитан Сакен», «Гневный», «Цериго», «Ксения»... Число русских в Тунисе уменьшалось. Они уезжали в Европу, Америку, даже в Австралию... А когда морякам поступило из Парижа обещание обеспечить туда бесплатный проезд, то многие уехали из тех, кто ещё нес службу на кораблях. В 1925 году в Тунисе оставалось только 700 русских, из которых 149 жили в Бизерте.

Храм Александра Невского в Бизерте

— И судьба «Жаркого», нашего миноносца, тоже была печальной, — вспоминает Анастасия Александровна. — И тогда, в середине тридцатых годов, среди русских моряков возникла прекрасная мысль: увековечить память этих кораблей, построить храм в память о Русской эскадре. С полного одобрения Французского морского командования образовался комитет по сооружению в Бизерте памятника-часовни. В состав комитета вошли контр-адмирал Ворожейкин, капитаны первого ранга Гильдебрант и Гаршин, капитан артиллерии Янушевский и мой отец. Комитет обратился с призывом ко всем русским людям общими усилиями помочь делу сооружения памятника родным кораблям на африканском берегу. Приступили к постройке в 1937 году. А в 1938 году храм был закончен. Завесой на Царских воротах храма стал шитый вдовами и женами моряков Андреевский флаг. Иконы и утварь были взяты из корабельных церквей, подсвечниками служили снарядные гильзы, а на доске из мрамора названы поимённо все 33 корабля, которые ушли из Севастополя в Бизерту...

Пятиглавая церковь носит имя святого князя Александра Невского. В ней состоялись прощальные церемонии по кораблям эскадры. Отпевали здесь, прежде чем проводить на кладбище, и русских офицеров и матросов.

В 1942 году храм пострадал от бомбардировок. И снова было обращение за помощью к русским людям, в котором выражалась надежда, что...

Анастасия Александровна достала рукопись.

— Я вам прочитаю то, что написал контр-адмирал Тихменев, начальник штаба Русской эскадры в Бизерте: «Там, в Бизерте сооружён скромный Храм-Памятник последним кораблям Российского Императорского Флота, в нём завеса на Царских Вратах — Андреевский стяг, в этом Храме-Памятнике мраморные доски с названиями кораблей эскадры. Храм этот будет служить местом поклонения будущим русским поколениям».

Она протянула нам рукопись.

— Здесь я написала об Андреевском флаге. В память о моих родителях... Всему приходит своё время. Всему — но не для всех. В этом храме я прощалась в феврале 1964 года со своим отцом... Его гроб был покрыт Андреевским флагом, тем, который развевался над его кораблём... Потом провожала и других... Все они умерли в большой бедности...

Как сложилась судьба русских офицеров?

— Многие попали во Францию и там работали таксистами и рабочими на заводах. Сейчас много книг выходит, в которых рассказывается о судьбах русских за границей. Вот недавно вы мне передали книгу от Ирины, она живёт в Ливане, в книге она рассказывает о себе и других русских... А в Париже живёт очень знающий историю Русского флота человек, инженер по образованию, Александр Плотто. Ему дали право изучать архив Русского флота во Франции, и он сидит днями за компьютером.

Я звоню ему: «Алик, есть много людей в России, которые начинают понимать. И кто им может помочь? Я делаю всё, что могу. Вот ещё один человек обратился ко мне. Ты сможешь?»...

И он потом мне позвонил: «Спасибо, что ты указала мой адрес и телефон. Я теперь могу помочь тем, кто ищет родственников...»

И вот Александр Плотто мне сообщает: в 1900 году в порт Бизерты заходил броненосец «Александр Второй». В 1904 году в порту побывал корабль «Николай Второй». В 1908 году в Бизерту заходили русские моряки-балтийцы после кругосветного плавания.

Интересна и такая деталь: морской отряд под командованием Небогатова бросил здесь якоря на пути к Цусиме. И вот в 1920 году знакомый русским морякам порт становится для покинувших Россию пристанищем. Кому временным, кому вечным...

Я хотела остаться русской!

– Меня часто спрашивают, почему я не покинула Бизерту.... У меня не было никакого другого гражданства. Отказалась от французского! Я хотела остаться русской! Здесь я вышла замуж в 1935 году, мои трое детей родились в Бизерте. Здесь жили мои родители. В Бизерте живут мои первые ученики; мне выпало учить и их детей и внуков.

В 17 лет я начала немного подрабатывать репетиторством, покупала книги, одевалась и даже начала собирать деньги, чтобы продолжать учиться в Европе.

Я зарабатывала частными уроками математики, и только потом, после пятидесяти шестого года, когда Тунис стал независимым, мне разрешили постоянно преподавать в лицее. Работы было много. После лицея я бежала домой, где меня ждали ученики и частные уроки...

Моя жизнь тесно связана с развитием Бизерты, европейской части которой было в те времена не более тридцати лет. Большая часть французского населения состояла из военного гарнизона, который обновлялся каждые два или четыре года. Но было также много статского населения: чиновников, врачей, фармацевтов, мелких коммерсантов... Все они обосновались «на веки вечные», все видели будущее своих семей в стране Тунис.

Добавим от себя, что русские тоже внесли свою долю в развитие города. Культурный уровень этой эмиграции, её профессиональная добросовестность, умение довольствоваться скромными условиями — всё это было оценено разнородным обществом в Тунисе. Эти качества первой русской эмиграции объясняют её популярность: слово «руси» не было обидой в устах мусульманина, но скорей — рекомендацией.

Много лет спустя, уже в независимом Тунисе, первый президент страны Хабиб Бургиба, обращаясь к представителю русской колонии, скажет, что русские всегда могут рассчитывать на его особую поддержку.

– В Бизерте конца двадцатых годов русские не были больше иностранцами, — улыбается Анастасия Александровна. — Их можно было встретить везде: на общественных работах и в морс-

ком ведомстве, в аптеке, в кондитерских, кассирами и счетоводами в бюро. На электрической станции тоже было несколько русских. Когда случалось, что свет тух, всегда кто-нибудь говорил: «Ну что делает Купреев?»

Она рассмеялась и повторила: — Да, все так и спрашивали: «Опять этот Купреев? Что делает Купреев?» — И уже серьезно добавила: — Так Бизерта стала частью моей души... И меня уже никогда не отпустят тени тех, о чьей честности, верности присяге, любви к России я должна говорить всем, кто сегодня приезжает сюда...

17 июля 1997 года в Посольстве России в Тунисе Анастасии Александровне был торжественно вручен российский паспорт.

— Да, теперь о Бизерте, о русских людях и кораблях в России вспомнили. И я уверена, что сбудутся пророческие слова контр-адмирала Александра Ивановича Тихменева о том, что этот город будет служить местом паломничества будущих поколений россиян.

Ко мне часто приезжают русские туристы, приходят работающие здесь русские специалисты; целые делегации навещают меня из Севастополя, из Петербурга, из Киева, из других городов. И приезжают, и рассказывают о России хорошие новости, оставляют деньги на церковь... Из Тулы недавно приехали, с самоваром и с пряниками. Как же иначе, из Тулы — без самовара! А из Петербурга картошку привезли, и я её храню, как бриллиант! Вот, и для вас приготовила...

И Анастасия Александровна улыбнулась своей милой материнской улыбкой.

— Очень вкусная картошка! — Мы сказали это искренно: Анастасия Александровна всегда принимала своих гостей с настоящим русским гостеприимством.

— А с Алтая мне привезли алтайский мёд! И даже из Сахалина приезжали! Так что мне только остается восклицать как индейцы, которые кричали Колумбу: «Ура! Нас открыли!»

Анастасия Александровна снова рассмеялась, и лучики побежали по её лицу. Чувствовалось, что она радуется каждому русскому «Колумбу».

— И не только из России и Украины приезжают. Из Германии, Франции, Мальты, Италии, потомки тех, кто пришёл с эскадрой в Бизерту, и мои ученики, которым я преподавала. Мне многие помогают, чем могут. Передают деньги на церковь. Вы знаете, в каком состоянии находился «русский уголок» на бизертинском кладбище? Разбитые плиты, разорённые могилы, запустение... Но с помощью посольства России и Российского культурного центра в Тунисе

на кладбище воздвигли памятник офицерам и матросам эскадры. Всё больше и больше русских людей приезжает на древнюю землю Карфагена, чтобы найти следы своей Истории, Истории России. Это, я считаю, великий знак!

Почему я говорю об этом? Я хочу сказать, что есть стоимости моральные, которые мне дороги. Я принадлежала к сплочённой, дружной морской среде. И я храню традиции этой среды. И я надеюсь, что мои внуки их сохраняют. И что другие тоже их сохраняют...

Уже за чашкой чая Анастасия Александровна сказала:

– Из нескольких тысяч русских людей, лишившихся Родины и приплывших в двадцатом году в Бизерту, осталась теперь в Тунисе я одна — единственный свидетель! Ну вот, теперь русские приезжают в Тунис посмотреть на Карфаген и на меня.

И рассмеялась. А в глазах её заблестели огоньки, похожие то на слезинки о пережитом, то на далёкие огни кораблей русской эскадры, уходящих от родных берегов.

* * *

[1] Здесь и далее цитаты из книги Ширинской-Манштейн А. А. «Бизерта. Последняя стоянка», М. : Воениздат, 1999. Книга уже дважды переиздана — в 2003 году (СПб. : Из-во Фонд содействия флоту «Отечество»), и в 2006 (СПб. : Фонд «Отечество»).

О. И. Фомин

ВЕРНАЯ ДОЧЬ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА РОССИИ

Рис. 1. О. И. Фомин

К началу 1921 года вся Русская эскадра в составе 35 кораблей стала на рейде Бизерты. Естественно, что тёплого приёма шесть тысяч прибывших русских эмигрантов не ожидали. Местное население встречало их холодно, а власти французского протектората — с подозрением. Коренное население протестовало против возможных конкурентов по работе, а представители местной еврейской общины вспомнили, что Врангель, чьим именем называлась эскадра, имел репутацию антисемита.

Поразительно, но потерявшие Родину люди все ещё были готовы и продолжали служить России даже в этих драматических обстоятельствах. Так Севастопольский Морской корпус был перевезён в Бизерту в полном составе, со своей учебной базой. Обучение было поставлено на таком высоком уровне, что диплом выпускника бизертинского Морского корпуса был достаточен для поступления в высшие учебные заведения Европы. Ликвидирован Морской корпус был лишь в мае 1925 года.

29 октября на кораблях последний раз прозвучала команда о спуске Андреевского флага с эскадры. Прозвучала команда: «Флаг и гюйс спустить». Русские моряки и члены их семей переводились на берег и становились беженцами, а на кораблях выставлялись французские караулы. На чужбине хлеб насущный давался очень тяжело. Русские моряки были готовы на любую работу, зачастую ничего общего не имеющую с их образованием и квалификацией. Чаще всего они работали землемерами, плотниками, жестянщиками или электриками и чертёжниками, соглашаясь на работу в самых отдалённых и необжитых районах Туниса.

В результате неимоверных усилий и помощи со всего Русского Зарубежья в 1939 году в Бизерте удалось построить православный храм-памятник Черноморской эскадре святого князя Александра Невского. В 1950 году в столице французского протектората была возведена церковь Воскресения Христова. Храмы играли объединяющую роль в русской колонии. Тем не менее, она всё уменьшалась. Большинство наших соотечественников были вынуждены принять французское гражданство, а затем многие уехали во Францию. В Тунисе остались только те из русских, кто решил связать свою жизнь или дожить её в Тунисе.

Среди них была и Анастасия Александровна Ширинская-Манштейн. Восьмилетней девочкой она прибыла с флотом в Бизерту и прожила в ней долгую жизнь, полную не только тягот, но и уважения и любви со стороны тунисцев, любимой учительницей математики которых она была.

Прибыв в Тунис в 1994 году в качестве директора Российского центра науки и культуры (РЦНК) в столице страны, 1-го секретаря Посольства России, я вскоре познакомился с Анастасией Александровной. Мы сразу же нашли общий язык на основе русского патриотизма, любви к русской литературе и общих нравственных установок. Мы подружились и общались семьями. Дополнительным связующим звеном между нами стала семья отца Дмитрия — настоятеля русских церквей в Тунисе и его супруги — матушки Светланы. Ко времени моего знакомства с А. А. Ширинской-Манштейн сотрудники Посольства Российской Федерации и других российских представительств уже не чурались «белогвардейской эмигрантки», а считали за честь общаться с этой высокообразованной и высококультурной женщиной.

Она беззаветно любила Россию, которую ей пришлось покинуть не по своей воле, и как истинная христианка не таила зла на «революционеров», сломавших жизнь ей и её семье. Более того, она

высоко ценила заслуги Сталина в развитии и подъёме Советского Союза, его роль как Главнокомандующего Красной Армии в победе в Великой Отечественной войне над фашистской Германией. На книжной полке в её комнате стояли мемуары прославленных советских маршалов Г. К. Жукова и К. К. Рокоссовского. Нередко эта совершенная по своим душевным качествам женщина говорила мне: «Олег Иванович, вот мой муж — Ширинский, я сама — урождённая Манштейн, но какими же мы были русскими». И в самом деле, она всю жизнь оставалась русской, отказывалась от французского паспорта, живя по так называемому паспорту Нансена, выдаваемому для беженцев без гражданства. И наконец дождалась. Мне посчастливилось присутствовать на вручении Анастасии Александровне Чрезвычайным и Полномочным послом Российской Федерации в Тунисской Республике долгожданного российского паспорта. Как же она мечтала об этом дне! Несмотря на свой уже преклонный возраст эта хрупкая женщина принимала самое активное участие в общественной жизни российской колонии: присутствовала на дипломатических приёмах, выступала с воспоминаниями и лекциями в РЦНК, принимала у себя в Бизерте многочисленные российские официальные делегации и туристов. Она стала душой и наставником созданной при РЦНК Ассоциации соотечественников, в которую вошли вместе с детьми жёны тунисцев из России и других стран Содружества Независимых Государств, обучавшихся в советских и российских вузах. Её авторитет среди россиянок, украинок, белорусок и представительниц других бывших республик СССР был непререкаем. Но главное, что она была любима ими.

Одной из главных благородных страстей Анастасии Александровны была её непреходящая любовь к Русскому флоту. Какими праздниками для неё были заходы российских кораблей в Бизертский порт! Она поднималась на борт, моряки торжественно приветствовали её — дочь офицера Российского Императорского флота, командира эскадренного миноносца «Жаркий». В Тунисе ребёнком она провела первые годы на броненосце «Георгий Победоносец». Он стоял в канале у самого города и был переоборудован в плавучую гостиницу. В ней жило несколько сотен человек, в основном женщины, дети и пожилые люди. Анастасия Александровна вспоминала, как однажды юной девушкой танцевала вальс с Командующим Русской эскадры в Бизерте М. А. Беренсом. А позже плакала на его похоронах. Она — хранительница могил русских моряков на кладбище Бизерты, Туниса

и других городов. Благодаря её инициативам, ухаживать за русскими могилами в Тунисе стали сотрудники Посольства России, РЦНК.

Горжусь тем, что сподвигнул Анастасию Александровну на написание книги «Бизерта. Последняя стоянка». Эта книга, ставшая ещё одним памятником Черноморской эскадре, была издана в Москве моим другом, главным редактором «Воениздата» полковником С. П. Куличкиным.

Я бы хотел ещё многое рассказать об этой замечательной русской женщине, оставившей добрую память о себе в Тунисе, где в Бизерте площадь перед церковью Александра Невского названа её именем. В частности, о её поездке в Россию в сопровождении моей супруги, её восторгах и часто очень уместных замечаниях. О её встречах и интереснейших беседах с моими друзьями из Союза писателей России.

Уже завершив свою заграничную командировку, я прилетел из Москвы в Тунис на день рождения Анастасии Александровны. Передал ей высшую награду старейшей российской общественной организации — золотой Знак Императорского Православного Палестинского Общества (ИППО) и наградное удостоверение, подписанное председателем Общества С. В. Степашиним. Этот Знак сегодня в музее А. А. Ширинской-Манштейн в Бизерте. А на надгробии навсегда вошедшей в историю Военно-Морского Флота России верной дочери Отчизны высечены слова любимого ею русского поэта В. А. Жуковского: «Не говори с тоской — их нет. А с благодарностию — были».

В заключение хочу от всего сердца поздравить и поблагодарить организаторов этого прекрасного мероприятия и в первую очередь ещё одну замечательную женщину — Эльвиру Владимировну Гудову. Она скрасила последние годы жизни Анастасии Александровны, хранит дорогую память о ней и передаёт окружающим, главным образом молодёжи, уважение и любовь к истории нашей Родины, её славному Военно-Морскому Флоту.

М. В. Шкаровский

**ХРАМ-ПАМЯТНИК
СВЯТОГО БЛАГОВЕРНОГО КНЯЗЯ
АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В БИЗЕРТЕ**

Рис. 1. М. В. Шкаровский

В истории российской церковной эмиграции XX века заметную страницу занимают судьбы русских церковных общин в североафриканской стране Тунис. Один из тунисских городов — Бизерта — стал последним пристанищем Российского Императорского и белого флота под Андреевским флагом. В настоящее время десятки тысяч россиян в качестве туристов посещают Тунис, но мало кто из них знает, что далёкая африканская страна связана с памятной страницей российской истории. Между тем эта память отразилась в существовании двух прекрасных, построенных в русском стиле, каменных храмах: святого благоверного великого князя Александра Невского в Бизерте и Воскресения Христова — в столице страны г. Тунисе. Их посещение оставляет незабываемое впечатление, кажется, что частица России перенесена на знойную африканскую землю, среди пальм, пустынь, минаретов и т. п.

Строительство храма во имя святого благоверного великого князя Александра Невского в Бизерте было связано с приходом в этот город в декабре 1920 года Русской эскадры, которая вывезла из Крыма в Константинополь белые войска генерала П. Н. Врангеля и тысячи мирных беженцев. После признания 28 октября 1924 года правительством Франции Советского Союза оно потребовало от русского командования сдачи и разоружения боевых кораблей белого флота. В результате часть флота была уведена французами из Бизерты в Тулон, другая — в конце 1920-х — начале 1930-х годов продана на слом. Однако флаг с флагманского корабля линкора «Георгий Победоносец», спущенный вечером 29 октября 1924 года, был сохранён как святыня и символ русской эмиграции. Корабельная церковь на «Георгии Победоносце», где до спуска Андреевского флага служил протоиерей Иоанникий Полетаев, была в октябре 1924 года перенесена в арендованную бизертскую квартиру на улице Анжу (rue d'Anjou), в одной из комнат которой и проходили службы. Эта домовая церковь, как и прежняя корабельная, была освящена во имя святого великомученика Георгия Победоносца, она действовала до 1938 года

В начале 1930-х годов, после гибели почти всех кораблей, у русских моряков появился замысел построить в Бизерте часовню в память о последнем военно-морском соединении Российской империи под Андреевским флагом, благодаря которому в дни крымской катастрофы десятки тысяч русских беженцев спасли свои жизни. В 1930 году в Тунисе с разрешения французского морского командования был создан организационный комитет, который возглавил вице-адмирал А. М. Герасимов. 14 апреля 1931 года деятельность организационного комитета была разрешена премьер-министром Туниса. Через «Морской журнал» комитет обратился с призывом ко всем русским эмигрантам общими усилиями помочь делу сооружения храма-памятника русским кораблям. Пожертвования на его строительство поступили из Туниса, Франции, Чехословакии и других стран. Вместо первоначально задуманной часовни на пожертвования русских изгнанников была построена церковь; в 1936 году удалось получить разрешение французских властей на её возведение. 30 декабря 1936 года специальным постановлением премьер-министра Туниса было разрешено создание «Культовой ассоциации православных Бизерты», устав которой утвердили 28 февраля 1938 года. Возглавил ассоциацию выборный совет из пяти членов, президентом которого стал контр-адмирал С. Н. Ворожейкин. Декрет бея Туниса от 25 января 1937 года подтвердил покупку

ассоциацией земельного участка в Бизерте на улице Ниццы (rue de Nice), рядом с железнодорожной станцией.

На основании решения муниципалитета Бизерты от 11 сентября 1937 года в том же году началось строительство каменного храма во имя св. Александра Невского — первой русской церкви, возведённой на территории Африки. Здание строилось по проекту и под руководством военного инженера — полковника императорской армии Николая Сергеевича Сухоржевского (1878–1954)¹¹¹.

Торжественная закладка храма состоялась 10 октября, корреспондент «Морского журнала» так писал об этом событии: «На церемонию закладки были приглашены все высшие французские и тунисские власти, военные и гражданские, вся русская колония Тунисии, последний командующий эскадрой контр-адмирал Беренс и командиры кораблей. Закладку совершил протоиерей Константин Михайловский. Место будущей церкви... было красиво убрано флагами, причём около места будущего святого престола красовались русские флаги — морской Андреевский и национальный. В закладной камень были вложены икона Спасителя, коробочка с русской землёй и кусок пергамента с “надписанием” о закладке»¹¹².

Строительные работы завершились через год, торжественное малое освящение храма отцом Константином Михайловским состоялось 10 сентября 1938 года. В 1939 году была окончена внутренняя роспись церкви. Первым её настоятелем служил протоиерей Иоанникий Полетаев. Сразу же после освящения в храм передали на постоянное хранение исторический Андреевский флаг с линкора «Георгий Победоносец». В архитектурном украшении церкви было использовано много предметов с последнего корабля Русской эскадры — линкора «Генерал Алексеев». Купивший судно инженер и купец А. П. Клягин передал Комитету по сооружению храма-памятника корабельные якоря, люстры и мраморные плиты.

Небольшой пятиглавый храм был сооружен в стиле русских церквей XVII века (в традициях суздальских и вологодских земель) и стал единственным храмом-памятником Черноморской эскадры российского флота. На правой внутренней стене церкви установили таблицу с названиями 33 боевых русских кораблей, пришедших в 1920 году в Бизерту, а через несколько десятилетий — и мемориальные доски с именами морских офицеров русской эскадры. В Александро-Невский храм были переданы старинные иконы

¹¹¹ Россия в изгнании. М. : 1999. С. 84.

¹¹² Морской журнал. 1937. № 10–11. С. 35 (233).

с кораблей (в том числе образа Христа Спасителя, Божией Матери, святых Константина и Елены с линкора «Георгий Победоносец»), различные флотские реликвии и документы. Вместо алтарной завесы на Царских вратах повесили Андреевский флаг, сшитый жёнами и вдовами моряков; подсвечниками первоначально служили снарядные гильзы¹¹³.

Фрески на стенах церкви, отдельные иконы и почти все храмовые украшения были выполнены самими прихожанами и членами клира. Иконы иконостаса и фигуры двух евангелистов в верхней части свода были выписаны художником Г. Чапегой, малые иконы иконостаса — В. Н. Зверевым, икону в киоте святого благоверного великого князя Александра Невского написал сын директора Морского корпуса вице-адмирала А. М. Герасимова В. А. Герасимов, икону «Тайная вечеря» — Г. М. Янушевский, крест над киотом — старший лейтенант А. С. Манштейн (он же сделал большинство киотов). Во второй половине 1940-х гг. известный русский архитектор Михаил Фёдорович Козмин написал образы ещё двух евангелистов в верхней части церковного свода. Входную дверь храма в первой половине 1950-х годов оформил его тогдашний настоятель протоиерей Иоанн Малиженовский, а решётку церковной ограды сделал многолетний председатель приходского совета М. В. Михайлов. В храме проходили прощальные церемонии по кораблям эскадры, здесь отпевали российских моряков, прежде чем проводить их на бизертское кладбище.

Созданный в Тунисе православный приход, как и большинство русских общин на французских территориях, с начала 1920-х годов входил в состав возглавляемого митрополитом Евлогием (Георгиевским) Западно-Европейского русского экзархата, находившегося тогда в юрисдикции Московского Патриархата (позднее — в 1931 г. перешедшего в Константинопольский Патриархат). Правда, в конце 1920-х годов приход впервые перешёл в юрисдикцию оформившейся тогда Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ). Однако это продолжалось относительно недолго — до 1942 года.

Вскоре после освящения Александро-Невской церкви протоиерей Иоанникий Полетаев по состоянию здоровья ушел на покой, и Архиерейский Синод РПЦЗ прислал в Бизерту нового настоятеля — священника Сергия Егорова. Данный выбор оказался неудачным, отец Сергей показал себя не с лучшей стороны и в 1942 году

---

¹¹³ Черкасов-Георгиевский В. Русский храм на чужбине. М. : 2003. С. 219.

погиб. Эти события сильно подорвали авторитет РПЦЗ среди прихожан и способствовали переходу общины в юрисдикцию митрополита Евлогия.

В 1942–1947 годах настоятелем храма служил известный русский богослов протоиерей Николай Николаевич Афанасьев. В ноябре 1942 года Александро-Невская церковь сильно пострадала от бомбардировок англо-американской авиации, которым подвергалась военно-морская база Бизерта. Итальянские и немецкие войска заняли Бизерту в ноябре 1942 года, и с этого времени начались жестокие бомбардировки, разрушившие город на 70 %. Осенью 1947 года русская община Туниса вновь перешла в юрисдикцию Русской Православной Церкви Заграницей, и её настоятелем был назначен игумен Феодосий (Трушевич).

Одной из важнейших задач русской колонии Туниса было восстановление сильно пострадавшей в годы Второй мировой войны церкви во имя святого благоверного великого князя Александра Невского. Болью отозвался в русских сердцах послевоенное воззвание «Памяти русской эскадры в Бизерте» с призывом помочь в ремонте храма, написанное бывшим начальником штаба командующего эскадрой, председателем приходского совета Александро-Невского храма контр-адмиралом Александром Ивановичем Тихменевым: «В далекой Бизерте, в Северной Африке, где нашли себе приют остатки Российского Императорского флота, не только у моряков, но и у всех русских людей дрогнуло сердце, когда в 17 часов 25 минут 29 октября 1924 года раздалась последняя команда: «На флаг и гюйс!» — и спустя одну минуту: «Флаг и гюйс спустить!» Тихо спускались флаги с изображением креста Святого Андрея Первозванного, символа Флота, нет — символа былой, почти 250-летней славы и величия России. Там, в Бизерте, сооружён скромный храм — памятник последним кораблям Российского Императорского флота; в нём завеса на Царских Вратах — Андреевский стяг, в этом храме-памятнике — мраморная доска с названиями кораблей эскадры. Храм этот будет служить местом поклонения будущих русских поколений»¹¹⁴.

Призыв адмирала нашел отклик. В 1949 году выходящая в Париже газета «Русская мысль» сообщала: «Стараниями 25 русских семейств и игумена Феодосия храм теперь полностью восстановлен и открыт для богослужений. Французское правительство ассигновало на ремонт 957 тыс. франков. Остальные суммы, до полу-

---

¹¹⁴ *Ширинская А. А.* Бизерта. Последняя стоянка. М. : 1999. С. 195.

тора миллионов, были собраны среди верующих»¹¹⁵. Руководил реставрационными работами русский архитектор Михаил Фёдорович Козмин (1901–1999), приехавший в Тунис в 1946 году. Торжества освящения церкви во имя святого благоверного великого князя Александра Невского после завершения восстановления состоялись 5–6 ноября 1949 года.

В субботу — 5 ноября игумен Феодосий совершил водосвятный молебен с освящением иконостаса, а на следующий день — чин омовения, миропомазания и облачения престола. Затем состоялись Божественная литургия и торжественный молебен с возгласием многолетия. При этом пели три хора: русский из Бизеры, русский из Туниса и греческий из Туниса, настоятель греческой Свято-Георгиевской церкви отец Феодор Эконому подарил храму позолоченную чашу. На торжествах, кроме него, присутствовали представители правительства, бея, морского военного командования и главнокомандующего французскими войсками в стране. Игумен Феодосий передал в храм святого благоверного князя Александра Невского новый антиминс, полученный им в 1946 году от епископа Серафима (Иванова) и освящённый митрополитом Анастасием, а также присланный из Афин комплект святых икон¹¹⁶.

Рядом с восстановленным храмом был построен дом для настоятеля, но с его приездом получилась заминка. Архиерейский Синод назначил на это место священника Игнатия Любимова, он даже получил визу, однако по ряду причин не приехал. Только в конце февраля 1950 года в Тунис в качестве исполняющего должность настоятеля храма прибыл протоиерей Иоанн Михайлович Малиженовский, занимавший этот пост до 1954 года.

К этому времени в стране появился ещё один русский храм. 29 декабря 1948 года председатель Архиерейского Синода РПЦЗ митрополит Анастасий дал своё благословение на постройку церкви в г. Тунисе. В феврале 1949 года был закончен проект храма, разработанный архитектором Михаилом Фёдоровичем Козминым при участии игумена Феодосия (Трушевича), затем проект представили местному правительству, которое 5 марта утвердило его и предложило муниципалитету г. Туниса выделить участок земли, что, впрочем, в ближайшие годы сделано не было. Желание участвовать в постройке и украшении храма выразил известный русский

---

¹¹⁵ Русская церковь в Бизерте // Русская мысль. 1949. 21 декабря.

¹¹⁶ Синодальный архив Русской Православной Церкви за границей в Нью-Йорке (СА). Д. Северная Африка.

художник А. А. Рубцов (скорая смерть помешала ему осуществить это намерение).

В начале 1950-х годов в Тунисе сложилась достаточно большая русская колония, для которой была характерна активная церковно-приходская жизнь. Священноначалие Русской Православной Церкви Заграницей видело перспективность общины, и в этой связи Архиерейский Синод 11 февраля 1950 года принял решение направить в Северную Африку архиерея-администратора приходов РПЦЗ в данном регионе, с целью устройства там отдельной епархии. Этим архиереем стал назначенный 11 февраля и приехавший 4 июля 1950 года в Тунис архиепископ Пантелеимон (Рудык), который служил настоятелем русской домово́й Воскресенской церкви в г. Тунисе до своего отъезда из страны в августе 1952 года¹¹⁷.

21 ноября 1952 года Архиерейский Синод РПЦЗ поручил управление приходами Русской Православной Церкви Заграницей в Северной Африке епископу Колумбийскому Нафанаилу (Львову) с назначением его настоятелем русской общины в Тунисе. Возглавив Северо-Африканскую епархию, Владыка Нафанаил увидел необходимость более интенсивной работы с целью расширения церковной жизни в русской среде и решил возобновить осуществление проекта постройки нового храма. Местом для возведения будущей церкви была выбрана столица — г. Тунис; храм задумывался как кафедральный собор для всей Северной Африки, где тогда проживало четыре тысячи русских эмигрантов, не считая солдат французского Иностранного легиона. Вскоре начался сбор средств, большая часть денег поступила от русских эмигрантов — родственников моряков, а участок земли в одном из лучших районов города русской общине бесплатно выделил муниципалитет г. Туниса. Всего за полгода было собрано около 2 миллионов франков пожертвований. К осени 1953 года было получено разрешение на строительство, муниципалитет г. Туниса выдал епископу Нафанаилу дарственный акт на участок земли, и 11 октября того же года заложили первый камень в основание храма Воскресения Христова. Под этот камень была помещена частица мощей священномученика Киприана, епископа Карфагенского, знаменитого распространителя христианства на североафриканской земле в III веке. Закладку церкви совершил епископ Нафанаил в сослужении настоятеля храма святого князя Александра Невского протоиерея Иоанна Малиженевского¹¹⁸.

---

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Там же.

В сентябре 1953 года была избрана строительная комиссия под председательством епископа Нафанаила и в составе инженеров В. Е. Лагодовского, В. Л. Сукуренко, Р. Л. Шполянского, казначая А. И. Штоля и вице-председателя приходского совета К. К. Михайловского. В строительстве также безвозмездно участвовали инженеры И. Ф. Сомов и Б. Н. Трезвинский. Новый храм возводился по проекту упоминавшегося архитектора М. Ф. Козмина. Инженером-строителем был сын православного священника Владимир Ефимович Лагодовский (1895–1983), прибывший в страну 25 декабря 1920 года с русской эскадрой. Благодаря своим личным знакомствам и связям с многочисленными строительными кампаниями, В. Е. Лагодовский смог организовать сбор пожертвований и обеспечить специальные невысокие тарифы на строительные работы по возведению храма, постройка которого первоначально оценивалась в 5 миллионов франков, но в итоге всё же превысила 8 миллионов. При этом В. Е. Лагодовский пожертвовал на строительство свой гонорар.

Вскоре после начала строительства, в конце октября 1953 года Архиерейский Синод неожиданно перевел епископа Нафанаила в Германию. В 1954–1956 годах настоятелем храма в г. Тунисе служил иеромонах Митрофан (Едлинский-Мануйлов). В июне 1955 года получила право на существование Православная ассоциация церкви Воскресения Христова, устав которой был подписан премьер-министром резидентом 6 июня. 1 июня 1955 года члены причта (настоятель и псаломщик) переехали в новые квартиры, устроенные в нижнем этаже возводимого храма. 17 октября был торжественно освящён и водружён на купол храма православный крест, 24 октября святыни и утварь Воскресенской церкви перевезли из прежнего помещения в арабской части города на ул. Сельер в один из залов нижнего этажа, где предполагалось устроить временный храм. В субботу 29 октября отец Митрофан совершил малое освящение временного храма и впервые совершил в нём всенощное бдение, а в воскресенье 30 октября — Божественную литургию. В письме митрополиту Анастасию от 3 ноября 1955 года настоятель сообщал, что основные трудности в строительстве храма пройдены. К этому времени купол был покрыт листами латуни, застеклены окна, изготовлены массивные, художественной работы, двери из красного дерева, настланы полы храма, закончено помещение алтаря, сделана солея, проведено электричество и т. д. Предстояло выполнить наружные и внутренние штукатурные работы, отделку и украшение храма. Всего на возведение храма было потрачено 6 миллионов франков,

причём задолженность составляла 2,5 миллиона, в том числе 1,3 миллиона — прихожанам и различным фирмам — 1,2 миллиона¹¹⁹.

К Пасхальному празднику 22 апреля 1956 года работы по возведению храма были в основном завершены, и на начало июня запланировали торжественное освящение. Отец Митрофан пригласил совершить его митрополита Анастасия (Грибановского), но Первоиерарх РПЦЗ не смог приехать в Тунис. В воскресенье 10 июня состоялось торжественное освящение нового храма, которое совершил святой архиепископ Шанхайский Иоанн (Максимович), в то время архиепископ Брюссельский и Западно-Европейский, в сослужении епископа Женевского Леонтия (Бартошевича) и настоятеля иеромонаха Митрофана (Едлинского-Мануйлова). На торжестве освящения присутствовала почти вся русская колония, представители от бея и тунисского правительства, французских властей, католического епископа, протестантских общин, многих общественных организаций. 24 августа 1956 года Архиерейский Синод постановил наградить благословенными грамотами от Синода, выдаваемыми за ревностный и усердный труд в деле строительства храма, шестерых прихожан: архитектора М. Ф. Козмина, строителя-инженера В. Е. Лагодовского, инженера И. Ф. Сомова, инженера Р. Л. Шполянского, инженера В. Л. Сукуренко и вице-председателя приходского совета Н. М. Дорошевского.

Небольшое белоснежное здание (рассчитанное на 300 человек) с покрытым глазурью куполом, увенчанным золотым православным крестом, было построено по образцу древнего памятника русской архитектуры XII века церкви Покрова на Нерли. Воскресенский храм остался не расписанным внутри из-за отсутствия необходимых художников и средств. Место его расположения было выбрано очень удачно — в центре города, на проспекте Мухамеда V (avenue Mohamed V), д. 12. Иконостас, большие и часть маленьких икон, а также подсвечники и хоругви тунисского храма происходили с русских кораблей: линкора «Генерал Алексеев», крейсера «Кагул» и штабного судна «Георгий Победоносец», о чём в храме имеются мемориальные надписи. Главной святыней храма является напрестольный крест, в котором содержится частица Животворящего Древа Креста Господня и частица мощей свмч. Киприана Карфагенского. Со временем в Воскресенском храме также установили две мраморные мемориальные доски: одна — на русском и французском языках с именами погибших в 1939–1943 гг. русских

---

¹¹⁹ Там же.

эмигрантов, воевавших на стороне «Сражающейся Франции», другая — на русском, повешена в 2002 году в память о семи тысячах советских военнопленных, скончавшихся в Тунисе и Ливии в годы Второй мировой войны. Вазами для цветов в церкви служат гильзы от корабельных орудий Русской эскадры. В крипте храма был устроен приходской дом, в котором находились квартира настоятеля, комната псаломщика, зал для собраний, церковная библиотека (её основу составила библиотека Русской эскадры), читальня, комната для заседаний и приёмов, помещение для престарелых прихожан¹²⁰.

Настоятелем церкви святого князя Александра Невского в 1954–1956 годах служил иеромонах Митрофан (Едлинский-Мануйлов), с 1 ноября 1956 года по сентябрь 1958 года — игумен Пантелеимон (Рогов), а с 4 сентября 1958 года — вновь протоиерей Иоанн Малиженовский. Ассоциация русских православных христиан получила купчую на земельный участок под храм св. Александра Невского от французских властей. После признания Францией независимости Туниса 20 марта 1956 года их право на владение этим участком было подтверждено указами первого президента страны Хабиба Бургибы, в частности декретом от 16 ноября 1957 года. В декабре 1958 года о. Иоанн Малиженовский опубликовал воззвание к русским эмигрантам о пожертвованиях на содержание храма-памятника Российской эскадре. Собранные средства помогли отремонтировать храм, при этом архимандрит Пантелеимон (Рогов) в конце 1950-х — начале 1960-х годов лично расписал церковь фресками.

После отъезда в мае 1960 года о. Иоанна из Туниса, архимандрит Пантелеимон до мая 1961 года служил последним настоятелем Александро-Невского (как и Воскресенского) храма в юрисдикции РПЦЗ. К этому времени число прихожан, в связи с отъездом русских из Туниса, резко сократилось, и в храме периодически служили греческие священники. Большую роль в сохранении церкви сыграла староста общины, дочь командира миноносца Русской эскадры, так и не принявшая никакого гражданства, кроме российского, Анастасия Александровна Манштейн-Ширинская. Именно она стала инициатором обращения прихожан к Патриарху Московскому и всея Руси. 16 февраля 1992 года Священный Синод постановил принять русскую православную общину в Тунисе в юрисдикцию Московского Патриархата и назначил её настоятелем священника Димитрия Нецветаева, который и сейчас служит там.

---

¹²⁰ Там же.

С 2006 года над храмом святого князя Александра Невского шефствует Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра. На участке по соседству с храмом был построен и наместником Лавры епископом Выборгским Назарием торжественно освящён 25 сентября 2009 года «Дом А. А. Манштейн-Ширинской» — музейное собрание фотографий, документов, икон и вещей, связанных с Русским флотом. На церемонии открытия А. А. Ширинская сказала: «Теперь у нас есть дом, который я хочу назвать зарубежное Рубежное» (усадьба Манштейнов в дореволюционной России называлось Рубежное). Для Александро-Невской церкви в лаврских мастерских были написаны иконы и изготовлена церковная утварь. Анастасия Александровна Ширинская скончалась 21 декабря 2009 года (она была похоронена рядом со своим отцом — на русском кладбище Бизерты). На девятый день её кончины — 29 декабря в Александро-Невской Лавре состоялся вечер памяти старейшины русской общины в Тунисе. В 2010 году был создан Международный клуб «Бизерта», и 13 сентября состоялось организационное собрание Петербургского отделения клуба.

2–3 декабря 2010 года в Свято-Духовском центре Александро-Невской Лавры состоялась международная конференция «Судьбы Русской эскадры. Севастополь — Бизерта. 90 лет исхода», посвящённая истории Российского Императорского и белого флота, русской общины в Тунисе и шефству Лавры над Александро-Невским храмом Бизерты. В 2012 году площадь у русского храма официально была названа именем Анастасии Ширинской. В настоящее время Александро-Невская Лавра и её наместник епископ Кронштадтский Назарий продолжают содействовать церковной жизни храма-памятника святого князя Александра Невского.

Когда стоишь вечером на набережной Бизерты, кажется, что сквозь морскую дымку проступают силуэты кораблей Русской эскадры, невольно слышатся далёкие команды, приглушённые звуки корабельных рынд, голоса моряков. Память об их истории и судьбе поселившихся в Африке русских людей, до конца оставшихся верными своей Родине, не должна быть забыта.

А. А. Шугаев

ТУНИССКИЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ МАРТИРОЛОГИ XX ВЕКА – НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ

Рис. 1. А. А. Шугаев

Фонд № 142 «Материалы Эскадры и церквей» находится в Доме русского зарубежья имени А. И. Солженицына. Всего в фонде 27 единиц хранения. Из них 17 — метрические книги, остальные — выписки из них, справки и др. Из числа метрических книг, охватывающих 1920–2008 гг., III часть — «О умерших» — имеется в книгах № 2–№ 16 (до 1968 г. включительно). Эти метрические книги вели священники: 1. транспорта-мастерской «Кронштадт» протоиерей Василий Торский (1920, до прибытия в Тунис) и отряда мелких судов прот. Иоанникий Поletaев (март 1921 — январь 1924); 2. церкви лагерей «Сен-Жан» и «Ремель» (метрическая тетрадь); 3. лагеря «Надор» Пётр Попов (март 1921 — январь 1924); 4. крейсера «Алмаз» прот. Николай Венецкий (февраль 1921 — август 1921); 5. II отряда Русской черноморской эскадры прот. Василий Торский (февраль–ноябрь 1921); 6-7. Б. л. к. «Георгий Победоносец» Николай Богомоллов (июль 1921 — октябрь 1922); 8. церковь-памятник Русской

эскадре (св. А. Невского) в Бизерте Сергей Егоров (август 1940 — февраль 1942); 9-11. церковь св. Павла Исповедника при Морском корпусе прот. Георгий Спасский (февраль 1921 — декабрь 1925); 12-17. церковь Воскресения Христова в гор. Тунисе митрофорный протоиерей Константин Михаловский (июль 1921 — март 1939), прот. Евлогий Лагодовский (май 1939 — июнь 1939), архиепископ Пантелеимон (январь 1952 — сентябрь 1957), Николай Афанасьев (декабрь 1941 — август 1951), иеромонах Митрофан Едлинский (январь 1958 — декабрь 1968).

Полнота записей в книгах: всего записи о 514 умерших. В т. ч. 22 иностранца, из них 2 болгарки и 20 греков (в период 1932–1947, когда в греческой церкви не было священника? Но о. К. Михаловского хоронили в 1942 на греческом участке кладбища настоятели греческих церквей Туниса и Сфакса). Как касающиеся иностранных подданных, не связанных с Русской эскадрой, эти записи не учитываются в анализе. Поэтому объект исследования в данной работе — записи о 454 взрослых и отдельно — о 38 детях до 7,5 лет. Сразу бросается в глаза несоответствие количества умерших по годам в метрических книгах и других источниках. При сравнении церковных списков с составленными К. В. Махровым (*Русская колония в Тунисе. 1920–2000. — М. : Русский путь, 2008*) в метрических книгах не обнаружено 110 человек, не считая жён и детей, вписанных в статьи его библиографического справочника по мужу, отцу. В их число входят такие видные члены русской колонии, как М. А. Кульстрем, В. С. Махров, Н. А. и Л. С. Монастырёвы. По мнению о. Димитрия (Нецветаева), данные пропуски объясняются плохим состоянием о. Михаловского в последние годы его настоятельства. Анализ показывает, что неотражение скончавшихся членов русской колонии в метрических книгах не связано с вероисповеданием и вообще участием священника в похоронах (в книгах имеются записи о римско-католиках, лютеранах, а также скончавшихся без причащения и отпевания, включена неофициальная информация об умерших, например, в домах для умалишенных). Пропуски имели место во все десятилетия, но максимум — около 4/5 — в 40-е и 50-е, а также в 1939 (9 случаев, первый год без о. Михаловского в чине настоятеля, тогда как в 1935–1938 гг. таких случаев не было не одного). После 1968 г. метрическая книга велась, однако III часть — «О умерших» — в ней не заполнялась. При этом списки К. В. Махрова содержат 45 фамилий людей, которые умерли в Тунисе в последующие годы. Кроме того, в конце 50-х-начале 60-х появилось 12 случаев смерти без исповеди и причащения (обозна-

ченных в метрической книге как «смерть внезапная»), что, очевидно, тоже свидетельствует об ухудшении качества религиозного служения именно в пост-Михаловские годы.

Несмотря на выявленную неполноту метрических книг, они содержат достаточно большой объём информации, позволяющий провести её статистический анализ по различным направлениям. Это даёт возможность уточнить обобщенный портрет русской диаспоры в Тунисе.

Начнём с детей. Из 38 умерших в младенческом и детском возрасте (от 1 дня до 7,5 лет) 27, или 71 %, скончались, не дожив до 1 года. *Так, лишь 11 месяцев прожила младшая сестра Анастасии Александровны — Мария.* Из общего числа почти половина (18) умерло за 2-е полугодие 1921 и в 1922 годах. В основном — из-за инфекций на фоне слабости организма, что понятно — ведь неустроенные и ослабленные родители в первые годы беженства не могли обеспечить надёжной защиты их детям. Исходя из того, что, в соответствии с рапортом капитана 1-го ранга Н. Р. Гутана, в Бизерту с РЭ прибыло 239 детей, их смертность в указанный период составила 7,5 % (смертность среди взрослых за то же время — 0,9 %).

Число умерших взрослых также было максимально в первые годы тунисской жизни: в 1921 году было 40 записей в метрических книгах, в 1922 — 20. При этом в связи с быстрым сокращением общей численности русских в Тунисе в последующие годы показатель смертности заметно не улучшался. В частности, в 1926 году зафиксирована смерть 10 взрослых и 1 ребенка, при том что количество русских беженцев стабилизировалось к тому времени на уровне 1000 чел. Таким образом, показатель смертности в том году составил те же 0,9 %, что и в 1921 году. Однако в сравнении с положением в Советской России (21,3 умерших на 1000 жителей, или 2,1 %), ситуация в Тунисе в 1926 года для русских выглядела явно лучше. И только после 1957 года, когда Тунис стал реально независим от Франции и русские с французским гражданством стали его активно покидать, а оставшиеся стареть, смертность в русской колонии стала расти. Так, в 1960 году она составила примерно 4 % (против 1,1 % в СССР).

Анализируя количество смертей по десятилетиям, можно увидеть, что каждое из них имеет свои особенности. Для 20-х годов характерно постоянное снижение этого показателя. Если в 1923 году было зафиксировано 12 смертей, в 1924 — 9, то к 1930 году их число уменьшилось до 6 (с 40 в 1921-м году). Для этого периода, исключая трагические первые два года, справедливо утверждение

К. В. Махрова о том, что «смертность была незначительной, учитывая молодость эмигрантов (средний возраст прибывших в 1920–1921 годах составлял 30 лет)» (*указ. соч., стр. 27*). В следующее десятилетие, 1930-е годы, когда жизнь русской колонии благоустраивалась, а её численность стабилизировалась, количество смертей парадоксальным образом колебалось. Неясно, по каким причинам в нечётные годы оно было низким, а в чётные — выросло вдвое и выше (в 1931 — 7, в 1932 — 12; в 1933 — 3, в 1934 — 20; в 1935 — 9, в 1936 — 17; в 1937 — 6, в 1938 — 16). В 1940-е пик смертности пришёлся на 1942–1943 гг., когда Вторая мировая война докатилась до Туниса. В те годы умерло 14 и 19 человек соответственно (для сравнения: в 1941 — 6, в 1944 — 8). В 1950-е годы, несмотря на очередные — теперь уже политические — катаклизмы в стране, колебания числа умерших не имели периодичности, были значительно ниже — в диапазоне от 7 до 12 чел. В 1960-е годы диапазон стал ещё меньше — от 3 до 7 чел. в год. Но в связи со снижением количества проживавших в Тунисе русских до 100 чел. и ниже показатель смертности их вырос. Обусловлено это естественными причинами, связанными с постепенным старением колонии. Подекадный анализ среднего возраста на момент смерти подтверждает данный тезис однозначно. Так, в 20-е годы он составлял 37 лет, в 30-е — 49, в 40-е — 63, в 50-е — 67, в 60-е — 71 год. Тот же результат получен с применением методов математической статистики — в частности, корреляционного анализа. Коэффициент корреляции между годом смерти и возрастом умершего составил +0,68, что показывает наличие статистически значимой прямо пропорциональной зависимости данных показателей друг от друга. Это свидетельствует о том, что с годами жизнь русских в Тунисе всё более нормализовывалась, а её продолжительность всё меньше зависела от случайных причин.

По таким причинам уходили из жизни преимущественно в 1920-е годы, и в первую очередь в 1921–1923 годы. Следует уточнить, что к случайным, «неестественным» причинам здесь отнесены инфекционные заболевания, самоубийства, в том числе на почве психических расстройств, несчастные случаи. Хотя, конечно, самую распространённую в русской колонии инфекционную болезнь — туберкулёз — случайной можно назвать лишь условно. Как известно, данная болезнь считается социальной. Во время гражданской войны условия для её распространения (плохое питание, скученность, недостаток солнечного света) были более чем благоприятными. В результате от туберкулеза в 1921–1930 годах умерли 31 чел., из которых 15 — в первые три африканских года. В дальнейшем, когда

условия жизни улучшились и были открыты эффективные средства борьбы с болезнью, она в русской колонии постепенно сошла на нет (в 30-е годы от туберкулеза скончались 13 чел., в 40-е — 11, в 50-е — 4, в 60-е — 1). Всего по этой причине умерло 60 чел., что в четыре раза больше, чем из-за второго по распространённости инфекционного заболевания — тифа. Данная болезнь была наследием гражданской войны, поэтому 10 из 15 случаев смерти от него отмечены в 1921–1923 годах. Напротив, малярия больше распространена в тропических странах, чем в России. Поэтому не имевшие иммунитета русские беженцы заболевали, как правило, в лагерях или на работах, находившихся рядом с местами обитания малярийных комаров. *Так, в июне 1921 года от малярии умер комендант лагеря под Бизертой, полковник штаба Черноморского флота М. А. Ардатов.* Все 11 случаев летального исхода от этой болезни зафиксированы до 1936 года. Позднее малярия в Тунисе была побеждена, и русские ею не болели. Следует отметить, что, начиная с 1930 года, о. Константин Михаловский, делая записи в метрической книге, стал применять французский вариант названия болезни — палюдизм. В качестве причины смерти указывались также другие инфекционные болезни: менингит (5 чел. в разные годы); чума, оспа (3 случая в 1920-е гг., *в том числе врач П. И. Соловьев, заразившийся чумой во время работы в институте Пастера*); грипп (3 чел. в эпидемию 1949 года). Сложным является вопрос учета количества самоубийств. В метрических книгах их зафиксировано относительно немного — 5 в 1921–1923 годах и 10 в другие годы. К. В. Махров добавляет ещё три фамилии. Кроме того, пятеро лишивших себя жизни (согласно сведениям Махрова) записаны в метрических книгах без указания причин смерти или названы другие причины. *Например, юнкер флота Пётр Задунайский, музыкант на линкоре «Генерал Алексеев», записан в метрической книге 2-го отряда Русской Черноморской эскадры как утонувший 24 марта 1921 г. в Бизертском канале, на берегу которого он и был похоронен по указанию французских властей. В книге Махрова он числится как самоубийца на почве психического расстройства (указ. соч., с. 427).* Не вполне ясно, как о. Константин, за время своего служения похоронивший 144 человека и обычно предельно аккуратный в записях, допустил такие неточности. И вообще, почему духовенство участвовало в отправлении религиозных обрядов и захоронениях самоубийц на христианских кладбищах — ведь грех самоуправства в отношении собственной жизни по православному канону не допускает этого? «Блажени изгнани правды ради: яко тех есть Царствие Небесное» (евангелие

от Матфея) — распространяется и на них? Или православие здесь встало на позиции католичества, которое самоубийство вследствие расстройства психики не считает грехом? Может быть, именно по этой причине в метрических книгах так много записей типа «самоубийство на почве меланхолии», «лишил себя жизни через повешение вследствие сильного душевного и нервного расстройства», «застрелился из-за мании личного преследования», «бросился под поезд в припадке неврастении»... В качестве причины смерти 21 чел. указан несчастный случай. К этой категории относится гибель от природных явлений (от солнечного удара, утонули); техногенных катастроф (отравление газом и его взрыв); аварий на транспорте (люди попадали под поезд, сбивались автомобилями, разбивались на самолете). *Хочется привести подробную запись в виде примечания к метрической книге церкви Воскресения Христова в Тунисе за 1933 год: «Русский эмигрант Владимир Антонович Довлешев, 45 лет, спасая тонувшего в реке Siliana, около Koud-Mourou, брата своей жены господина Cibert, утонул сам с ним вместе 15 (28) августа. Погребён на христианском кладбище Medjez-el-Bab». Воистину, в жизни русского человека всегда есть место подвигу!* Таким образом, в 1921–1968 годах основными причинами смерти взрослых русских в Тунисе были: внутренние заболевания, обусловленные старением организма — 63,1 %; инфекционные болезни — 23,2 %; несчастные случаи — 4,6 %; самоубийства — 3,3 %; боевые ранения — 0,9 %; неустановленные причины — 4,9 %.

Гендерно-профессиональный анализ. Военная, в том числе флотская эмиграция — дело в основном мужское. Это видно и по метрическим книгам: за 1921–1968 годы в Тунисе из 453 умерших взрослых россиянина 347 были мужчины (76,6 %). Но вот в какой степени она была военной и тем более морской, дают представление следующие цифры. В тунисской земле похоронено 200 бывших российских военнослужащих и 147 гражданских лиц мужского пола (соответственно 57,6 % и 42,4 %). Среди военных было 115, или 57,5 % моряков, в том числе 92 адмирала, офицера и гардемарина и 23 матроса. Из 85 сухопутных военных — 65 генералов, офицеров и юнкеров и 20 солдат. Таким образом, из числа оставшихся навсегда в Тунисе русских беженцев лишь четверть состояла из бывших моряков Российского Императорского флота.

Что касается высших военных званий, то в Тунисе похоронено 5 адмиралов и 8 генералов. В том числе два вице-адмирала (А. М. Герасимов и С. Н. Ворожейкин) и три контр-адмирала (М. А. Беренс, В. В. Николая, А. И. Тихменев). Все генералы имели зва-

ние генерал-майора, причём трое из них (П. П. Баль, А. Е. Завалишин, Н. И. Лопатин) служили на флоте.

Изучение метрических книг подтвердило слова Анастасии Александровны Ширинской о том, что особо знатных людей в тунисской эмигрантской среде она не встречала. В них лишь 19 усопших отмечены как дворяне. Кроме того, у 5 человек приведены титулы: у двух — княжеский (генерал-майор Н. Г. Цулукидзе и старший лейтенант В. В. Шаховской) и у трёх — баронский (лейтенант В. Н. Радек, полковник лейб-гвардии К. Л. Унгерн-Штернберг, а также А. Богданова, ур. баронесса фон Рентель). Все они скончались в первые годы существования русской колонии (в 1930 году и ранее), поэтому юная Настя Манштейн не успела с ними познакомиться.

Почти всё время существования русской колонии в Тунисе женщины в ней составляли меньшинство (10,7 % в 1921 году и 30,7 % в 1926 году). Общей численности женщин соответствовала и их доля в количестве умерших по годам. В 1920-е годы она равнялась 18,1 %; в 1930-е — 20,5 %; в 1940-е — 26,4 %; в 1950-е — 28,6 % и в 1960-е — 25,6 %. Всего в метрических книгах имеются записи о 106 женщинах. Большая часть из них состояла в браке, причём некоторые не по одному разу. Многие женщины пережили своих мужей, некоторые из них и по нынешним меркам относятся к категории долгожителей. *Долгожительницами становились как женщины «из народа» (уроженка деревни Согожи Костромской губ. Анна Панкратьевна Новикова прожила 98 лет; деревни Лодыженка Полтавской губ. Евдокия Семеновна Пилипенко — 95 лет), так и особы более знатного происхождения (Екатерина Христиановна Юрьева, в девичестве Ланге, из Одессы, и Мария Карловна Медер, урождённая Счасни, из Харькова, вдова генерала-лейтенанта, прожили по 96 лет).*

Особенного упоминания заслуживают **семейные пары**, прожившие вместе много лет и скончавшиеся почти одновременно. Возраст супругов при этом не имел решающего значения. *41-летний контр-адмирал Владимир Владимирович Николая умер в марте 1923 года через 8 месяцев после жены Ольги Александровны, которой было на момент смерти 54 года. После кончины в сентябре 1955 года 75-летней Елены Ивановны Поповой её муж Алексей Михайлович, поручик по Адмиралтейству, 79 лет, умер меньше, чем через месяц. Коллежский регистратор Тихон Иванович Муха (64 года) ушёл из жизни после своей супруги Пелагеи Тарасовны (54 года) в том же 1955 году на полгода позже. В метрических книгах остались свидетельства тесноты родственных связей, не позволяющих жить*

поодиночке близким людям не только российского происхождения. Так, в тунисском городе Тебурсук в начале ноября 1936 года от воспаления лёгких скончался 52-летний Александр Михайлович Франкиас, греческий подданный. Его старший брат Иван Михайлович 62-х лет умер там же от кровоизлияния в мозг через три дня. Несмотря на отсутствие записей в церковных книгах, нельзя не упомянуть ещё об одной паре. Врач Людмила Сергеевна Монастырёва, 65-ти лет, пережила мужа, капитана 2-го ранга, историка флота Нестора Александровича, 70-ти лет, немногим больше, чем на 7 месяцев (февраль – сентябрь 1957 года).

География мест последнего упокоения русских в Тунисе. Подавляющее большинство похоронено на христианском кладбище города Тунис Боржеле. По оценке К. В. Махрова, на нём находятся могилы, судя по надписям на надгробьях, около 400 чел., включая перенесённых с ликвидированного кладбища Бельведер. По мнению В. Лобыцина, в Бизерте и в Ферривиле похоронено менее 100 русских. Согласно метрическим книгам, в Боржеле похоронено 253 чел., что в совокупности с ликвидированными кладбищами Бельведер (37 чел.) и Баб эль Кадра (4 чел.) даёт цифру 294. В Бизерте и Ферривиле — 42 и 21 могила соответственно. Расхождение сведений, полученных из разных источников, подтверждает слова К. В. Махрова о том, что исчерпывающего перечня русских могил с указанием местоположения не существует. Очевидно также и то, что не все русские были похоронены с участием православных священников. Остаются малоисследованными захоронения в других населённых пунктах Туниса. Ситуация усложняется тем, что христианские кладбища в некоторых из них (в частности, в Суссе и Хаммам-Лифе) также ликвидированы после получения страной независимости. Между тем, даже по неполным данным, которые содержатся в метрических книгах, там лежало немало русских: в указанных городах — по 9 чел., в пригороде Туниса Мегрине — 11, в другом пригороде Краме и шахтёрском Махула-Радесе — по 6, в Кайруане — 5, в Сфаксе и Кефе — по 4.

В заключение рассмотрим вопрос **правового статуса захоронений**. На кладбищах основных мест расселения наших соотечественников их хоронили в специально отведённых местах — Русском отделе (секции). Такие места существовали на Боржеле в Тунисе и Уэд эль Асель в Бизерте. Захоронения были двух типов: братские могилы и индивидуальные. Первые всегда являлись бесплатными. Во вторые хоронили как на бесплатной, так и на платной основе. В метрических книгах сведения о платности захоронений

на кладбищах Боржель и Бельведер приводил только о. Константин Михаловский в течение всего периода своего служения (1922–1939 годы). За указанный период 36 могил отмечены им как оплаченные и 70 — как бесплатные. Несомненно, данное почти двукратное превышение бесплатных захоронений свидетельствует об уровне бедности в эмигрантской среде. *Так, на кладбище Боржель, в бесплатной могиле Русского отдела погребений 1936 года похоронен генерал-майор Российского Императорского флота, преподаватель навигации и математики в Морском корпусе Александр Евгеньевич Завалишин, в Тунисе — сторож в лицее и работник лаборатории цементного завода. Но не всё укладывается в простые схемы. У русских людей были свои приоритеты в жизни и после неё. Умерший от малярии 26 июня 1930 года Михаил Гаврилович Ячменин завещал французскому гражданскому госпиталю 38 тыс. франков на кровать для русских в нём, хотя похоронен он был в такой же бесплатной могиле, что и А. Е. Завалишин.*

Итак, изучение метрических книг русских церквей в Тунисе позволяет нарисовать портрет среднестатистического члена русской колонии в этой стране: мужчина, не моряк, из разночинцев, прожил 57,4 года, похоронен на кладбище Боржель в бесплатной могиле.

По некоторым захоронениям, вне зависимости от того, оплачены они или бесплатные, в книгах имеется приписка: «похоронен на вечные времена». А вот как долго продлится эта вечность, зависит от наших с вами, а также следующих за нами поколений, усилий.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Состав Координационного совета по подготовке к проведению мероприятий, посвящённых 100-летию Крымской эвакуации («Русского исхода»)

Председатель Координационного совета:
руководитель Россотрудничества
Митрофанова Элеонора Валентиновна

Сопредседатель Координационного совета:
исполнительный директор
Российского военно-исторического общества
Барков Александр Викторович

Ответственный секретарь:
советник президента Союза музеев России
Корнеев Сергей Евгеньевич

Абулхатин Марат Сисенович	Первый заместитель главного редактора Информационного телеграфного агентства России (ИТАР-ТАСС)
Алявдин Виссарион Игоревич	Председатель Общества потомков участников Первой мировой войны
Аристархов Владимир Владимирович	Директор Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
Баринова Надежда Михайловна	Директор Историко-документального департамента Министерства иностранных дел Российской Федерации
Брилёв Сергей Борисович	Заместитель генерального директора телеканала «Россия» по специальным информационным проектам

Великанова Ирина Яковлевна	Директор Государственного центрального музея современной истории России
Гладков Пётр Владимирович	Директор Московского Дома соотечественников
Гудова Эльвира Владимировна	Президент Фонда сохранения исторического и культурного наследия имени А. А. Манштейн-Ширинской
Гуров Илья Анатольевич	Первый заместитель Исполнительного директора Российского географического общества
Епископ Зеленоградский Савва (Тутунов)	Заместитель управляющего делами Московской Патриархии
Кириллов Владимир Владимирович	Вице-губернатор Санкт-Петербурга
Козлов Денис Юрьевич	Руководитель Центра военной истории России Института Российской истории Российской академии наук
Кузубов Вера Васильевна	Президент Фонда памяти Белого движения
Мельникова Светлана Евгеньевна	Директор Государственного Владимиро-Суздальского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника
Мозговой Сергей Александрович	Руководитель Центра военного и морского наследия Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва

Москвин Виктор Александрович	Директор Дома русского зарубежья имени А. И. Солженицына
Мурадов Георгий Львович	Заместитель Председателя Совета министров Республики Крым – Постоянный Представитель Республики Крым при Президенте Российской Федерации
Мусиенко Николай Иванович	Директор Севастопольского военно-исторического музея-заповедника
Прокопенков Вадим Николаевич	Президент СРОО «Исторический клуб «Севастополь Таврический»
Работкевич Александр Викторович	Директор Архива Российской академии наук
Садофьева Татьяна Вячеславовна	Председатель Российско-Тунисского делового совета
Смирнов Валентин Георгиевич	Директор Российского государственного архива Военно-Морского Флота (РГАВМФ)

**Резолюция
Международной историко-просветительской конференции
«Судьба Русской эскадры: корабли и люди»**

В Центральном военно-морском музее имени Петра Великого Министерства обороны Российской Федерации в г. Санкт-Петербурге 21–22 ноября 2019 года прошла Международная историко-просветительская конференция «Судьба Русской эскадры: корабли и люди».

Её организаторами выступили Центральный военно-морской музей, Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра и Фонд сохранения исторического и культурного наследия имени А. А. Манштейн-Ширинской.

Проведение конференции стало реализацией плана мероприятий к 100-летию исхода эскадры Черноморского флота из Крыма и Севастополя («Русского исхода»).

В работе конференции приняли участие военные, историки, краеведы, культурологи, специалисты музейного, архивного и библиотечного дела, духовные лица и энтузиасты, интересующиеся историей русской эскадры, судьбой тех русских людей, кто оказался на чужбине.

В адрес конференции были направлены приветствия Главного командования Военно-Морского Флота и Военно-морской академии имени Н. Г. Кузнецова, губернатора Санкт-Петербурга Александра Беглова, руководителя Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств Элеоноры Митрофановой, Чрезвычайного и Полномочного Посла Российской Федерации в Тунисе Сергея Николаева, заместителя губернатора Севастополя Ольги Тимофеевой, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Варсонофия, председателя Российско-Тунисского делового совета Татьяны Садофьевой, которая представила анонс Международного молодёжного историко-образовательного конкурса «Морское наследие России», директора Центрального военно-морского музея Руслана Нехай, директора Российского государственного архива ВМФ Валентина Смирнова и др.

Представителям г. Севастополя была передана земля из храма св. князя Александра Невского г. Бизерты в ознаменование инициативы побратимства городов и создания в Севастополе храма, как части мемориала, посвящённого исходу.

В ходе работы конференции были заслушаны доклады ведущих учёных и специалистов по истории исхода Русской эскадры, сообщения волонтеров, энтузиастов-практиков — хранителей наследия эскадры, представителей государственных органов, научно-исследовательских, культурных и общественных организаций, занимающихся изучением культурно-исторического, военного и морского наследия Русской Армии и Флота. Общественные и государственные деятели вместе с учёными и деятелями культуры вновь обратились к осмыслению далёкой, но по-прежнему важной для нас эпохи.

Участники конференции отметили возросший интерес общества и военных моряков к истории и судьбе воинов и членов семей Русской эскадры, её культурному наследию.

Конференция отметила большой вклад Фонда сохранения исторического и культурного наследия имени А. А. Манштейн-Ширинской в создание мемориального центра «Дом Русской эскадры» и поддержание построенного в 1938 г. православного храма-памятника св. князя Александра Невского.

В рамках конференции были организованы выставки:

- из собрания ЦВММ имени императора Петра Великого с экспозицией документов, фотографий и личных вещей моряков;
- фотодокументальная выставка «Последние гардемарины. 1918–1925. Петроград — Владивосток — Севастополь — Бизерта», подготовленная Домом русского зарубежья;
- выставка книг об истории Русской эскадры, организованная Центральной военно-морской библиотекой.

ЦВМБ были подарены книги, изданные в рамках издательской программы Фонда сохранения исторического и культурного наследия имени А. А. Манштейн-Ширинской.

Участники конференции предложили:

- продолжить изучение и обобщение материалов по истории исхода Армии и Флота, продолжить поиск новых сведений, документов, захоронений в целях сохранения памяти о наших соотечественниках;
- способствовать привлечению студенческой и школьной молодёжи к изучению и сохранению историко-культурного и морского наследия;
- повысить значение исследований по истории флота, выполняемых молодыми учёными;
- способствовать развитию межкультурных отношений в современном российском обществе и международном пространстве;

- рекомендовать музеям и представителям иных культурно-просветительских учреждений активизировать работу по организации историко-просветительской деятельности, связанной с судьбой Русской эскадры;

- способствовать вовлечению молодёжи в участие в Международном молодёжном историко-образовательном конкурсе «Морское наследие России»;

- рекомендовать принять самое активное участие в обсуждении проекта памятника к 100-летию Крымского исхода в Севастополе;

- опубликовать материалы конференции;

- в 2020 году сосредоточить усилия на выполнении Плана мероприятий, посвящённых 100-летию Крымской эвакуации («Русского исхода»);

- предпринять конкретные меры по обеспечению государственной поддержки деятельности «Дома Русской эскадры», сохранения в надлежащем состоянии храма-памятника св. князя А. Невского и захоронений соотечественников с целью создания Мемориального комплекса, объединённого «Бизертинским маршрутом»;

- оказать поддержку в реализации издательской программы Фонда сохранения исторического и культурного наследия имени А. А. Манштейн-Ширинской. Выпустить второй том книги «Русская Эскадра. Прощание с Императорским флотом» о судьбах моряков и кораблей, оставшихся в России.

Участники конференции выражают уверенность, что выполнение мероприятий 100-летнего юбилея будут способствовать гуманистическим идеалам, сплочению граждан России, развитию международных и межкультурных связей.

Сопредседатели Оргкомитета конференции (подпись)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ¹²¹

Акулова Татьяна Валентиновна, генеральный директор Морского литературно-художественного фонда имени Виктора Конецкого, член клуба «Бизерта».

Бешанова Светлана Анатольевна, вице-президент Некоммерческой культурной ассоциации «Российское наследие», преподаватель Высшего института языков Карфагенского университета (Тунис), член клуба «Бизерта».

Валиев Мурат Тимурович, генеалог, руководитель проекта «Общество друзей школы Карла Мая», член клуба «Бизерта».

Виноградов Сергей Евгеньевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центрального музея ВС РФ Минобороны России.

Володихин Дмитрий Михайлович, доктор исторических наук, эксперт общества «Двуглавый орел», профессор МГУ.

Головнин Пётр Андреевич, директор Ассоциации «Русско-Японский центр по науке и культуре», Санкт-Петербург.

Гудова Эльвира Владимировна, президент Фонда имени А. А. Манштейн-Ширинской.

Ельцова Елена Николаевна, президент Некоммерческой культурной ассоциации «Российское наследие», доцент Высшего института языков Карфагенского университета (Тунис), член клуба «Бизерта».

Крылова Наталия Леонидовна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник ФГБУН Институт Африки РАН.

Кузнецова Камилла Эдуардовна, член клуба «Бизерта».

Лавриненко Николай Алексеевич, епископ Кронштадтский, настоятель Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры, председатель правления Фонда сохранения исторического и культурного наследия имени А. А. Манштейн-Ширинской.

Мозговой Сергей Александрович, кандидат исторических наук, капитан 1-го ранга, руководитель Центра военного и морского наследия Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва.

Назаренко Кирилл Борисович, доктор исторических наук, профессор, председатель Учебно-методической комиссии по укрупненной группе специальностей 46.00.00. «История и археология».

---

¹²¹ По состоянию на 21 ноября 2019 г.

- Никитин Евгений Александрович**, доктор медицинских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, действительный член Академии военных наук РФ, полковник медицинской службы в отставке, профессор-консультант Кронштадтского Военно-морского госпиталя.
- Павлова Ирина Михайловна**, член совета Русского Генеалогического общества РНБ, руководитель программы «Музыка Бизерты», член правления Петербургского Дворянского собрания.
- Поликарпов Валентин Константинович**, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского Государственного университета, член клуба «Бизерта».
- Рудковская Маргарита Михайловна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры политической экономики и истории экономической науки Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова.
- Сапунова Валентина Олеговна**, член клуба «Бизерта».
- Саранов Виталий Алексеевич**, победитель конкурса проектов имени А. Невского Калининградской мэрии 2016 г. в номинации «Изобразительное искусство».
- Серебрянникова (Манштейн) Алла Юрьевна**, первый руководитель программы «Клуб Бизерта» Фонда сохранения исторического и культурного наследия имени А. А. Манштейн-Ширинской.
- Сологубовский Николай Алексеевич**, журналист, писатель, востоковед, член Императорского Православного Палестинского общества.
- Фомин Олег Иванович**, Почетный член ИППО, президент Благотворительного фонда «РУССАР», сопредседатель Комитета солидарности с народами Ливии и Сирии, вице-президент Русского центра изучения и сохранения культурного наследия Святого города Иерусалим.
- Шкаровский Михаил Витальевич**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центрального Государственного архива Санкт-Петербурга, профессор Санкт-Петербургской духовной академии.
- Щугаев Андрей Альбертович**, филокартист, автор более сорока публикаций по филокартии.

Научно-информационное издание

**Судьба Русской эскадры: корабли и люди.
Материалы Международной историко-просветительской
конференции «Судьба Русской эскадры: корабли и люди»
(Санкт-Петербург, 21–22 ноября 2019 г.)**

Научный редактор и составитель
С. А. Мозговой

Дизайн обложки
М. Ю. Маяков

Компьютерная верстка
М. Е. Заболотникова

Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2
E-mail: info@heritage-institute.ru